

В РУССКОМ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ
ПРОЦЕССЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.
„СЛОВО О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ“

Ф.Я. ПРИЙМА

Ф.Я. ПРИЙМА

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

В РУССКОМ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ
ПРОЦЕССЕ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ
XIX В.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы
(П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

Ф. Я. ПРИЙМА

**«СЛОВО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ»**

В РУССКОМ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ
ПРОЦЕССЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ
XIX ВЕКА

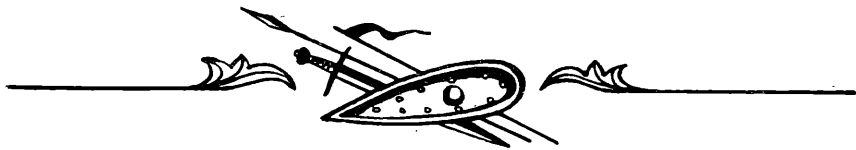

ЛЕНИНГРАД
«Н А У К А»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

Ответственный редактор
К. И. РОВДА

II $\frac{70202-582}{042(02)-80}$ 553.80.4603010101.

© Издательство «Наука», 1980 г.

ОТ АВТОРА

В основу книги, предлагаемой вниманию читателей, легли статьи автора, публиковавшиеся им в период с 1950 по 1975 г. и посвященные спорным вопросам открытия «Слова о полку Игореве», а также воздействию его на научную мысль и литературное движение первой трети XIX в.

Четыре главы книги (3-я, 4-я, 8-я и 10-я) публикуются впервые. Остальные главы при включении их в книгу подверглись различного рода уточнениям и редактированию.

В основу «Введения» положена статья «Гнездо шестикрылых соколов», опубликованная в журнале «Молодая гвардия» (1975, № 12).

Глава первая объединяет три самостоятельных фрагмента, для которых использован материал трех статей: первая из них, «К истории открытия „Слова о полку Игореве“», была напечатана в «Трудах Отдела древнерусской литературы» (т. XII, 1956), вторая, «К спорам об открытии „Слова о полку Игореве“», опубликована в сборнике статей «От „Слова о полку Игореве“ до „Тихого Дона“» (Л., 1969); третья, озаглавленная «Он также был причастен...», — в журнале «Русская литература» (1975, № 2).

Глава вторая написана на материале статьи «О гипотезе А. А. Зимина», помещенной в журнале «Русская литература» (1966, № 2).

В основу главы пятой легла статья, опубликованная в «Трудах Отдела древнерусской литературы» (т. VIII, 1952) под заглавием «Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над „Словом о полку Игореве“».

Глава шестая была опубликована в «Трудах Отдела древнерусской литературы» (т. X, 1954) в составе статьи «„Слово о полку Игореве“ в литературной жизни начала XIX века».

Глава седьмая была первоначально напечатана в виде самостоятельного раздела статьи «„Слово о полку Игореве“ в научной и художественной мысли первой четверти XIX в.» (в кн.:

Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950).

В основе главы девятой — статья, опубликованная в сборнике «Гоголь» под редакцией М. П. Алексеева (Л., 1954).

При написании главы одиннадцатой автором были использованы его прежние публикации об А. Н. Оленине, Н. М. Кугушеве, Р. Ф. Тимковском и С. Н. Глинке в «Трудах Отдела древнерусской литературы» (т. IX, 1953; т. X, 1954; т. XIV, 1958; т. XXVI, 1971).

Работая над книгой, автор стремился придать ей необходимое единство, не претендующее, впрочем, на целостность, соблюдаемую в исследованиях монографического жанра. Взаимодействие «Слова о полку Игореве» с русской художественной культурой XIX—XX столетий — тема увлекательная, неиссякаемая и слабо изученная. И если настоящая книга хоть в малой степени будет способствовать возбуждению читательского и исследовательского интереса к этой теме, автор сочтет свою задачу выполненной.

ВВЕДЕНИЕ

Совсем невелико по объему «Слово о полку Игореве», но вмещается в нем не просто изображение неудачного похода русских в мае 1185 г. на половцев, а по существу — картина всей древней Руси. Безымянный автор «Слова» охватывает своим взором широкие просторы Русской земли, от упирающегося в Карпатские горы Галицкого княжества до раздольной Волги и от владений Великого Новгорода до солнечной Тмутаракани.

Велик и разнообразен «людской состав» древней поэмы: целая вереница незадачливых в массе своей князей, истощающих силы в междоусобных дрязгах и ссорах; вскормленные с конца копья удалые воины-кмети; надрывающие грудь над скудной пашней ратаи; тоскующие по мирному труду и защищенному семейному очагу русские жены.

Человек в поэме об Игоревом походе изображен в его первоизданной слитности с природой. Воины-русичи скачут на своих борзых конях, как серые волки, и рыкают, как дикие туры; как вольные соколы, стремятся они «птицу в буйстве одолети». Русский человек XII в. мог запросто, как князь Игорь, вести разговор с водными стихиями или вступить в спор, как Ярославна, с солнцем и ветром. Впрочем, уже в ту пору анимизм древних русичей утрачивал свое религиозное содержание, становясь своеобразным средством художественного мышления. Миросозерцание автора «Слова о полку Игореве» уместно назвать первобытно-пантеистическим, а отчасти и наивно-материалистическим, несмотря на известную его зависимость от языческих воззрений, с одной стороны, и вероучения христианской церкви — с другой.

Природа в «Слове о полку Игореве» выступает нередко в облике силы устрашающей: перед русским войском сверкают зловещие молнии и встают кровавые зори, предвещающие беду; волки воют по яругам; вороньи и галочки стаи устремляются к месту битвы. В других случаях природа сочувствует человеку и даже способна оказать ему действительную помощь: Дон кличет

русских князей на борьбу с кочевой степью; Донец торжествует при виде убегающего от половцев Игоря, а птицы предупреждают его об опасности; деревья и травы из сочувствия к русским воинам склоняются долу, и т. п.

Масштабность избранной темы (судьба государства) не отвлекает внимания древнего певца от конкретных деталей средневекового быта. Индивидуальное и частное не заслоняются у него общим и суммарным. Речь идет не столько о предметности при описании оружия и снаряжения той поры или о подробностях «генеалогической таблицы» русских князей, сколько о достоверности и многомерности изображения сложной действительности, ее все возрастающих противоречий, ее внутреннего драматизма.

Для каждого из действующих лиц автор поэмы находит особые средства изображения, и почти каждое из них наделено присущими только ему, персональными чертами. Если Всеслав Полоцкий изображается в манере фантастической волшебной сказки, то фигура Ярослава Галицкого (Осомысла) нарисована средствами фольклорного гиперболизма, а «портрет» великого князя Святослава Всеволодовича выдержан в духе бытовой реалистичности. Если образы большинства русских князей даны посредством прямого авторского описания, то при изображении половецких ханов Кончака и Гзака используется прием речевой характеристики героя. С помощью такого приема, кстати сказать, создан в поэме и образ Ярославны. Плач княгини поражает нас и гармоническим единством с общим замыслом, и композиционной уравновешенностью, и неподдельностью выражаемых чувств, и глубиной психологизма.

Психологизм «Слова о полку Игореве» — это не особенность стиля определенной литературной школы; его сущность и своеобразие — в лиризме мышления творца. Например: «О Русская земле, уже за Шеломянем (за горою, — *Ф. П.*) еси». Или: «Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело». Создатель поэмы одной фразой ставит читателя в положение воссоздаваемых лиц, заставляя его переживать то же, что испытывали они. Большая глубина психологического раскрытия образа ощущается, скажем, в словах поэмы о Всеволоде Святославиче, который в пылу битвы забывает все, даже «своя милья хоти, красныя Глебовны свычая и обычая». А с какой лапидарностью и глубиной дан Влур: он сопровождает конного Игоря пешком, «труся собою студеную росу». Деталь эта не только создает незабываемое зрительное впечатление, но и подчеркивает напряжение побега, совершавшегося без передышки, днем и ночью. Предельно насыщены драматизмом и психологизмом обращенные к зачинщикам злосчастного похода слова великого князя Святослава: «Рано начали вы Половецкой земле досаждать мечами, а себе славы искать <...> Что же сделали вы моей серебряной седине?». Авторские ремарки типа «в княжеских крамолах сокращались

жизни людские» и «тогда по Русской земле редко пахари покрывали, но часто вороны каркали» придадут поэме особую эмоциональность.

В раскрытии внутреннего мира героев, в изображении не столько церемониальных, сколько буднично-неприглядных сторон войны, во внимании к тем, кто нес основное бремя ее тягот, в пробуждении патриотических чувств и состоит гуманизм древней поэмы.

Русь «Слова о полку Игореве» еще повита мглою средневековых, как языческих, так и христианских, суеверий и предрассудков, составляющие ее племена еще изрядно отчуждены друг от друга, но и в это время, в условиях «пониженного веселия», уже вызревала идея единства Русской земли и возникали первые ростки национального самосознания. Иллюзорные представления о прошлом как «золотом веке» и о старых князьях как об идеальных правителях были еще сильны в народе, но даже утопизм этот способствовал уяснению несовершенств настоящего и пробуждал мечту о лучшем жизнеустройстве.

В «Слове о полку Игореве» запечатлена Русь периода ее феодальной раздробленности. «Суть поэмы, — писал Карл Маркс, — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ».¹ Несмотря на ослабление политического могущества государства, русская художественная культура той поры находилась в процессе неуклонного роста. Полностью или частично сохранившиеся до наших дней такие памятники, как Успенский и Дмитриевский соборы во Владимире, церковь Покрова на Нерли, собор Юрьева монастыря в Новгороде и многие другие, служат наглядным подтверждением своеобразного расцвета русского зодчества в XII—XIII вв. В меньшей сохранности дошли до нас памятники русской живописи того времени. В еще большей степени пострадали от превратностей судьбы и алчности времени произведения древнерусской письменности. Известно, что рукопись Лаврентьевской летописи, в состав которой, кстати сказать, входит такой всемирно известный памятник литературы, как «Поучение Владимира Мономаха», сохранилась в одном-единственном экземпляре. Долгое время наша наука обладала всего лишь одним списком «Слова о погибели земли Русской», замечательного произведения русской письменности XIII в. (только в 1933 г. стал известен второй список этого памятника). Современный читатель не знал бы о существовании «Повести о Горе и Злочастии», если бы не дошедшая до нас в одном лишь экземпляре рукопись этого шедевра русской литературы XVII в. В единственном списке (XVI в.) дошла до нового времени и рукопись «Слова о полку Игореве», сгоревшая в пожаре 1812 г.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 16.

Мы не допустим поэтому ошибки, сказав, что масса произведений древнерусской письменности погибла бесследно и что среди этой массы находились бесспорно и произведения уникальные. В высшей степени уникальным творением является и знаменитая поэма об Игоре в походе. По искренности своего гражданского пафоса, по органической близости к народно-поэтическому творчеству, по непревзойденным художественным достоинствам «Слово о полку Игореве» возвышается над всеми известными нам произведениями древнерусской литературы. Безвестный автор древней поэмы был подлинным певцом-кудесником, слова его обладали удивительной впечатляющей силой, они звенели, как струны под перстами вещего Бояна, и каждое из них было весомым, колоритным и самобытным. Вдохновенные слова певца-гражданина волновали и покоряли людские сердца.

Монгольское завоевание нанесло огромный ущерб русской культуре, надолго оборвав или ослабив ее развитие. Однако звучание «Слова о полку Игореве» не замирало и в ту мрачную эпоху. Так, авторы «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище», воспевая победу Дмитрия Донского на Куликовом поле, черпали вдохновение из поэмы об Игоре в походе, в которой близкая их сознанию тема борьбы со степными кочевниками получила непревзойденное красочное воплощение. Впрочем, ни в повестях Куликовского цикла, ни в других произведениях XIV—XV вв., написанных под сильным воздействием официальной церковной идеологии, демократический пафос «Слова» и его свободная от церковной догматики мировоззренческая основа не могли найти подлинного созвучия. О влиянии «Слова» на письменность XVI—XVIII вв. у нас вообще нет никаких данных.

В конце XVIII в. (около 1787 г.) принадлежавшая библиотеке Спасо-Ярославского монастыря книга, составленная из рукописей исторического и беллетристического содержания, в которую входило и «Слово о полку Игореве», была приобретена любителем древностей графом А. И. Мусиным-Пушкиным. Новому владельцу книги и его друзьям пришлось затратить немало времени и труда для прочтения и перевода древней поэмы, которая и была наконец во второй половине 1800 г. издана.

В отечественной филологической науке «Слово» вызвало к жизни массу книг, статей и публикаций. К настоящему времени подобного рода исследований насчитывается около 3000, из которых примерно три четверти приходится на советскую эпоху.

Ученые-медиевисты достигли значительных результатов в создании реального комментария к древней поэме об Игоре в походе, в установлении ее событийной основы, ее соотношения с русскими летописями, фольклорной поэтикой, повествовательной и ораторской прозой эпохи. И вместе с тем тот, кто взял бы

на себя труд подвести итоги научного изучения «Слова о полку Игореве», пришел бы к выводу, что вся сумма посвященных ему исследований — это лишь начало той большой работы, вернее, того цикла работ, которые еще надлежит осуществить советским ученым.

Одно из важнейших мест в этом цикле безусловно займет капитальное историко-литературное сопоставление «Слова» с героическим эпосом других славянских народов. На необходимости подобного рода исследований свыше ста лет тому назад настаивал Н. Г. Чернышевский. «Толковать о „Слове о полку Игореве“, — писал он в 1854 г., — <...> не имея близкого знакомства с народною поэзиею вообще и самого ближайшего знакомства с народною поэзиею славянских племен в частности, значит осуждать себя на такие же смешные промахи, как принимаясь толковать о Софокле без знания греческого языка».²

Оставшееся в силу многих причин нереализованным в XIX в., это пожелание великого критика и ученого сохраняет свою силу и для советской медиэвистики. Нарушая требования, предъявляемые обычно к жанру введения, попытаемся проиллюстрировать нашу мысль на конкретном примере — на следующем, недостаточно проясненном фрагменте древнего памятника: «Ингварь и Всеволодь, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилиц! <...> Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую...».³

В приведенном отрывке автор, как бы продолжая «золотое слово» Святослава, обращается с призывом к волынским князьям, стремясь пробудить в них чувство ответственности за судьбу Русской земли в целом. Однако действительные дела и поступки этих князей, являющихся наследниками достойных предков, удастаиваются в поэме лишь горькой укоризны.

Подавляющее большинство филологов-специалистов не без оснований видело в «шестокрыльцах» метафору, образованную из оборота «соколы-шестокрыльцы». Однако отсутствие данной метафоры, как и фразеологизма «шестокрылый сокол», в русской письменности (литературе) и фольклористических записях наталкивало некоторых исследователей на поиски иного происхождения загадочного слова.

Один из первых комментаторов поэмы, Н. М. Карамзин, относя выражение «не худа гнѣзда шестокрилиц» лишь к трем братьям Мстиславичам, дал к нему следующее пояснение: «Срав-

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 2. М., 1949, с. 320.

³ Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком на исходе XII столетия. М., 1800, с. 32—33. Воспроизведено (с сохранением пагинации) в кн.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (сер. «Лит. памятники»). (Далее при цитировании указывается сокращенно: *Слово*).

нвивая сих трех братьев с пернатыми, он (автор, — Ф. П.) называет их шестокрылькими для того, что у трех птиц шесть крыльев». ⁴ Комментарий Карамзина противоречит, однако, законам и традициям русского, да и любого иного языка. Назвать трех пернатых «шестокрыльками» было бы в такой же мере неправомерно, как и назвать их, скажем, «трехголовцами». Искусственный характер карамзинского пояснения состоял еще и в том, что оно игнорировало существующий в фольклоре различных славянских народов эпитет «шестикрылый», применяемый к оленю (болг.), коню (болг., серб.), змею (рус., серб., болг.), рыбе (серб.). Тем не менее с пояснением Карамзина по закону инерции продолжают считаться до сих пор как в исследовательской, так и в учебной литературе. ⁵

В литературе о «Слове» (в работах А. Ф. Вельтмана, И. И. Срезневского и др.) прослеживается также тенденция рассматривать «шестокрыльцев» как метафору, возникшую под воздействием христианских представлений о шестикрылых ангелах (серафимах). Тенденция эта заслуживает рассмотрения. Следует заметить, однако, что подобного рода перенесение понятия церковно-литургического употребления в сферу охотничьего или воинского быта могло произойти только через посредство фольклора и что для этого потребовался бы огромный период времени, гораздо более значительный, чем те неполные двести лет, которые протекли с момента христианизации Руси до написания «Слова о полку Игореве». Вот почему видеть источник русского словоупотребления «шестокрыльцы» в христианском мифотворчестве представляется нам бессмысленным.

Оригинальную точку зрения на интересующее нас слово высказал в 1949 г. проф. Н. В. Шарлемань. «Шестокрыльцы, — писал он, — по-видимому, соколы, у которых обычное для большинства птиц <...> деление оперения крыла на три части <...> особенно ясно видно во время парения. Таким образом, весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда „шестокрыльцы“». ⁶

Точка зрения Н. В. Шарлеманя за три десятилетия, протекшие с момента ее обнародования, получила широкую известность и признание комментаторов и исследователей «Слова о полку Игореве». Но несмотря на это строгой критики она не выдерживает. Она превращает автора древней поэмы в анатома-натуралиста, занимающегося изучением строения соколиного крыла, в то время как он был и образованным человеком своего времени, и носителем народно-поэтической стихии, в воображении

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. III. СПб., 1816, с. 536, примеч. 266.

⁵ См., например: Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе. Изд. 8-е. М., 1973, с. 72.

⁶ Шарлемань Н. В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1949, с. 113.

которого не только соколы, но и бескрылые звери могли называться шестикрыльцами.

В 1962 г. ценными суждениями о народно-поэтической метафоре «шестокрилец» — «шестокрилци» поделился с читателями болгарский филолог Н. М. Дылевский. Его внимание привлекла болгарская народная песня «Похвальба мадьярского короля», в которой словом «шестокрилец» назван герой южнославянского юнацкого эпоса Рельо.⁷ Заслуга исследователя состояла также в том, что он указал на возможность более обстоятельного объяснения образа «соколов-шестокрыльцев» русской поэмы путем его сопоставления с соответствующими образами южнославянских фольклорных источников.

Развитию наблюдений Дылевского посвятил в 1970 г. специальную статью сараевский ученый Александр Доне.⁸ Он обследовал свыше десятка сербскохорватских юнацких песен, в которых упоминается имя юнака Рельо. В некоторых из них к имени героя дается приложение: «крилати», «крилатица», «крилатович». Но ни одна не называет героя «шестикрилим» или «шестокрыльцем». Дважды упомянут Рельо Шестокрили лишь в одной македонской песне. Однако ассоциировался ли эпитет «крилати» или «шестокрили» в народном творчестве южных славян с образом сокола? — спрашивает себя исследователь и отвечает на этот вопрос отрицательно. Основание для такого ответа Александр Доне находит в сербскохорватской песне «Женитьба короля Мирчета», где о Рельо и его соратнике Змее — Огненном Вуке сказано: «вы обладаете крыльями змея». Итак, Рельо не сокол, а змеевич (т. е. юнак, рожденный женщиной от змея) — к такому выводу приходит исследователь. Существует ли в таком случае какая-либо близость между русскими соколами-шестокрыльцами и шестокрыльцами змеевичами южных славян? А. Доне находит между ними преемственную связь: образ соколов-шестокрыльцев, по его мнению, возникает на более ранней стадии развития общеславянского фольклора.

В содержательной, хотя и не бесспорной по выводам, статье югославского ученого «развилка» между фольклорными традициями восточных и южных славян оказалась сильно преувеличенной, и это произошло прежде всего потому, что из его поля зрения выпало произведение, представляющее для исследователей «Слова о полку Игореве» исключительный интерес. Речь идет о записанном Вуком Караджичем на далматинском побережье причитании сестры над умершим братом. Вот его неполный текст:

⁷ Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, с. 190—191.

⁸ Доне А. Покушај тлумачења староруског хапакс-легомена «шестокрилци». — Филолошки преглед, Београд, 1970, т. III—IV, с. 1—9.

Што си ми се оборио, мој делијо!
 Што ли љепше изодио, ох је мене!
 У ођелу делијинскоме, мој соколе!
 У оружју јуначкоме, мој јуначе!
 Како да ћеш у сватове дивни свате!
 За ђевера уз ђевојку, за тебе је!
 Страшно ли те прегледати, дико брате!
 Јадно ли те прегорјети, ја ти јадна!
 Сив соколе шестокрили, брате, срећо!
 Братска сабља самокова, мој Лазаре!⁹

Мы привели здесь лишь небольшую (одну пятую) часть этого замечательного причитания, насыщенного явственными приметамы древнеславянских понятий о жизни и смерти, любви и дружбе, чести и славе.

Причитающая сестра называет брата «соколом шестокрылым», т. е. соколом как бы «утроенных сил», — это выработанная в веках формула утроения, формула восхваления человека. Контекст, в который включена эта формула в сербскохорватском голошении, позволяет безошибочно прокомментировать «соколов-шестокрыльцев» в «Слове о полку Игореве». В отличие от А. Доне мы можем теперь сказать, что в фольклоре южных славян эпитет «шестокрылый» получал самое разнообразное применение. И образ «соколов-шестокрыльцев» в древней русской поэме, и аналогичный образ в сербскохорватских причитаниях восходят в конечном счете к одному и тому же источнику. Таким образом, экскурс в историю метафоры «соколы-шестокрыльцы» подтверждает правильность мысли Чернышевского о необходимости сравнительного изучения языка и образной системы «Слова».

В процессе будущего комплексного изучения «Слова о полку Игореве» основные усилия ученых, как следует полагать, будут, как и ранее, посвящены анализу его неисчерпаемого идейно-художественного содержания, раскрытию связей древнего памятника с современной ему исторической действительностью, культурой, письменностью и устным поэтическим творчеством, а также изучению жанровой и стилистической природы произведения. За последнее тридцатилетие названная проблематика успешно разрабатывалась в целом ряде капитальных исследований.¹⁰

⁹ К [а р а ђ и њ] В. С. Ковчежић за историју, језик и обичаје срба сва три закона. У Бечу, 1849, с. 106—107. Перевод: «Да отчего же подкосился ты, удалец! И зачем же так роскошно приварядился ты, ох, горе мне! В наряде воинском ты, мой сокол! Да при оружии юнацком, мой удалец! Словно на свадьбу собрался ты, свадебщик! Деверем при невесте тебе быть пристало! Боязно даже глядеть на тебя, гордость моя, брат мой! Как больно переносить это, как я несчастна! Сизый сокол шестокрылый, брат мой, счастье мое! Братская ты сабля нерукотворная, мой Лазарь!».

¹⁰ См.: Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950; Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968; Лихачев Д. С. 1) «Слово о полку Игореве». Изд. 2-е. М.—Л., 1955; 2) «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978; «Слово

Еще долгие годы исследовательская мысль будет прикована к комментированию, расшифровке загадочных мест и тщательному исследованию лексики древней поэмы в целом. Дореволюционной филологической наукой в этом отношении было сделано немного. Аннотированный словарь к поэме в третьем томе фундаментального исследования Е. В. Барсова был доведен лишь до литеры «М» и не был далее продолжен.¹¹

В нашу эпоху только в середине 1960-х годов в учреждениях Академии наук СССР началась подготовка к изданию «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“». К настоящему времени издание это, состоящее из шести выпусков (составитель В. Л. Виногоградова, редколлегия: Д. С. Лихачев, О. В. Творогов и Б. Л. Богородский), завершено полностью, и научно-культурную значимость его трудно переоценить. Не следует, однако, думать, что с выходом в свет «Словаря-справочника» дальнейшее лексикографическое изучение «Слова о полку Игореве» утратит свой смысл; наоборот, оно станет более эффективным, поднявшись на новую, более высокую ступень.

Изучение мифологической основы «Слова о полку Игореве» на протяжении XIX в. не ознаменовалось большими достижениями, что объяснялось в конечном счете плохой разработанностью славянской мифологии в целом. Известно, что выражение древнего памятника «великому хрьсови влькомъ путь прерыкаше» первые издатели снабдили красноречивым примечанием: «невразумительно». Не было достаточного внимания к изучению славянской мифологии и в науке послереволюционной эпохи. Поворот к лучшему в этом отношении намечается лишь в последние десять-пятнадцать лет. К отрадным симптомам в этой области следует отнести прежде всего относительно недавно опубликованные книги акад. Б. А. Рыбакова — «Основные проблемы изучения славянского язычества» (М., 1964) и «Геродотова Скифия» (М., 1979). Характерное для данного автора стремление сосредоточить внимание на своеобразии мифологии восточных славян должно отразиться самым благотворным образом на изучении «Слова о полку Игореве».

Наряду с потребностями исследования этнической и историко-культурной почвы, в которую уходит «корневая система» величайшего памятника нашей художественной литературы, важную задачу, стоящую перед его исследователями, составляет изучение его «кроны», т. е. того воздействия, которое было им оказано на развитие русского национального сознания, письменности и куль-

о полку Игореве» — памятник XII века. Сб. статей. М.—Л., 1962; «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Сб. статей под ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М.—Л., 1966; Рыбаков Б. А. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; 2) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

¹¹ См.: Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III. М., 1889.

туры. К этой задаче мы и намерены привлечь внимание читателя.

О значении «Слова о полку Игореве» для русской письменности и литературы с XIII по XVIII в. включительно наша наука обладает весьма скудными данными, если не считать «Задонщину» и другие литературные памятники Куликовского цикла, зависимость которых от «Слова» является неоспоримой. Более точными сведениями располагает наука по отношению к периоду, наступившему вслед за открытием рукописи древнего памятника. В работах Л. А. Дмитриева¹² и Г. Н. Моисеевой¹³ исследован ряд важных вопросов, связанных с открытием и первым изданием «Слова». Тема эта затрагивается также в двух первых главах предлагаемой вниманию читателя книги.

Приобретенная А. И. Мусиным-Пушкиным в конце 1780-х годов рукопись уникального памятника тогда же становится известной сперва небольшому кружку, а затем довольно значительному кругу литераторов и любителей древнерусской письменности. С этого времени собственно и начинается вторая жизнь «Слова».

С огромным интересом было встречено первое издание древней поэмы русской научной и литературной общественностью начала XIX в. Радищев, Державин, Карамзин, Жуковский, Гнедич, Рылеев, Пушкин, Гоголь — каждый из них в той или иной мере был причастен к переложениям на современный русский язык, изучению или пропаганде «Слова о полку Игореве». По мнению А. С. Пушкина, русские писатели XVIII в., если не считать Державина, «не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства».¹⁴

Вместе с тем успехи нашей науки в изучении воздействия «Слова» на литературу XIX в. при ближайшем рассмотрении оказываются весьма скромными. Даже современный филолог-специалист затруднится ответить на вопрос, какое же место занимала Игорева песнь в творчестве Жуковского, Лермонтова, Некрасова, А. Н. Островского и какую роль сыграла она в становлении народности и реализма русской литературы. История отечественной журналистики и критики, эпистолярные и мемуарные источники пестрят суждениями о «Слове», однако огромный этот материал не собран воедино и не обобщен. В соответствующих разделах настоящей книги будет дана оценка статьям В. В. Сиповского, С. К. Шамбинаго, И. П. Еремина, Д. С. Баб-

¹² Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960.

¹³ Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский Хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1976.

¹⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 148.

кина и других исследователей, занимавшихся проблемой воздействия «Слова» на русскую литературу XIX—XX вв.¹⁵

Автор настоящей книги, изучая в течение ряда лет влияние «Слова о полку Игореве» на литературный процесс первой трети XIX в., стремился, с одной стороны, ввести в научный обиход ряд забытых и малоизвестных фактов, относящихся ко второй жизни произведения, а с другой, — оставляя за пределами исследования периферийные явления, сосредоточить основное внимание на объяснении событий, происходивших на магистральных путях развития художественной литературы.

Неизученность проблемы в целом и сложность поставленной задачи объясняют известную фрагментарность книги. Автор рассматривает ее как подготовительную работу для будущего коллективного труда на эту нелегкую и многостороннюю тему, подведомственную не только истории литературы и истории литературного языка, но и ряду других смежных с ними вспомогательных дисциплин.

¹⁵ Обстоятельный обзор этих работ дан в книге Ф. М. Головенченко «Слово о полку Игореве» (Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1955, т. 82. Кафедра русской литературы, вып. 6).

Глава первая

ИЗ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

1

Еще при жизни издателя и владельца рукописи «Слова о полку Игореве» А. И. Мусина-Пушкина (1744—1817) в научных кругах возникла мысль о необходимости изучения вопроса о происхождении погибшей рукописи, а также обстоятельств ее открытия. К. Ф. Калайдович, обратившийся в 1813 г. за разъяснением названных вопросов к А. И. Мусину-Пушкину, получил от него следующий ответ: «До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности; по уничтожении штата остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в коих в одной под № 323, под названием Хронограф, в конце найдено „Слово о полку Игореве“».¹

К сожалению, А. И. Мусин-Пушкин не сообщил ни точной даты приобретения им рукописи Хронографа, ни тем более того, откуда она была получена ее первым владельцем; он ничего не сказал и о том, обращал ли последний когда-либо свое внимание на художественные достоинства находящегося в этой рукописи «Слова о полку Игореве».

Для определения времени приобретения рукописи «Слова» А. И. Мусиным-Пушкиным немаловажное значение имеет установление даты смерти архимандрита Иоиля (Быковского),² так

¹ Калайдович К. Ф. Библиографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей гр. А. И. Мусина-Пушкина. — Записки и труды Общества истории и древностей российских при Московском университете, ч. II. М., 1824, с. 35—36.

² Когда статья, положенная в основу этого раздела, была прочитана в виде доклада на заседании Сектора древнерусской литературы Пуш-

как поухуку его библиотеки А. И. Мусин-Пушкин относил к последним годам его жизни. Совсем не случайно П. Н. Берков, обратившийся к истории открытия «Слова о полку Игореве», в свое время выражал сожаление по поводу того, что ни в одном из известных ему источников не сохранилась дата смерти архимандрита Иоиля.³

К сожалению, личность первого владельца рукописи «Слова о полку Игореве» почти не привлекала внимания исследователей. Подобному равнодушию к архимандриту Иоилю немало способствовала и широко известная работа о «Слове» Е. В. Барсова, который, ставя под сомнение приведенное выше сообщение А. И. Мусина-Пушкина, утверждал, что «ни в архиве, ни в библиотеке, ни даже в преданиях Спасо-Ярославского монастыря не сохранилось ни малейших следов о каком бы то ни было просвещении и любви к словесности этого мужа. Всем известно, как относились настоятели наших монастырей к древним рукописям, особенно в XVIII веке. Речь о необыкновенном просвещении этого мужа заведена лишь для отвода глаз, во избежание нарекания, что обер-прокурор св. Синода обирает монастырские библиотеки».⁴

В 1920 г. в своем кратком сообщении об архимандрите Иоиле В. В. Данилов предпринял попытку опровергнуть мнение Е. В. Барсова. В бывшем Синодальном архиве В. В. Данилову удалось разыскать любопытный документ, подтверждающий назначение ростовским архиепископом Арсением двух духовных цензоров для наблюдения над изданиями Ярославской вольной типографии. Назначенными цензорами, как доносил в 1787 г. в Синод архиепископ Арсений, были «ученые два архимандрита: первоклассного Спасо-Ярославского монастыря Иоиль, второклассного Борисоглебского монастыря Иринея».⁵

Находка В. В. Данилова в значительной мере подтверждала правильность той характеристики архимандрита Иоиля, которая была ему дана А. И. Мусиным-Пушкиным: «муж с просвещением и любитель словесности». Сообщая о своей находке, В. В. Данилов высказывал сожаление о том, что ему «не удалось открыть в бывшем Синодальном архиве других следов жизни и личности архимандрита Иоиля».⁶

кинского Дома в сентябре 1952 г., светское («мирское») имя архимандрита Иоиля — Быковский — оставалось для меня неизвестным. Оно было установлено в 1955 г. В. В. Лукьяновым (см.: ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 42—45).

³ См.: Берков П. Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 136.

⁴ Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, с. 61.

⁵ Данилов В. В. Архимандрит Иоиль. (К открытию «Слова о полку Игореве»). — Дела и дни, 1920, кн. 1, с. 390.

⁶ Там же.

В связи с этим заявлением следует заметить, что даже в частично обследованных архивохранилищах и книжных собраниях Ленинграда нам удалось обнаружить ряд любопытных данных о Спасо-ярославском архимандрите. Назовем здесь прежде всего помещенную в географическом словаре Афанасия Щекатова статью о Спасо-Ярославском монастыре, отрывок из которой приводится ниже.

«Спасо-Ярославский мужеской, бывший первоклассный монастырь, в губернском городе Ярославле, стоит в Земляном городе, на берегу реки Которосли. Застроен еще от князей Ярославских, а окончен от царя Алексея Михайловича <...> При сем монастыре находится Семинария, заведенная бывшим ростовским митрополитом Арсением по дозволению Святейшего Синода в 1747 году; в ней учащихся более 500 человек; преподаются науки на латинском языке: грамматика, пиитика, риторика, философия и богословия; обучаются греческому, еврейскому, французскому и немецкому языкам, а на российском: арифметике, истории и географии. Сим монастырем начальствовал архимандрит, который был и ректор семинарии. А прошлого 1787 года июля в 3 день именным указом, данным покойному, действительно тайному советнику генерал-губернатору ярославскому и вологодскому Алексею Петровичу Мельгунову, велено, упраздня оной монастырь, обратить для пребывания архиепископа ростовского и ярославского; а бывшему в оном архимандриту Иоилю, по старости и болезням его увольняемому от управления тем монастырем, производить по смерти нынешнее его жалование; архиерейский же дом в Ростове отдать в распоряжение помянутого генерал-губернатора».⁷

Сообщение о том, что архимандрит Иоиль в течение ряда лет был также и ректором Ярославской семинарии, представляет для нас огромный интерес. Одного этого сообщения вполне достаточно для того, чтобы усомниться в обоснованности той характеристики, которую дал Иоилю Е. В. Барсов.

Достоин внимания и то, что относящийся к Ярославской семинарии текст из «Словаря» А. Щекатова является не чем иным, как дословным повторением соответствующего места из статьи «Сведения о Ярославском наместничестве», помещенной в первом по времени русском провинциальном журнале «Уединенный пошехонец» за 1786 г. (ч. 1, февраль).

Два упоминания об архимандрите Иоиле находим мы также в сборнике писем к ростовско-ярославскому архиепископу Арсению Верещагину, лицу, обладавшему в свое время огромным авторитетом и известностью. Так, в письме от 12 апреля 1786 г. епископ севский Феоктист Мочульский, сообщая Арсению об архимандрите Межигорского монастыря в Киеве Амфилохии Ле-

⁷ Словарь географический Российского государства, собранный Афанасием Щекатовым. Ч. 5 (Р—С). М., 1807, с. 1125—1126.

онтовиче, писал: «Он объявляет, что старик отец архимандрит Иоиль болен ногами; сия, чаю, болезнь ему от сидячей жизни. Дозвольте, высокопреосвященный владыко, проездиться ему в Киев, движение будет ему вместо лекарства».⁸ Архимандрит вологодский Иннокентий в письме от 20 декабря 1797 г. писал архиепископу Арсению: «Прошу, милостивый отец, приказать изъять мое усердие <...> архимандриту Иоилю, старинному моему приятелю».⁹

Гораздо большее количество примеров, подтверждающих довольно широкую известность архимандрита Иоили среди его современников, находим мы в «Дневнике» упомянутого выше Арсения Верещагина, исполнявшего с 1788 г. должность архиепископа ростовского и ярославского. Написанная писарским почерком, двухтомная рукопись этого «Дневника» в настоящее время хранится в рукописных фондах Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде (шифр: Q.IV.267). Первый том «Дневника» охватывает события 1786—1791 гг., второй — 1797—1799 гг. Часть «Дневника», относящаяся к периоду с 1792 по 1796 г., на хранение в Государственную Публичную библиотеку не поступила, и местонахождение ее в настоящее время не известно. Несмотря на этот существенный пробел, и в нынешнем своем виде «Дневник» Арсения Верещагина, помимо обильных сведений о деятельности Ярославской духовной семинарии, значительно пополняет наши представления об архимандрите Иоиле, его интересах и знакомствах.

Ниже приводятся лишь некоторые, наиболее важные для нашей цели отрывки из «Дневника», в которых нашли отражение как личность архимандрита Иоили, так и обстановка, в которой протекала его деятельность.

1786 г.

21 апреля. «Поздравлял семинарии ректор и говорил комплимент, семинаристы говорили стихи и речи на разных языках».

14 июня. «Поутру поздравляли Ярославской семинарии ректор архимандрит Иоиль, архимандрит Иринея и прочие учителя, студенты говорили стихи и речи на разных языках».

14 июля. «Был в деревне у секретаря Мартынова с архимандритом спасо-ярославским Иоилем и толгским игуменом Иоанном <...>».

25 июля. «<...> отправился в село Иловню на конях вместе с Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным, ночевал в оном селе».

⁸ Сборник писем духовных лиц XVIII века к преосвященному Арсению (Верещагину). Издан Саввою, архиепископом тверским и кашинским. Тверь, 1893, с. 48.

⁹ Там же, с. 84.

26 сентября. «Поутру, в 10 часов, начались богословские и философские диспуты, в продолжение которых читаемы были стихи и речи на разных языках, притом и пристойные на сей случай разговоры; петы были различные канты. Посетителей было очень много; был генерал-губернатор Алексей Петрович Мельгунов и др. дворяне, также купцы и пр. По окончании же диспутов раздаваемы были в награждение книги ученикам, отличные оказавшим успехи в учении».

29 октября. «Писаны по почте письма к преосвященному Гавриилу Новгородскому и к Федору Туманскому о присылке вновь издаваемого Жития Петра Великого. Кушал у архимандрита Иоиля. В вечеру Ярославской семинарии бурсаками представлены были пьеса „Авелева смерть“ и драма „Не люблю, не смею“».

26 ноября. «<...> послал письмо к А. И. Мусину-Пушкину».

1787 г.

1 января. «Семинария приносила поздравления стихами, кушали у спасо-ярославского архимандрита Иоиля».

30 января. «<...> семинаристы произносили речи и стихи <...> Кушали архимандриты Иоиль и Ювеналий».

3 марта. «После литургии посетил генерал-губернатор А. П. Мельгунов с дворянством, Ярославской семинарии ученики читали речи и стихи на разных языках, и поднесены от семинарии сочинения поздравительные в прозе и стихах. Кушали архимандриты спасо-ярославский Иоиль и ростовский богоявленский Ювеналий, игумены и прочие, всех на 20 кувертов. Присланы при письме от Михайла Ивановича Веревкина книги: три части истории о странствиях (16, 17 и 18) и третья часть китайских записок».

28 марта. «День святых Пасхи <...> Евангелие читали: я на горнем месте по-гречески; архимандрит Иоиль по-польски, игумен толгский Иоанн по-русски; иеромонах Павел по-еврейски; духовский священник Иоанн по-немецки <...> Приносила поздравления семинария, коей префект Стефан Вилинский читал на российском языке речь, а ученики также читали речи и стихи на разных языках; поднесли от семинарии поздравительные сочинения, состоящие в прозе и стихах».

25 апреля. «Поздравляла семинария стихами и речью».

2—23 августа. «Дела епархиальные и разбор собственной библиотеки моей».

25 декабря. «Поутру поздравляли духовные, дворяне, купцы <...> после литургии приносила поздравления семинария, коей ректор архимандрит Иоиль читал на латинском языке речь; после него от учеников читаны были на разных языках речи и стихи».

1788 г.

28 февраля. «Племяннику подарена штучка Дмитрия Ростовского и две книжки сочинений Ярославской семинарии».

5 марта. «После литургии говорил речь новопроизведенный в протоиереи в город Осташков Андрей Николаевич Колоколов. Посетили архимандрита Иоиля Празницкого. Приносили от семинарии поздравления по причине моих именин, бывших второго числа сего месяца».

29 мая. «Получен по почте указ из Святейшего Синода о обращении Спасо-Ярославского монастыря, упраздня весь штат оногo, в архиепископский дом, и архимандриту Иоилю производить пенсии по 500 руб. в год, и о прочем».

12 июля. «Возвратился из Толгского монастыря в Спасо-ярославский дом. Посетили генерал и Московского университета куратор Михайла Матвеевич Херасков, вице-губернатор ярославский Урусов, прокурор Замыцкой, Филатьев и пр.».

26 июля. «Посетил отъезжающий в Москву генерал Херасков».

30 октября. «Кушал у меня архимандрит и семинарии ректор Арсений».

1789 г.

4 июня. «Получена книга от Мусина-Пушкина».

8 августа. «Крестный ход в Толгский монастырь. Там служил архимандрит Иоиль. Туда же уволены были и певчие».

15 ноября. «Письмо к Мусину-Пушкину».

30 декабря. «Посетил архимандритов Арсения и Иоиля».

1790 г.

1 января. «Посетили с архимандритом Иоилем гг. Малышкина и Филатьева».

7 января. «Старопечатных и письменных книг, хранимых по описи, имеющейся в консистории, 1549; из них похищено неизвестными воровскими людьми в прошлом году 13 декабря 45 книг, о чем и дело есть в консистории».

18 июля. «Был на экзамене в Главном нормальном училище. Одному дворянскому сыну подарил я книжку с надписью:

Успех, наука, добродетель —
Похвал учащихся свидетель...».

9 сентября. «Михаилу Пальмину за переводы, кои отданы в семинарскую библиотеку, из семинарской суммы велено дать 10 руб.».

12 октября. «Семинаристы на несколько времени уволены на квартиры за великой грязью».

1791 г.

10 июля. «Семинарские диспуты финальные, богословские и философские. На них читаны были разные стихи, и речи, и разговоры. Между тем петы были канты. На богословских ассумторами были священники Семеновский и Власьевский, на философских — учителя. На диспутах были и меня посетили Иван Афанасьевич г. Дмитриевский и проч. Семинаристам достойнейшим розданы книжки».

28 июля. «Переpletчик ростовский прислал три книги: Слов. историю, четвертую часть, Чтение для вкуса, часть первую, Попехонца на 786 год».

21 ноября. «Купали у меня архимандрит Иоиль и Арсений».

1797 г.

2 марта. «Архимандрит и ректор Сергей говорил речь. Семинаристы на разных языках».

15 марта. «Купал с обер-прокурором А. И. Мусиным-Пушкиным».

17 марта. «Поздравление Мусину-Пушкину».

21 марта. «Посетил Мусина-Пушкина».

9 апреля. «Посетил меня Мусин-Пушкин и др.».

1798 г.

25 августа. «В третьем часу пополудни скончался по немаловременной болезни архимандрит Иоиль, пребывавший в Спасо-Ярославском монастыре и получавший пятисотную пенсию».

26 августа. «Вынос в церковь тела покойного архимандрита Иоиля».

27 августа. «Литургисал, хиротонисал и отправлял погребение архимандриту Иоилю. Тело его погребено в Толгском монастыре. Он родился 1726 года марта 30 дня и наречен Иоанном. Был учителем в Киевской духовной академии. Пострижен в монашество 1754 года. Был в кадетском корпусе иеродиаконом и иеромонахом. Потом в Троицком Черниговском монастыре архимандритом, <с> 776 года Спасо-Ярославского монастыря архимандритом и Ярославской семинарии ректором и прочая» и прочая».

3 сентября. «Ростовской Всесвятской церкви священника сыну, пиитики ученику Николаю Всесвятскому подарена книга „Пиитические правила“ в красной бумаге».

1799 г.

20 января. «<...> купали все синодальные члены, в том числе и я, князь Волконский, князь Гаврила Петрович Гагарин и прочие многие, у тайного советника, сенатора и кавалера Гаврилы Романовича Державина, который подарил мне стихотворческое свое сочинение».

«Дневник» Арсения Верещагина ценен зарисовками жизни и быта Ярославской семинарии, весьма подробным перечнем лиц, с которыми был или мог быть знаком Иоиль, биографическими сведениями о последнем, а также указаниями на то, что А. И. Мусин-Пушкин не позднее как с 1786 г., т. е. еще до назначения своего на пост обер-прокурора Синода, посещал Ярославль, находился в тесном общении и переписке с ближайшим окружением Иоиля, да, вероятно, и с ним самим.

Не менее ценные сведения о личности ректора Ярославской семинарии Иоиля содержит в себе также и хранящаяся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде рукопись под следующим названием: «Оды, разговоры, надписи, канты и прочих родов на разные случаи некоторые российские стихотворения, сочиненные и говоренные в разные времена в Ярославле» (ГПБ, собр. А. А. Титова, охранный каталог, № 694). Это один из тех рукописных сборников, которыми, как это видно из «Дневника» Арсения Верещагина, Ярославская семинария имела обыкновение отмечать знаменательные события местной жизни.

Из небольшого (около 15) количества произведений, вошедших в сборник под № 694, четыре полностью посвящены архимандриту Иоилю. Первое из них — «Ода на тезоименитство архимандрита Иоиля, сочиненная и поднесенная благословии (так!) слушателем Иваном Герасимовичем Воскресенским 1776 года, октября 19 дня». Приведем отрывок из этой оды, написанной, кстати сказать, в первый год пребывания архимандрита Иоиля в Ярославле (л. 2—3):

... Но мы, сей видя день блаженный,
Сияющий своим лучом,
Составим хор, от них (от хора муз, — Ф. П.) отменный,
И пред творцом все воспоем,
Который милостью устроил,
Чтоб мудрый праздновал Иоиль
И веселился днем златым,
И все науки купно с ним,
Поставивши сто жертв пред богом,
В усердии горящих многим.

Парнас, тобою украшенный,
Взирает, духом восхищен,
И, как Нарцисс, собой плененный,
Стоит в весельи изумлен.
Божественнейшие науки
С весельем простирают руки,
Твое лице, Иоиль, зря
И с радостью говоря:
— Мы ныне дать плоды готовы
Для тезоименитства новы.

А ты пророк, Иоиль чудный!
Проси творца на небесах,
Чтоб в милостях был неоскудный,
Храняй Иоиля в путях.

Ты, предстоя его престолу,
Проси, проси благую волю,
Чтобы для пользы человек
Продлил его дражайший век.
Мы ж будем песнь взносить по тверди,
Исполнившись огнем усердий.

Дабы сей день и час прекрасный
Тебе стократно возвратил,
И чтобы луч, толико ясный,
Тебя и нас всех озарил.
Сии веселия блаженны
Чтоб были впредь усугубленны,
Чтоб раздавался всюду глас:
— Блажен Иоилем Парнас,
Им радость наша справедлива,
Блаженны дни и жизнь щастлива.

Наук и мудрости любитель,
Отец любезнейший для всех!
Учащихся ты покровитель,
Вина веселий и утех.
Тобой всевышний нас прославит,
Тобой к блаженству всех направит,
Тобой науки просветит,
Тобою щастьем озарит.

О боже! милостей источник,
Ты буди к нам всегда таков,
Един всеобщий ты помощник,
Не презри бедных наших слов!
Продли Иоиля жизнь, боже!
Она для нас всего дороже.
Внемли, творец, мольбам, внемли
И жизнь дражайшую продли.

Ровно через год, 19 сентября 1777 г., студент Иван Воскресенский поднес ректору семинарии Иоилю вторую оду, написанную в таком же возвышенном и риторическом стиле (л. 4—6).

В тоне панегирика Иоилю в 1782 г. по случаю дня пасхи была написана также ода учителя Ярославской семинарии Сергея Предтеченского (л. 9 об.):

Вкушая сих веселий радость,
Цветущий наш Парнас гласит:
— Как можно мне столь светлу радость
В пределах сердца утаить?
Но что ж? Пред кем ее открою?
Пред кем, как только пред тобою,
О, ректор муз моих младых!
Ты их премудро управляешь
И к щастью путь им отверзаешь:
Прими ж от них сей краткий стих.
А ты, источник совершенства,
Воскресший в сей день пресвятой!

Продли для нашего блаженства
Сего отца муз век златой
И напоследок в те чертоги,
Которы у тебя суть многи,
С святым Иоилем всели.
Сей глас тогда наш прекратится,
Когда круг наших лет катиться
Престанет по сухой земли.

В сборник под № 694 помимо перечисленных входят еще два небольших по объему стихотворения, посвященные «тезоименитству» архимандрита Иоиля. Одно из них (л. 68) принадлежит упомянутому уже учителю семинарии Сергию Предтеченскому, второе (л. 69) — некоему Ивану Ораевскому.

Несмотря на панегирический характер, посвященные архимандриту Иоилю стихи из сборника № 694 дают богатый материал и для суждения о реальных чертах их адресата. Согласно этим стихам, Иоиль Быковский — «любитель наук и мудрости», «отец муз», «покровитель учащихся» и вместе с тем, что также весьма примечательно, не истязавший свою плоть схимник, а покровитель «веселый и утех».

Стихи из сборника № 694 из собрания А. А. Титова, являющиеся ценным дополнением к приведенным выше извлечениям из «Дневника» Арсения Верещагина, подтверждают правильность сообщения А. И. Мусина-Пушкина о том, что архимандрит Иоиль был «муж с просвещением и любитель словесности». Исключительное пристрастие студентов Ярославской семинарии к поэтическому творчеству несомненно свидетельствует об увлечении литературой самого ректора семинарии.

Изложенные выше сведения об архимандрите Иоиле позволяют видеть в нем одного из образованнейших людей его времени, человека с широкими умственными запросами, деятельного и опытного педагога, любимца семинарской учащейся молодежи.

В свете приведенных данных сообщение А. И. Мусина-Пушкина о том, что сборник, в котором находилась рукопись «Слова о полку Игореве», он получил от Иоиля, заслуживает безусловного внимания, хотя и нуждается в некоторых коррективах. В исследованиях последнего времени приведены убедительные данные о том, что принадлежавший библиотеке Спасо-Ярославского монастыря Хронограф, исчезнувший оттуда неведомо куда в период между 1786 и 1787 гг., и является тем Хронографом, в котором находилось «Слово о полку Игореве».¹⁰ По-видимому, еще до ухода своего на пенсию (1787 г.) архимандрит Иоиль дает эту монастырскую рукопись Мусину-Пушкину во времен-

¹⁰ См.: Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский Хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1976, с. 55—56.

ное пользование, однако последний мог и присвоить ее. Этим не исключается, разумеется, одновременная покупка Мусиным-Пушкиным книг также и из личной библиотеки Иоиля.

Гипотеза о том, что Иоиль Быковский, будучи «любителем словесности», первый обратил внимание Мусина-Пушкина на художественные достоинства Спасо-Ярославского Хронографа и тем самым участвовал в открытии поэмы об Игоре в походе, не может быть отвергнута без приведения определенной аргументации. Под открытием в данном случае не обязательно, разумеется, следует понимать публичное объявление о существовании рукописи и о ее скорой публикации; речь может идти и о распространении сведений о ней лишь в узком кругу любителей отечественной старины.

Но если даже признать, что «Слово о полку Игоре в» и было открыто А. И. Мусиным-Пушкиным вполне самостоятельно, то последний неизбежно должен был обратиться за разъяснением ряда вопросов к Иоилю. Ведь рукопись древней поэмы представляла большие трудности для прочтения и уяснения, а ее прежний владелец, который мог знать относящиеся к рукописи важные изустные предания, продолжал жить около шести лет после первого печатного объявления о ее открытии.

Первым упоминанием в печати об открытии «Слова о полку Игоре в», как уже указал на это в свое время П. Н. Берков, можно считать следующее место из статьи П. А. Плавильщикова «Нечто о врожденном свойстве душ российских», помещенной в февральской книжке журнала «Зритель» за 1792 г.: «Древность истории нашей, грамоты мира и заключения союзов доказывают неоспоримо, что у нас были писаны законы, ученость имела свою степень возвышения, и даже во дни Ярослава, сына Владимира, были стихотворные поэмы в честь ему и детям его. Хотя варварское нашествие татар, поработя Россию, разрушило все, существуют еще сии драгоценные остатки и поныне в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной, и, может быть, Россия вскоре их увидит: есть еще любители своего отечества, которые не падят ничего, дабы собрать сии сокровища».¹¹

Вторым по времени печатным сообщением об открытии «Слова о полку Игоре в» является примечание М. М. Хераскова к переизданию поэмы «Владимир», увидевшему свет в январе 1797 г. «Недавно, — сообщал в нем Херасков, — отыскана рукопись под названием „Песнь полку Игоре в“, неизвестным писателем сочиненная. Кажется, за многие до нас веки в ней упоминается Баян, российский песнопевец».¹²

¹¹ См.: Берков П. Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игоре в», с. 135.

¹² Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные, ч. II. М., 1797, с. 300. См. также: Елеонский С. Ф. Поэтические образы

Третье упоминание в печати об открытии «Слова о полку Игореве» принадлежало Карамзину и появилось на французском языке в октябрьском номере гамбургского журнала «Spectateur du Nord» за 1797 г. «Вы, может быть, удивитесь еще более, — обращался к своим иностранным читателям Карамзин, — если узнаете, что два года тому назад открыли в наших архивах отрывок поэмы под названием „Песнь Игоревых воинов“, которую можно сравнить с лучшими поэмами Оссиана и которая написана в XII столетии неизвестным сочинителем».¹³

Ни глухое упоминание о «Слове» П. А. Плавильщикова, ни скромное подстрочное примечание о древней поэме М. М. Хераскова, конечно, нельзя рассматривать как официальные объявления о сделанном А. И. Мусиным-Пушкиным открытии. Не являлось таким объявлением и обращенное к иностранным читателям известие о «Слове» Н. М. Карамзина. Как видно, А. И. Мусин-Пушкин не торопился сообщать о находке в печати, и, несмотря на то что небольшая группа близких к нему лиц успела высоко оценить гениальную поэму и начала распространять ее в списках, широкие круги русских читателей на протяжении ряда лет (до 1800 г.) ни о содержании, ни о стиле найденного произведения не имели ни малейшего представления.

Достоин внимания и то обстоятельство, что во всех трех первых печатных сообщениях об открытии «Слова о полку Игореве», появившихся еще при жизни архимандрита Иоиля, имя А. И. Мусина-Пушкина вовсе не упоминалось. Это обстоятельство также вряд ли можно считать случайным. Если бы Мусина-Пушкина не удовлетворяло подобное замалчивание его имени, то он мог бы сообщить о своей находке более обстоятельно и более точно. Однако и в этом случае Мусин-Пушкин проявил к своему открытию полное «равнодушие», которое вряд ли можно определить как простую скромность.

Первое упоминание об А. И. Мусине-Пушкине как владельце рукописи «Слова» появилось через два года после смерти архимандрита Иоиля, в 1800 г., в предисловии к первому изданию древней поэмы. Здесь мы находим сообщение о том, что «подлинная рукопись» «Слова» принадлежит его издателю, «г-ну тайному советнику и кавалеру графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину», и что издатель решился опубликовать свой перевод древней поэмы по совету приятелей лишь после долголетних усилий, а также следующую библиографическую справку: «В его (Мусина-Пушкина, — Ф. П.) библиотеке хранится рукопись оная в книге, писанной в лист, под № 323» (*Слово*, с. VII).

«Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Сб. статей под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947, с. 95—123.
¹³ См.: Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник. . . , т. I, с. 31—32.

Таким образом, в предисловии к первому изданию «Слова» А. И. Мусин-Пушкин уже не проявил свойственной ему ранее «скромности», назвав себя владельцем и первооткрывателем рукописи. Логично предположить, что именно смерть Иоиля и позволила Мусину-Пушкину выступить перед общественностью в роли лица, без чьей-либо посторонней помощи открывшего выдающийся памятник древнерусской литературы.

Тем не менее имя Иоиля, от которого якобы и была получена рукопись «Слова о полку Игореве», стало нам известно благодаря Мусину-Пушкину. Он сообщил его через 13 лет после издания «Слова» в своем письме к К. Ф. Калайдовичу от 31 декабря 1813 г. Мусин-Пушкин хорошо понимал всю серьезность и научное значение вопросов, поставленных перед ним Калайдовичем: «Я желал бы знать о всех подробностях несравненной Песни Игоревой, т. е. на чем, как и когда она писана? Где найдена? Кто был участником в издании? Сколько экземпляров напечатано? Также и о первых ее переводах, о коих я слышал от А. Ф. Малиновского?»¹⁴

Ответы А. И. Мусина-Пушкина, как это отмечалось уже исследователями, не отличались теми «подробностями», в которых был так заинтересован Калайдович. В своем письме Мусин-Пушкин, намеренно сгущая краски, подробно описывал лишь трудности, встреченные им при чтении и переводе рукописи, и охотно и обстоятельно объяснял причины, вследствие которых он как издатель в течение ряда лет «выдать оную в печать не решился».

Несмотря, однако, на известную тенденциозность ответов А. И. Мусина-Пушкина, в них содержится значительная доля истины. Мы уже видели выше, что точка зрения Е. В. Барсова, доходившего в своем недоверии к Мусину-Пушкину до крайностей, не согласуется с истиной.

Какие же факты убеждают нас в том, что показание А. И. Мусина-Пушкина о связи рукописи «Слова» с именем архимандрита Иоиля является более или менее правдивым, хотя и вынужденным?

Нам кажется, что уже одно имя К. Ф. Калайдовича, которому отвечал А. И. Мусин-Пушкин, исключало возможность заведомо ложного ответа со стороны последнего. Уже к 1813 г. Калайдович, молодой и выдающийся ученый, был хорошо известен как исследователям русской старины, так и, в частности, Мусину-Пушкину и издателям «Слова о полку Игореве». За выдающиеся научные заслуги еще в 1811 г. Калайдович был избран членом «Общества истории и древностей российских». Он пользовался особым уважением и доверием со стороны одного из издателей «Слова» — Н. Н. Бантыша-Каменского. Последний в письме

¹⁴ Бессонов П. К. Ф. Калайдович. Биографический очерк. М., 1862, с. 96.

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ
О
ПОХОДѢ НА ПОЛОВЦОВЪ

УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО

ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

писанная

СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ

ВЪ ИСХОДѢ XII СТОЛѢТІЯ

съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА

Въ Сенатской Типографіи,
1800.

Искіи Древнѣго Слѣда новову турквдуу

гаритъ

андрей Тургеневъ,

въ знакъ дружбы, на подаритъ въ двѣ.

1811 годъ. 24.

Титульный листъ первого издания «Слова о полку Игореве» с дарительной надписью Андрея И. Тургенева В. А. Жуковскому.

к гр. Н. П. Румянцеву от 26 декабря 1813 г. не случайно рекомендовал для издания «Собрания государственных грамот и договоров» Калайдовича, как «человека, знающего крепко литературу и российскую историю».¹⁵

За разъяснениями по поводу древней поэмы об Игоровом походе Калайдович обращался в 1813 г. к Н. Н. Бантышу-Каменскому, Н. М. Карамзину, А. Ф. Малиновскому, Евгению Болховитинову, Р. Ф. Тимковскому, В. С. Сопикову и многим другим знатокам «российских древностей». Сведения, полученные от А. И. Мусина-Пушкина, нужны были Калайдовичу лишь как дополнение и подтверждение данных, собранных молодым ученым от других, весьма сведущих в этом деле лиц. О том, что названным лицам было известно происхождение рукописи «Слова», свидетельствуют следующие слова Н. М. Карамзина, относящиеся к 1801 г.: «За несколько лет перед сим в одном монастырском архиве нашлось древнее русское сочинение, достойное Оссиана и называемое „Песнью воина Игоря“».¹⁶ В подобной обстановке А. И. Мусин-Пушкин не мог, если бы даже он хотел этого, создать вымышленную историю открытия рукописи поэмы и должен был сообщить Калайдовичу то, что уже и до того было хорошо известно небольшой группе лиц, имевших отношение к изданию рукописи «Слова о полку Игорове».

Не следует забывать и того, что сообщение А. И. Мусина-Пушкина носило характер частного письма и не предназначалось для опубликования. Оно было напечатано К. Ф. Калайдовичем лишь через семь лет после смерти Мусина-Пушкина.

Только исходя из предположения, что в лице Иоила А. И. Мусин-Пушкин видел своего соперника, причем соперника, которому он был многим обязан, можно объяснить и первоначальную (до 1800 г.) незаинтересованность Мусина-Пушкина в оглашении своего выдающегося открытия, и слишком затянувшийся ход издания памятника, и отсутствие указаний о происхождении рукописи в предисловии к первому ее изданию, и известную уклончивость, сдержанный характер ответа Мусина-Пушкина К. Ф. Калайдовичу в письме от 31 декабря 1813 г.

Гипотеза о заметной роли архимандрита Иоила в открытии «Слова о полку Игорове», естественно, нуждается во всесторонней проверке. Степень достоверности этой гипотезы может быть окончательно определена только после дополнительного изучения

¹⁵ Там же, с. 100—101.

¹⁶ Карамзин Н. М. Пантеон русских авторов, т. I. СПб., 1801. Следует отметить, что этому свидетельству Карамзина противоречит сообщение Евгения Болховитинова о том, что рукопись с текстом «Слова» была приобретена Мусиным-Пушкиным у книготорговца Ильи Глазунова (см.: ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, с. 252). Версии Евгения Болховитинова нельзя, однако, придавать серьезное значение, поскольку объяснение Карамзина было сделано печатно и никем из современников не было опровергнуто.

всех печатных и рукописных источников, связанных с жизнью и деятельностью как А. И. Мусина-Пушкина, так и, в особенности, архимандрита Иоиля. Дополнительные данные, относящиеся к деятельности последнего, могут обнаружиться в архиве Москвы, Ленинграда, Киева, Чернигова и Ярославля. Сведения эти могут быть найдены и в архивах частных лиц, обстоятельный перечень которых дает нам «Дневник» Арсения Верещагина. Кстати сказать, большое значение приобретает нахождение отсутствующей части названного «Дневника», за 1792—1796 гг., где, возможно, также содержится ценный для нас материал. Если исходить из предположения, что «Слово о полку Игореве» было известно Иоилю задолго до продажи им А. И. Мусину-Пушкину рукописи под № 323, то упоминания о древней поэме или же ее литературные отражения могут отыскаться и в рукописных сборниках Ярославской духовной семинарии, образцом которых является сборник под № 694 из собрания А. А. Титова. Только при условии тщательного учета и изучения упомянутых источников будет возможно написание научно проверенной и полноценной истории открытия «Слова о полку Игореве».

2

Без риска впасть в преувеличение можно сказать, что вопрос об открытии и первом издании «Слова о полку Игореве» затрагивался в сотнях работ, ему посвященных. Важно, однако, подчеркнуть: затрагивался, но не исследовался. В подавляющем большинстве случаев авторы повторяли версию, изложенную впервые в письме А. И. Мусина-Пушкина к К. Ф. Калайдовичу от 20 декабря 1813 г., согласно которой рукопись прославленной поэмы была куплена ее первым издателем у ярославского архимандрита Иоиля. За последнее десятилетие изучение жизни Иоиля Быковского значительно продвинулось вперед, и в настоящее время насчитывается уже свыше 20 полностью или частично посвященных ему исследований. Взятые в совокупности, труды эти дают ценный материал для создания в будущем документированной истории нахождения и первой публикации самого выдающегося памятника древнерусской литературы.

Исследовательское увлечение личностью архимандрита Спасо-Ярославского монастыря дошло до того, что в работах А. А. Зиминой¹⁷ и А. Мазона¹⁸ была, как известно, предпринята попытка приписать Иоилю Быковскому не только хранение, но и авторство поэмы об Игоревом походе — попытка, оснащенная всеми внешними атрибутами сенсации, но по существу лишенная эле-

¹⁷ См.: Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». — Вопросы истории, 1964, № 9, с. 121—140.

¹⁸ Mazon A. Ivan Bykovsky, Ioil l'archimandrite et l'auteur de «La Vérité ou l'extrait de notes sur la Vérité». — Revue des études slaves, 1965, t. 44, p. 59—88.

ментарных признаков научной обоснованности. Старания А. Мазона и А. А. Зимина были направлены на то, чтобы подтвердить исключительную эрудицию и литературное дарование Иоиля. Их совершенно не интересовал, однако, вопрос о том, осуществима ли была в условиях XVIII в., при весьма ограниченных знаниях в области древнерусского языка и древнерусской палеографии, такая гениальная подделка под XII век, как «Слово о полку Игореве».

Из работ об Иоиле собственно биографического характера наиболее важными являются статья Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой, опубликованная в 1967 г.,¹⁹ и предшествовавшая ей и положенная в ее основу статья В. Д. Кузьминой «Мог ли Иоиль написать „Слово о полку Игореве“?». ²⁰

Бесспорное достоинство названных статей состоит в том, что в них впервые на большом количестве архивных источников освещен ранний период деятельности Иоиля — его пребывание в Киеве (1740—1758), сначала в качестве студента, а затем и как преподавателя Киевской академии. Но отдельные утверждения содержательной статьи Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой все же не внушают нам доверия. Так, например, авторы сочли уместным упрекнуть Иоиля в «политической неразборчивости». Последняя, как оказывается, проявилась в том, что в книгу «Истина», составленную спасо-ярославским архимандритом, наряду с цитатами из вполне выдержанных в идейном отношении источников были включены также выписки из редактируемого самой Екатериной II журнала «Всякая всячина», в частности выписка, рекомендовавшая читателям «вести себя благочестиво в церкви». ²¹ Суровый экзамен, устроенный Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой архимандриту Иоилю, преследовал, по-видимому, полемические цели. А. А. Зимин и А. Мазон хотели сделать из Иоиля «вольтерьянца в рясе», выдающегося представителя идей эпохи Просвещения. Л. В. Крестова и В. Д. Кузьмина стремятся к диаметрально противоположному: принизить культурный и моральный облик Иоиля, изобразить его в виде заурядного священнослужителя. Но если чувство историзма и объективности явно изменило в данном случае А. А. Зимину и А. Мазону, то этим же недостатком страдает и концепция Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой.

Изобилующая богатством сведений о раннем Иоиле, статья Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой, к сожалению, не дает ничего существенно нового о позднем периоде его деятельности.

¹⁹ Крестова Л. В., Кузьмина В. Д. Иоиль Быковский, проповедник, издатель «Истины» и первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве». — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. Сб. статей под ред. О. А. Державиной. М., 1967, с. 25—53.

²⁰ Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка, 1966, т. XXV, вып. 3, с. 197—207.

²¹ Крестова Л. В., Кузьмина В. Д. Иоиль Быковский. . . , с. 42.

Несмотря на тщательность произведенных разысканий, никаких документов или указаний, подтверждающих принадлежность Иоилю Быковскому рукописи «Слова», Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой обнаружить не удалось. Таким образом, единственным аргументом в пользу этой гипотезы по-прежнему остается заявление А. И. Мусина-Пушкина. Не вполне ясно при этом одно: почему же названное заявление Л. В. Крестова и В. Д. Кузьмина рассматривают в качестве бесспорной истины? Принимая с излишней доверчивостью гипотезу об Иоиле как предпоследнем владельце рукописи «Слова», Л. В. Крестова и В. Д. Кузьмина решительно отрицают тесно связанную с ней нашу гипотезу — гипотезу о том, что Иоилю Быковскому «могла принадлежать заслуга не только сохранения, но и открытия „Слова о полку Игореве“». ²² Согласно утверждению указанных авторов, для такого предположения «данные биографии» Иоила «не дают никаких материалов». ²³ Утверждение не только поспешное, но и тенденциозное. Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой, как уже сказано, разысканы ценные материалы, относящиеся к началу служебной деятельности Иоила, т. е. к 50-м годам XVIII в. Открытие же «Слова» относится к концу века. Естественно поэтому, что новонайденные материалы и не могли бросить какой-либо свет на обстоятельства открытия древнего памятника. Между тем статья Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой помимо желания авторов способна внушить читателю ложную мысль, будто об Иоиле как владельце знаменитой рукописи сохранились неопровержимые свидетельства, но нет подтверждения, что он был причастен не только к хранению, но и к открытию «Слова». В действительности же, как об этом сказано выше, принадлежность ярославскому архимандриту рукописи «Слова» — это тоже гипотеза, в подтверждение которой разыскания Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой, к сожалению, не дают никаких аргументов.

Но если предположение, что рукопись «Слова», перед тем как попасть к А. И. Мусину-Пушкину, была известна архимандриту Иоилю, равно как и предположение, что последний мог участвовать в открытии древнего памятника, не получили до сих пор надежных документальных подтверждений, то они не встретили также и авторитетных и аргументированных возражений. Именно поэтому отказываться от них было бы, на наш взгляд, и преждевременно, и нерезонно.

Несколько лет тому назад попытка опровергнуть оба упомянутых предположения была предпринята Л. А. Дмитриевым. В статье, имеющей весьма ответственное название — «История открытия рукописи „Слова о полку Игореве“», Дмитриев пишет: «Просвещенность Иоила, его любовь к литературе и интерес

²² См.: ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 51.

²³ Крестова Л. В., Кузьмина В. Д. Иоиль Быковский... с. 47.

к древней русской истории, наконец, то обстоятельство, что Иоиль в какой-то степени был связан с издательской деятельностью, — все говорит о том, что если бы Иоиллю было известно „Слово о полку Игореве“, то он или сам бы предпринял издание этого памятника, или сообщил бы о своей находке в печати. Таким образом, все, что мы знаем об Иоиле, свидетельствует о том, что „Слово о полку Игореве“ не было ему известно». ²⁴ Л. А. Дмитриев преследовал также, по-видимому, благородную цель — отстоять «Слово» от нападок А. А. Зимина и А. Мазона, утверждавших, будто автором знаменитой поэмы являлся Иоиль.

В вопросе о том, была ли известна Иоиллю рукопись, Л. А. Дмитриев и Л. В. Крестова с В. Д. Кузьминой стоят на противоположных позициях, но в то же время в своих суждениях об участии Иоиля в открытии «Слова» они обнаруживают полное единство. Правда, эта солидарность носит чисто внешний характер. Если бы высокоэрудированный Иоиль владел рукописью «Слова», он бы непременно явился ее открывателем и издателем — такова точка зрения Л. А. Дмитриева. Иоиль бесспорно был владельцем рукописи, но он не мог участвовать в ее открытии из-за недостаточной своей образованности — таково мнение Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой.

Между выходом в свет двух сборников, в которых были опубликованы статья Л. А. Дмитриева и статья Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой, прошло пять лет, и следовало бы ожидать, что последние подвергнут противстоящую им концепцию критическому рассмотрению, тем более что статья Л. А. Дмитриева появилась в солидном академическом издании. Однако Л. В. Крестова и В. Д. Кузьмина от такой критики воздержались, и это ставит нас перед необходимостью сопоставить названные концепции друг с другом и выразить к ним наше собственное отношение.

Мог ли архимандрит Иоиль, если ему была известна рукопись древней поэмы, проявить интерес к ее поэтическим достоинствам и обратить на них внимание своих знакомых? «Вряд ли Иоиль Быковский, — заявляют в этой связи Л. В. Крестова и В. Д. Кузьмина, — не имевший специальных навыков палеографа и лингвиста, был в состоянии прочесть „Слово“, в котором и коллекционер А. И. Мусин-Пушкин не различал „ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления“». ²⁵ Рассуждение довольно странное. Выходит, что Иоиль, знавший помимо русского ряд иностранных языков, в том числе и три род-

²⁴ Дмитриев Л. А. История открытия «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. Сб. статей под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1962. с. 111.

²⁵ Крестова Л. В., Кузьмина В. Д. Иоиль Быковский. . . , с. 47.

ственных русскому славянских языка (польский, белорусский и украинский), разбирался в древнерусских текстах гораздо хуже, чем А. И. Мусин-Пушкин, и только потому, что последний, видите ли, был коллекционером.

Согласно концепции Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой, Мусин-Пушкин, обладавший дилетантскими познаниями в области филологии и русской истории, мог легко постигать смысл «вышедших из употребления» древнерусских слов и выражений, а архимандрит Иоиль, в прошлом преподаватель Киевской академии, был начисто лишен этой возможности.

По словам Мусина-Пушкина, рукопись «Слова» «довольно ясным характером была написана»;²⁶ следовательно, прочитать ее было нетрудно, трудность состояла в уяснении прочитанного, и для преодоления этих трудностей, по нашему разумению, у Иоиля было не меньше необходимых данных, чем у Мусина-Пушкина. Конечно, без посторонней помощи Иоиль Быковский, так же как и Мусин-Пушкин, не смог бы ни научно прокомментировать, ни издать древнюю поэму. Но ведь между умением более или менее сносно прочитать рукопись, обратить внимание на ее поэтические достоинства и попытками опубликовать и прокомментировать ее — огромная разница, которую как раз и не замечают Л. В. Крестова и В. Д. Кузьмина. Научное комментирование «Слова», над которым трудилась целая армия ученых на протяжении более полутора столетий, не завершено до настоящего времени. Однако неповторимая художественная красота поэмы покорила многих читателей уже в конце XVIII в., когда поэма еще не была напечатана.

Мог восхищаться «Словом» и Иоиль, по крайней мере отдельными его образами, картинками, выражениями. Но отсюда не следует, что ознакомление с древней поэмой должно было возбудить у него желание взяться за ее издание, как это утверждает Л. А. Дмитриев. Отметим, что даже Мусин-Пушкин рекомендовал читателям отличать непревзойденные «образцы витийства» «Слова» от наличествующих в нем «некоторых мелочных подробностей, в тогдашнем веке терпимых» (*Слово*, с. VI), — другими словами, отличать высокие достоинства от понятий, традиций и предрассудков, не совместимых с христианским вероучением. Мы уверены в том, что Мусин-Пушкин в период своего пребывания на посту обер-прокурора Синода (1791—1797) по соображениям «служебного долга» не отважился бы на издание «Слова о полку Игореве». Почему же не предположить, что подобного рода соображения (и с гораздо большей притом силой) могли смущать и душу пребывающего в монашеском чине Иоиля? Почему не допустить на минуту, что он мог, скажем, считать «Слово» любопытным чтением лишь для немногих и небез-

²⁶ Записки и труды Общества истории и древностей российских при Московском университете, ч. II. М., 1824, с. 36—37.

опасным и даже совратительным для широких читательских кругов? Концепция Л. А. Дмитриева (у Иоила не было попыток издать «Слово» — значит, оно было ему неизвестно) недостает последовательности и конкретно-исторического подхода к делу, она переносит на конец XVIII в. несвойственные ему эстетические и нравственные нормы нашей эпохи.

Мы отдаем себе отчет в том, что участие Иоила в открытии «Слова» — это лишь гипотеза, которую предстоит еще или доказать, или же опровергнуть. Но и то и другое возможно лишь в результате неутомимых разысканий, при наличии серьезной аргументации, а не деклараций и заклинаний. Само понятие «открытие», как мы уже говорили выше (см. с. 26), может наполняться разным содержанием и применительно к затронутому спору нуждается в уточнении.

Если мусин-пушкинскую версию о приобретении рукописи «Слова о полку Игореве» Л. А. Дмитриев отрицает чисто субъективным способом, то свое собственное предположение на сей счет он аргументирует при помощи документов. Вслед за Н. К. Гудзием исследователь считает, что рукопись памятника входила в состав одного из трех хронографов, которые были получены А. И. Мусиным-Пушкиным из Ростовского архиерейского дома в конце 1792 г. Пространные «паспорта» названных хронографов с объяснительной преамбулой, по счастливой случайности сохранившиеся в Государственном архиве Ярославской области, полностью приведены Л. А. Дмитриевым в качестве приложения к его статье.²⁷ Из этого документа видно, что в момент прибытия в Ростов летом 1792 г. А. И. Мусина-Пушкина в библиотеке Ростовского архиерейского дома находились пять хронографов и одна степенная книга. Из них «представлены были к личному просмотрению» Мусина-Пушкина, а затем и отправлены в его адрес три хронографа и одна степенная книга.

Мы, разумеется, не знаем, какие три из пяти хронографов были отправлены в 1792 г. в Синод из Ростова. Но в названном документе описаны все пять хронографов и одна степенная книга. И ни одна из этих шести аннотаций все же не совпадает с широко известным мусин-пушкинским описанием сборника, куда входило «Слово» (*Слово*, с. VII). Сборник этот, как известно, помимо знаменитой поэмы включал еще семь других вполне самостоятельных произведений, тогда как рукописные книги из Ростовского архиерейского дома, судя по их «паспортам», были односоставными.

Слабой стороной предположения Л. А. Дмитриева является также то, что оно плохо согласуется с его же тезисом, согласно которому в подготовке к первому изданию «Слова» принимал

²⁷ Дмитриев Л. А. История открытия «Слова о полку Игореве», с. 426—429.

участие И. Н. Болтин.²⁸ Известно, однако, что И. Н. Болтин умер 6 октября 1792 г., тогда как хронографы из Ростовского архиерейского дома были отправлены в Петербург А. И. Мусину-Пушкину 21 ноября этого года.²⁹ Неправомерность такого предположения очевидна.

Попытка приписать рукопись «Слова о полку Игореве» к библиотеке Ростовского архиерейского дома обнаруживает свою несостоятельность также и в свете одного документа, который остался неизвестным Н. К. Гудзию и Л. А. Дмитриеву. Это «репорт» ростовского и ярославского архиепископа Арсения, отправленный в канцелярию Синода 21 ноября 1791 г., из которого выясняется, что хранившиеся в библиотеке Ростовского архиерейского дома пять хронографов и одна степенная книга были предметом «наиприлежнейшего рассмотрения» со стороны «духовных ученых людей» дважды: в 1778 г. (под наблюдением ростовского архиепископа Самуила) и в 1791 г. (под наблюдением архиепископа Арсения). Первый просмотр был произведен по требованию Синода, занимавшегося подборкой исторических сочинений для издания русских летописей, задуманного митрополитом Платоном. Второй просмотр был вызван известным указом Екатерины II и Синода, вменявшим в обязанность всем епархиям, монастырским архивам и библиотекам собрать «все древние летописи и другие до истории касающиеся сочинения». О результатах названных двух просмотров пяти хронографов и одной степенной книги архиепископ Арсений сообщал следующее: «...как нужного в них к изданию в печать и достойного примечания не нашлось, оным синодальным членом (т. е. архиепископом Самуилом, — *Ф. П.*) от 15 марта 1779-го году репортом Святейшему Синоду и донесено, что летописцев, принадлежащих к российской истории, достойных примечания и годных к изданию в печать, не оказалось, о чем святейшему правительствующему Синоду сим благопочтенно и репортую с таким при том донесением, что и ныне от духовных ученых людей (коим те хронографы и степенная книга препоручены были еще рассмотреть) репортами объявлено, что в оных ничего относящегося к российской истории, что бы не было напечатано и вновь из них к изданию подходило, не найдено».³⁰

Содержание цитируемого «репорта», по-видимому, не вполне удовлетворило Мусина-Пушкина, и в бытность свою летом 1792 г. в Ростове он потребовал от находившегося с ним в добрых отношениях Арсения Верещагина высылки трех хронографов и степенной книги в канцелярию Синода. Тем не менее заявление Арсения о том, что в ростовских хронографах не содер-

²⁸ Там же, с. 422.

²⁹ Там же, с. 426.

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 72, ед. хр. 280, л. 181 об.—182.

жалось ничего нового, наводит на мысль, что рукописи со «Словом о полку Игореве» там действительно не было. Автор «Слова», как известно, называл свое произведение «трудной повестью» (*Слово*, с. I). В то же время синодальный указ 1791 г. вменял нижестоящим инстанциям в обязанность собирать не только летописи и хронографы, но и «повести или подобные тому сочинения, до российской истории относящиеся».³¹ Не случайно поэтому казанский архиепископ Амвросий 18 октября 1791 г. сообщил в Синод: «Старался я таковых повестей и летописцев искать в партикулярных обывательских домах, в коих и найдено две книги».³² О том, что в епархиях разыскивались для Синода не только летописи, но и повести, мы узнаем также из донесений архимандрита московского Ново-Спасского монастыря, костромского епископа и других подчиненных Синоду лиц и инстанций.³³

Сказанное выше, как нам кажется, подтверждает необходимость дополнительных разысканий об архимандрите Иоиле, — разысканий, полностью свободных от исследовательского субъективизма и попыток подчинить факты наперед заданной схеме. В ожидании таких разысканий полезно будет обратить внимание на один документ, до сих пор не вовлеченный в научный обиход. Это — «последнее завещание архимандрита Иоиля», составленное им перед смертью (25 августа 1798 г.).

Из всего принадлежащего Иоилю Быковскому имущества несколько вещей было передано им в местную церковь Чудотворцев и не названному по имени прислужнику из семинаристов. Все остальное имущество (библиотека, комнатная обстановка и т. д.), согласно приложенному к завещанию реестру, Иоиль передавал своему несвершеннолетнему внуку Онуфрию Дорошкевичу. «Оного внука моего Онуфрия Дорошкевича, — гласит завещание, — с именем, которое по смерти моей ему принадлежит, поручаю в опеку ярославской казенной палаты советнику его высокородию Федору Степановичу Красовскому, которого он, Дорошкевич, как отца имеет почитать, во всем его слушаться».³⁴ Поскольку О. Дорошкевич и Ф. С. Красовский принадлежали к ближайшему окружению Иоиля Быковского, их имена, доселе неизвестные, приобретают несомненный интерес для исследователей.

Еще более существенная ценность завещания состоит в том, что приложенный к нему реестр дает полное представление о библиотеке Иоиля, точнее, о том ее составе, который она имела накануне его смерти.

Благодаря стараниям настойчиво и долго занимавшегося реконструированием библиотеки Иоиля В. В. Лукьянова мы уже

³¹ Там же, л. 181.

³² Там же, л. 130 об.

³³ Там же, л. 41, 190—200 и др.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 79, ед. хр. 725, л. 2 об.

располагаем довольно значительным перечнем книг, в нее входивших (70 названий).³⁵ Реестр, приложенный к обнаруженному нами «последнему завещанию», насчитывает 56 названий (106 томов). Любопытно при этом, что все книги, поименованные в перечне В. В. Лукьянова, в нашем реестре не значатся. Исключение составляют лишь «Деяния Петра Великого» И. Голикова, что, впрочем, объясняется тем, что 12 томов этого издания были включены в перечень В. В. Лукьянова не в результате ознакомления с ними *de visu*, а на основании логических умозаключений. Поэтому есть веские основания полагать, что библиотека Иоиля в ярославский период его жизни постепенно сокращалась в объеме и именно вследствие этого в реестр, составленный им накануне смерти, вошли далеко не все книги, принадлежавшие ему ранее.³⁶

Архимандрит Иоиль умер верным сыном православной церкви. Об этом красноречиво говорят не только первые три пункта его завещания, содержащие подробное расписание обряда предстоящих похорон, но и обильно представленные в его библиотеке сочинения религиозно-нравственного содержания («Наука благополучно умирать», «Щит против боязни смерти» и т. д.). Сказанному, как полагаем, не противоречит наличие в библиотеке архимандрита книг масонского характера (см., например, № 13, 18, 21, 26, 27, 52).

Как бы ограничены ни были те дополнительные сведения об Иоиле, которые содержатся в его «последнем завещании», они дают весомый материал для новых раздумий и новых поисков, без которых история открытия «Слова о полку Игореве» рискует превратиться в повторение старых, не выверенных наукой версий или же в конструирование ничем не подкрепляемых гипотез.

3

Большинство исследователей относят открытие рукописи «Слова о полку Игореве» к середине 90-х годов XVIII в., а иные из них, желая продемонстрировать точность, называют при этом 1795 год. В последнее время Г. Н. Моисеевой высказано обстоятельно обоснованное мнение, что рукописная книга, в состав которой входило «Слово», попала в руки А. И. Мусина-Пушкина не позднее 1787 г.³⁷ Преимущество этой гипотезы со-

³⁵ Лукьянов В. В. Библиотека Иоиля Быковского. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. Сб. статей под ред. О. А. Державиной. М., 1967, с. 49—53.

³⁶ Реестр опубликован, см.: Прийма Ф. Я. К спорам об открытии «Слова о полку Игореве». — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969, с. 259—260.

³⁷ См.: Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский Хронограф и «Слово о полку Игореве», с. 33. Ср.: Соловьев А. В. Ростовские хронографы и

стоит в том, что она позволяет вразумительно объяснить некоторые историко-литературные факты, которые ранее считались загадочными.³⁸

Согласно установившемуся мнению, первое издание «Слова о полку Игореве» (1800) было осуществлено преимущественно по инициативе и стараниями владельца рукописи А. И. Мусина-Пушкина, А. Ф. Малиновского и Н. Н. Бантыша-Каменского. Сторонники скептического взгляда на подлинность памятника пытаются уверить нас в том, что названный триумvirат, вознамерившись выдать фальшивку за рукописную редкость XII в., окружил свое издание непроницаемой тайной. Со времени открытия рукописи и до момента ее гибели (в московском пожаре 1812 г.), как полагают скептики, неизвестны случаи, когда бы «Слово» обсуждалось в научных кругах и когда бы тайна, окутывавшая его рукопись, приоткрывалась. В распоряжении исследователей, к счастью, находится немало фактов, опровергающих этот отнюдь не новый тезис: наличие целого ряда списков древней поэмы, восходящих к концу XVIII в.; публикация в гамбургском журнале «Spectateur du Nord» за 1797 г. сообщения об открытии «в одном из монастырских архивов» списка древнерусской поэмы; неоднократное обращение Н. М. Карамзина к рукописи «Слова» в его историографических занятиях; свидетельство типографщика С. А. Селивановского о том, как печаталась рукопись,³⁹ и т. д. и т. п. Вместе с тем следует сказать и о том, что история первого издания «Слова о полку Игореве» изучена все же крайне слабо, что и дает иногда возможность скептикам подменять ее собственными казуистическими хитросплетениями.

В 1819 г. в своем отзыве на книгу Я. Пожарского, посвященную переводу и истолкованию поэмы об Игоревом походе, А. С. Шишков писал: «Над переложением оной трудились многие, и между прочими известный своими в языке и словесности знаниями г-н Болтин».⁴⁰ Историк И. Н. Болтин умер в 1792 г., и поэтому учеными, относившими открытие древней поэмы к 1795 г., показание А. С. Шихкова не принималось всерьез. В настоящее время, когда, как сказано выше, открытие памятника переносится на более раннее время, участие в переводе и

хронограф Спасо-Ярославского монастыря. — В кн.: Летописи и хроники. М., 1974, с. 354—359.

³⁸ Так, более понятной становится упомянутая выше статья П. А. Плавильщикова 1792 г. «Нечто о врожденном свойстве душ российских». Автор статьи явно имел в виду «Слово о полку Игореве», когда выражал надежду на скорый выход в свет древних стихотворных поэм в честь Ярослава Мудрого и детей его (см.: Берков П. Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве», с. 135). Вполне очевидно, что такое заверение могло быть сделано лишь после открытия древней поэмы об Игоревом походе.

³⁹ См.: Сын отечества, 1839, т. VIII, с. 15—17.

⁴⁰ Собр. соч. и переводов адмирала Шихкова, ч. XI. СПб., 1827, с. 384.

истолковании «Слова» как И. Н. Болтина, так и «многих» приобретает вполне правдоподобный характер. Если это и так, то к кому же относится слово «многие»?

Поскольку цитированное показание Шишкова еще не привлекало внимания исследователей, попытаемся прокомментировать его отрывками из одной семейной переписки начала XIX в., которая, хотя и была в давние годы частично опубликована, в настоящее время довольно прочно забыта.

Основной участник переписки — Яков Иванович Булгаков (1743—1809), выходец из стародворянской семьи, друг Д. И. Фонвизина и М. М. Хераскова. В годы обучения в Московском университете он увлекался «словесными науками»; в начале 1760-х годов поступил на службу в Иностранную коллегию и в течение последующих 30 лет жил преимущественно за границей, занимая ряд ответственных дипломатических постов. В последние 16 лет жизни Я. И. Булгаков отошел от активной служебной деятельности и провел их в России. В этот период он был занят интенсивной переводческой деятельностью. Среди его переводов «Всемирный путешественник» Жозефа де ла Порта (27 томов), «Образование древних народов» М.-Ф. д'Андре-Бардона (в 4 частях), «Влюбленный Роланд» Ариосто и др. Уместно отметить, что переводы Я. И. Булгакова характеризовались простотой изложения, естественностью и гибкостью слога, богатством и чистотой языка.

Сын Я. И. Булгакова Александр Яковлевич (1781—1863), которому были адресованы приводимые ниже письма, получил основное образование в училище при лютеранской церкви св. Петра в Петербурге. Первое время он служил в Коллегии иностранных дел, затем в Московском архиве. С 1802 по 1832 г. он был на дипломатической службе за границей и в России. С 1832 г. занимал должность московского почт-директора; с 1856 г. — сенатор. С юных лет А. Я. Булгаков дружил с В. А. Жуковским и А. И. Тургеневым. Он являлся также автором нескольких сочинений биографического и исторического содержания.

В интересующий нас период А. Я. Булгаков служил в составе русского посольства в Австрии. 26 ноября 1806 г. отец писал ему из Москвы: «Назначенный в Палерму вице-консулом Болоньи⁴¹ продолжает у меня бывать и день ото дня больше мне нравится. Он <...> поедет через Киев в Вену. Я ему дам письма к тебе и к брату и пришлю с ним Игореву Песню, которую желал бы я, чтобы ты показал какому сербу или славянину и попросил его, чтобы он ее перевел на славянский язык, ежели будет ее разуметь. Она писана старинным русским языком; мы

⁴¹ Принявший в 1785 г. русское подданство флорентиец Болоньи служил в Иностранной коллегии в чине титулярного советника; в октябре 1806 г. он был назначен на должность вице-консула при русском консульстве в Палермо. О нем см.: Русский архив, 1898, т. II, с. 300.

ее (ибо и я мешался) переводили; но половины слов и выражений сами не понимали. Не лучше ли поймут ее славяне? А ты тем великую услугу сделаешь».⁴²

Свидетельство Я. И. Булгакова о том, что он также был причастен к подготовке первого издания «Слова о полку Игореве» и что перевод и истолкование памятника, несмотря на коллективные усилия, давались с большим трудом, обладает исключительной ценностью. Приходится лишь удивляться тому, что признание Булгакова, опубликованное без малого 80 лет тому назад, не обратило на себя внимания специалистов.

Когда же Я. И. Булгаков, находившийся в приятельских отношениях с А. И. Мусиным-Пушкиным,⁴³ мог включиться в работу над переводом и комментированием гениального творения древнерусской письменности? Пока что ответить на этот вопрос можно лишь ориентировочно: не ранее чем в начале 1793 г., когда начался «русский» период в служебной деятельности Я. И. Булгакова. Для определения второй, наиболее поздней даты в качестве отправной точки можно воспользоваться вторым (дополненным) изданием поэмы М. М. Хераскова «Владимир». Оно вошло во вторую часть «Творений» автора и увидело свет в январе 1797 г.⁴⁴

В уже цитированном выше примечании Хераскова к дополнительно написанным стихам 16-й песни поэмы впервые приводилось в печати название открытого памятника — «Слово о полку Игореве»⁴⁵ (аналогичное извещение Карамзина в гамбургском журнале «Spectateur du Nord» появилось позднее, в октябре 1797 г.).

Мы не располагаем данными о личных связях Хераскова с А. И. Мусиным-Пушкиным, но у нас есть вполне достоверные сведения о дружеских связях с Херасковым Я. И. Булгакова, от которого автор «Владимира» уже в 1796 г. и получил, как надо полагать, информацию об открытии гениальной русской поэмы.

Попытаемся теперь ответить на вопрос, почему же именно в 1806 г., а не раньше возникает у Я. И. Булгакова идея дать «Слово о полку Игореве» для перевода кому-либо из сербохорватов или словенцев (автор письма называет последних «славянами»).

Из биографии Я. И. Булгакова известно, что он, еще будучи в чине чрезвычайного посланника России в Константинополе (1781—1789), водил дружбу со многими проживавшими там хор-

⁴² Русский архив, 1898, т. I, с. 214.

⁴³ Об их взаимоотношениях см.: Русский архив, 1898, т. I, с. 525, 540.

⁴⁴ См.: Елеонский С. Ф. Поэтические образы «Слова о полку Игореве» в русской литературе конца XVIII—начала XIX в. — В кн.: Слово о полку Игореве. Сб. статей. Под ред. И. Г. Клубуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947.

⁴⁵ Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные, ч. II. М., 1797, с. 300—301.

ватами (рагузинцами) и уже тогда получил некоторое представление о сербскохорватском языке и культуре. В 1803 г., живя уже в России и прослышав о том, что в Будапеште вышли в свет первые два тома «Итальяно-иллирико-латинского словаря», составленного Иоакимом Стулли, Я. И. Булгаков через посредство сына, в то время служившего в русском консульстве в Неаполе, приобретает это издание.⁴⁶ В 1805 г. он просит сына покупать издававшееся в Австрии «периодическое сочинение» «Славянка».⁴⁷ Известно, что в том же году Я. И. Булгаков обращался к А. И. Тургеневу с просьбой достать ему в книжных магазинах Петербурга «Bibliotheca Slavica» Фортуната Дуриха.⁴⁸

Не следует забывать, что русского славяноведения в ту пору еще не существовало, да и за рубежами России период «утробного» развития этой науки, как известно, продолжался вплоть до 1820-х годов. Живой отклик Я. И. Булгакова на западноевропейские славистические книжные новинки в истории русской филологической мысли — явление редчайшее. Относящаяся к этому же времени дружба Булгакова-отца с Александром Тургеневым (совершившим в 1804 г. вместе с А. С. Кайсаровым научную поездку по сербским и чешским землям), а возможно и другими представителями русской просвещенной молодежи, безусловно, способствовала зарождению отечественной славистики; с другой стороны, лишь в условиях растущей (как на Западе, так отчасти и у нас) славяноведческой науки и могла возникнуть в 1806 г. у Я. И. Булгакова мысль о рассмотрении трудных мест Игоровой поэмы сквозь призму других славянских языков.

Отвечая отцу на его письмо от 26 ноября 1806 г., А. Я. Булгаков писал из Вены 10(22) января 1807 г.: «Игорову песнь, как скоро получу, отдам славенам на толкование, но ежели еще Болоний не поехал, то б я у вас два экземпляра попросил. Можно один послать в Карловиц к митрополиту, человеку умному и знающему хорошо славенской и русской язык».⁴⁹

Этот первый отклик Булгакова-сына на важное поручение отца был получен в Москве, очевидно, еще до отъезда из Москвы флорентийца Болоньи (он прибыл из России в Вену лишь в последнюю декаду марта по н. ст.). 27 марта (8 апреля) 1807 г. Булгаков-сын писал отцу: «Болонья я обо всем расспросил и ежедневно он более мне нравится. Я представил его послу, который очень хорошо его принял и отправляет его из Триеста на

⁴⁶ Русский архив, 1898, т. I, с. 192—194.

⁴⁷ Там же, с. 208.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 181, оп. 11, ед. хр. 1026—1609 (письма А. Я. Булгакова к Я. И. Булгакову), л. 526 (по-видимому, речь шла о митрополите Стефане Стратимировиче).

нашем фрегате до Корффы, почему и должен Болоньи дни через два отсюда выехать. Он мне сказал, что прежде отъезда к вам напишет, и не может вами нахвалиться. — О Игоре теперь буду хлопотать». ⁵⁰

По-видимому, летом 1807 г. А. Я. Булгаковым было написано письмо, от которого сохранился лишь недатированный отрывок следующего содержания: «О Игоре писал вам пространно. По сие время не присылал еще его ко мне архиепископ карловицкой, но он мне обещал переводом его заняться, я ему на сих днях напомню, ибо он позволил мне к себе писать». ⁵¹

Еще до наступления лета, как следует полагать, Булгаков-сын отправил в Москву не дошедшее до нас письмо с «пространным» описанием своих письменных сношений с карловицким архиепископом.

13 (25) ноября 1807 г. в письме к отцу А. Я. Булгаков еще раз вспомнил о полученной из Москвы десять месяцев тому назад книге: «На сих днях преприятное сделал знакомство. Я к вам писал давно, к кому доставил я Песнь Игореу, дабы сделать о переводе примечания: карловицкий архиепископ сам теперь здесь. Я был у него, нашел в нем человека прелюбезного и преумного, и он обещал мне заняться вашим препоручением. Он большой приятель Александру Тургеневу; жаль мне только, что он скоро отсюда едет». ⁵²

Цитируемое письмо, очевидно, долго пробыло в пути. Во всяком случае к началу декабря в Москве оно еще не было получено. 9 декабря 1807 г. Булгаков-отец спрашивал сына: «Помнишь ли ты об Игоре? Послал я к тебе сию песнь с тем, чтобы ты нашел кого-нибудь из славян, сербов и др., который бы перевел ее на свой язык, ибо сильно мы намучались, всего не поняв; а их перевод много бы нам помог ее выразуметь. Кажется, ты и отвечал тогда, что ее отдал кому-то». ⁵³

Изложил ли карловицкий архиепископ свои суждения о древнерусском «Слове»? Он мог сделать это в переписке с Булгаков-сыном или же на врученном ему экземпляре изданного памятника. Во всяком случае в той части переписки Булгаковых, которая хранится в архивах нашей страны, кроме приведенных выше, никаких иных упоминаний о «Слове» нами не обнаружено. Компетентный ответ на поставленный вопрос, по-видимому, смогут дать в будущем наши югославские коллеги-медиевисты.

Публикуемые фрагменты из переписки Булгакова-отца с сыном — новое подтверждение того, каких мучительных раздумий и напряженных усилий стоила подготовка к печати Игоревой

⁵⁰ Там же, л. 546.

⁵¹ Там же, л. 613.

⁵² Там же, л. 596.

⁵³ Русский архив, 1898, т. I, с. 219.

песни ее первым издателям. Ощущая высокую художественность древней поэмы, они чувствовали одновременно несовершенство и, более того, тщету своих попыток раскрыть ее подлинный, окутанный «дымом столетий» смысл.

Переписка Булгаковых, наконец, убеждает нас и в том, что история первого издания Игорева песни и первых ее встреч с читательской аудиторией известна до настоящего времени далеко не во всех своих стадиях и звеньях. Специалистам в этом отношении предстоит еще сделать многое.

Глава вторая

К СПОРАМ О ПОДЛИННОСТИ ДРЕВНЕЙ ПОЭМЫ

(О ГИПОТЕЗЕ А. А. ЗИМИНА)

В предыдущей главе речь шла о спорных вопросах, связанных с открытием «Слова о полку Игореве» и с личностью и деятельностью архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля Быковского. Был ли архимандрит Иоиль тем лицом, которое указало А. И. Мусину-Пушкину на уникальную рукопись, или роль его сводилась лишь к тому, что он помог влиятельному обер-прокурору Святейшего Синода без хлопот присвоить ценнейшую монастырскую рукопись? И более того: был ли Хронограф с рукописью «Слова» действительно ярославского происхождения? Полагаем, что однозначные ответы на эти вопросы были бы преждевременны. Споры на эту тему долго будут продолжаться, и не исключена возможность, что они, способствуя выяснению важных обстоятельств открытия древнего памятника, приведут к выявлению еще не известных нам произведений русской письменности, отразивших на себе его воздействие.

Но в литературе о «Слове» последних лет, как зарубежной, так и отечественной, ведутся также споры и другого рода — о подлинности памятника. Еще в середине 1930-х годов французский славист Андре Мазон на страницах редактируемого им журнала «Revue des études slaves», подвергая сомнению достоверность «Слова о полку Игореве», пытался доказать, что оно было написано Н. Н. Бантышом-Каменским в подражание «Задонщине». В 1940 г. А. Мазон подвел итоги своим скептическим взглядам на «Слово» в специальной книге.¹ Досужие измышления А. Мазона были подвергнуты сокрушительной критике в обстоятельной работе Н. К. Гудзия «Ревизия подлинности „Слова

¹ Mazon A. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940.

о полку Игореве“ в исследовании проф. А. Мазона.² В послевоенные годы с основательной критикой взглядов А. Мазона выступали также В. П. Адрианова-Перетц, С. П. Обнорский, А. С. Орлов и другие советские филологи-медиевисты.

На ходу перестраиваясь и наспех заменив имя Н. Н. Бантыша-Каменского на имя архимандрита Иоиля Быковского, А. Мазон в 1965 г. опубликовал новую работу, в которой столь же тщетно, как и ранее, пытался отстаивать подложность «Слова о полку Игореве».³

Чрезвычайно близкой взглядам А. Мазона оказалась, к сожалению, и точка зрения на «Слово» советского историка А. А. Зимина, высказанная им в ряде статей и докладов. Во втором номере журнала «Русская литература» за 1966 г. им была опубликована статья «Приписка к псковскому Апостолу 1307 года и „Слово о полку Игореве“».

Поскольку основные положения концепции А. А. Зимина опираются на приписку к псковскому Апостолу 1307 г., мы начнем наш критический разбор с того, что приведем ее полный текст: «Сего же лѣта бысть бой на Русьской земли, Михаил съ Юрьемъ о княженъе Новгородское. При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы, и вѣци скоротихася челоуѣкомъ».⁴

Приписка эта была сделана на последнем листе рукописи рукою некоего писца Диомида в 1307 г. Первым из исследователей, кто обратил на нее внимание и указал на ее научную значимость, был К. Ф. Калайдович (1792—1832). Будь на его месте рядовой архивист-инвентаризатор, он мог бы пройти равнодушно мимо этой жалобы неизвестного писца. Но Калайдович, приступивший в конце 1813 г. к описанию древних рукописей, уцелевших от московского пожара 1812 г., был всецело поглощен поисками следов погибшей рукописи «Слова о полку Игореве», и поэтому приписка к псковскому Апостолу, на которой лежит отблеск древней поэмы, стала предметом глубочайшего интереса и источником надежд молодого ученого-энтузиаста.

О своей находке К. Ф. Калайдович тогда же сообщил всем своим знакомым, в том числе и проживавшему в Ярославской губернии, в родовом имении Иломна, бывшему владельцу рукописи «Слова» графу А. И. Мусину-Пушкину.

Приписка писца Диомида была сразу же воспринята знатоками русской старины как свидетельство бытования поэмы об Игореvem походе в древнерусской письменности. Отдельные

² Учен. зап. Моск. гос. ун-та, 1964, вып. 110. Труды кафедры русской литературы, кн. 1.

³ Mazon A. Ivan Bykovsky, Ioil l'archimandrite et l'auteur de «La Vérité ou l'extraits de notes sur la Vérité». — Revue des études slaves, 1965, t. 44, p. 59—88.

⁴ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. I. М., 1855, с. 292—293.

представители русской филологической науки полагали, правда, что зависимость между «Словом о полку Игореве» и припиской к псковскому Апостолу 1307 г. не прямая, а косвенная, что они могли восходить к какому-либо третьему памятнику, общему для них источнику. Как бы то ни было, все крупнейшие русские филологи неизменно расценивали приписку к псковскому Апостолу как документ, подтверждающий древнее происхождение поэмы об Игоровом походе.

Само собой разумеется, что находка приписки к псковскому Апостолу доставила немалые огорчения приверженцам скептического взгляда на подлинность «Слова». Одни из них делали вид, что приписки этой вовсе не существует, другие, как например Андре Мазон, заявляли, что такие выражения писца Диомида, как «при сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша» и «вѣдци скоротипаша человѣкомъ», почти дословно повторяющие соответствующий текст древней поэмы, не носят отпечатка оригинальности, что это-де весьма распространенные в древнерусской литературе фразеологические клише, общие места.⁵

Особую позицию по этому вопросу занял А. А. Зимин, исходящий из убеждения, что еще где-то в начале 90-х годов XVIII в. на приписку писца Диомида обратил внимание А. И. Мусин-Пушкин и что плененный ее выразительностью сиятельный граф не удержался от соблазна и вставил ее в рукопись «Слова о полку Игореве».

Некоторые положения своей статьи А. А. Зимин формулирует так, словно он озабочен восстановлением первоначального, наиболее древнего вида памятника. Подобного рода задачу ставили перед собой многие исследователи «Слова», но она не утратила своей актуальности и поныне, поскольку текстологический анализ древней поэмы нельзя считать и до сих пор завершенным. По отзывам авторитетных самовидцев, погибшую рукопись памятника следует датировать концом XV—началом XVI в. Само собою разумеется, что за растянувшийся на несколько столетий период бытования произведение не могло остаться неизменным, что помимо основного своего текста, созданного в XII в., древняя поэма (в том ее виде, какой донесла до нас рукопись, находившаяся в руках первых издателей) включает в себя и какие-то более поздние наслоения, которые могли затронуть не только область грамматических форм, но и содержание памятника. По мнению А. А. Потебни, рукопись «Слова о полку Игореве» могла подвергаться различного рода изменениям начиная с момента своего возникновения. «Кажется, — писал этот ученый, — что список, дошедший до нас в издании 1800 г., ведет свое начало от черновой рукописи, писанной самим автором или с его слов, снабженной приписками на полях, заметками для

⁵ Мазон А. Le Slovo d'Igor, p. 132—133.

памяти, поправками, вводящими переписчика (быть может, конца XIII или самого начала XIV в.) в недоумение относительно того, куда их поместить. Для самого автора могло быть неясно, какие из амплификаций первоначального текста окажутся нужными, какие излишними при окончательной редакции, до нас не дошедшей или и вовсе не осуществленной. Сверх того, кажется, в текст внесены глоссы одного или более чем одного переписчика».⁶

На авторитет А. А. Потебни пыгается неоднократно опереться в своей статье и А. А. Зимин. Но скажем сразу же, что между их взглядами по существу нет ничего общего. А. А. Потебня стремился провести разграничительную линию между древней основой памятника и позднейшими возможными наслоениями. Усилия же А. А. Зимина направлены в конечном счете на то, чтобы убедить читателей в условном характере этого разграничения. Если судить по названию, статья А. А. Зимина посвящена одной лишь приписке к псковскому Апостолу 1307 г., точнее, предполагаемой вставке этой приписки в текст «Слова», — вопросу, казалось бы, частному. Но в действительности в статье речь идет не о пустяках, не об одной вставке, а по меньшей мере о пяти. Названные вставки, как заявляет далее автор статьи, имели целью «подкрепить мнение о древности „Игоровой песни“ наукообразными ссылками на исторические памятники. Уж кто-кто, а Мусин-Пушкин знал, что надобность в подобных доказательствах может возникнуть».⁷ Таким образом, А. А. Зимин полагает, что не только пять вставок, но и текст поэмы в целом явно не древнего происхождения. В начале статьи автор заявляет, что он не касается «вопроса об источниках, времени создания и авторе „Слова о полку Игореве“», но затем (на с. 74), воспроизводя заявления скептиков о том, что «Слово» — позднейший памятник, он, по существу, солидаризируется с этим мнением. В 1967 г. точка зрения А. А. Зимина на «Слово о полку Игореве» стала предметом обсуждения на одном из заседаний в Отделении истории АН СССР. «Концепция А. А. Зимина, — читаем мы в хронике этого заседания, — в своих главных чертах повторяет концепцию французского исследователя А. Мазона. И тот и другой считают, что „Задонщина“ в ее Пространной редакции повлияла на „Слово“ <...> Как А. А. Зимин, так и А. Мазон утверждают, что „Слово“ возникло в последней четверти XVIII века <...> А. Мазон первоначально считал, что автором „Слова“ был А. И. Мусин-Пушкин или кто-то из его современников; в связи с вопросом о времени создания „Слова“ он проявлял значительный интерес к деятельности яро-

⁶ Потебня А. А. Слово о полку Игореве. Харьков, 1914, с. 2.

⁷ Зимин А. А. Приписка к псковскому Апостолу 1307 года и «Слово о полку Игореве». — Русская литература, 1966, № 2, с. 73. (Далее при ссылках на эту статью страницы указываются в тексте).

славского архимандрита Иоиля Быковского, предполагаемого первого владельца рукописи „Слова“. А. А. Зимин прямо утверждает, что этот архимандрит и был автором „Слова“, а затем в написанный им текст были сделаны некоторые вставки Мусиным-Пушкиным».⁸

То обстоятельство, что А. А. Зимин в данном случае не желает считаться со взглядами, традиционными для нескольких поколений русских филологов, еще не является показателем слабости его концепции. Каждый ученый имеет право сомневаться в непогрешимости старых истин, если даже они были провозглашены крупнейшими в своей области авторитетами. Однако старые концепции теряют значение и вес только в тех случаях, когда они вступают в противоречие с новыми накопленными наукой фактами; и в то же время новые концепции подтверждаются в жизни отнюдь не потому, что они блещут новизной, а в силу строгости присущего им научного метода, широты обобщаемых ими фактов, в силу полноценности представляемой ими аргументации. Но как раз этих-то качеств и не хватает концепции А. А. Зимина.

В самом деле: чем аргументирует исследователь свой тезис о том, что фраза «Тогда при Олѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоувѣкомъ скратишась» вставлена в «Слово»? Ссылкой на то, что в 1792 г. Мусин-Пушкин распорядился отправить в Синод часть рукописных книг Синодальной библиотеки. Однако А. А. Зимину не удалось установить, что среди названных книг был и псковский Апостол, и тем более не удалось доказать, что рукопись последнего изучалась обер-прокурором Синода. Но если мы и согласимся с А. А. Зиминим и допустим, что Апостол 1307 г. был известен Мусину-Пушкину, то неужели этим будет доказан вставочный характер упомянутой выше фразы из «Слова»? Ведь в таком случае не составило бы, например, никакого труда «доказать», что все «библизмы» «Слова» тоже вставлены в него Мусиным-Пушкиным, ибо кто же станет сомневаться в том, что обер-прокурор Святейшего Синода знал библию?

Вставочный характер фразы об Олеге Гориславличе, по мнению А. А. Зимина, доказывается тем, что имя Горислав не южнорусского, а севернорусского происхождения и что в новгородских летописях это имя упоминается в качестве отчества, а не эпитета, как в «Слове». Можно и нужно, разумеется, согласиться с тем, что в языческой Руси существовало имя Горислав; следует признать также и то, что в православных святцах имя Горислав отсутствовало, но оно могло бытовать в христианскую эпоху как пережиток, как дополнительное языческое имя либо

⁸ Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». — Вопросы истории, 1964, № 9, с. 121.

в качестве эпитета или прозвища.⁹ С прозвищами, которые по своим грамматическим формам родственны отчествам, мы встречаемся в таких, например, названиях, как Днепр Славутич, Яик Горыныч и т. д. В народной поэзии эти «величальные» прозвища нередко переосмыслились в ироническом плане (например, Ерш Ершович, Орел Орлович и т. д.). Само собою разумеется, что отчество Гориславлич в качестве прозвища могло получить самое широкое, выходящее далеко за пределы Новгородского княжества распространение.

Фрагмент «Слова», рисуящий раздробленную Русь, которая «сѣяшется и растяшеть усобицами», поразительно гармонирует как с содержанием, так и с духом памятника в целом. Поэтому глубоко права была В. П. Адрианова-Перетц, указав на родственность этого интересующего нас фрагмента с «земледельческими» метафорами поэмы об Игоровом походе.¹⁰ Статья исследовательницы убедила читателей, в частности, и в том, что между фразой «Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земле сѣяше» (*Слово*, с. 15) и фразой «Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоувѣкомъ скратишась» (*Слово*, с. 16—17) существует органическая связь, хотя, по Зимину, в первом случае мы имеем дело с основным текстом произведения, а во втором — с дополнительной вставкой, сделанной А. И. Мусиным-Пушкиным. Правда, А. А. Зимин вынужден был пойти на частичный компромисс с В. П. Адриановой-Перетц, признав наличие «отдаленной переклички» между первой и второй фразами, которую он объяснял тем, что в древней Руси употребление «земледельческих» метафор составляло «устойчивую литературную традицию» (с. 66).

В статье А. А. Зимины нет внятного ответа на вопрос, связана ли, а если связана, то как, найденная им вставка с непосредственно следующим за нею текстом: «Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трушиа себѣ дѣляче...» (*Слово*, с. 17). Нерасторжимая связь этих слов с предшествующим текстом, на наш взгляд, не подлежит сомнению. Рост княжеских усобиц пагубно отражался на жизни и благосостоянии простых ратаев. Решительно нельзя поэтому солидаризироваться с А. А. Зиминым, полагающим, что слова «погибашеть жизнь Даждь-Божа внука» вставлены в поэму Мусиным-Пушкиным, а поясняющие их слова «тогда <...> рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть» принадлежат ее основному тексту. Надо быть совершенно глухим к художественной системе древнего памятника, чтобы с таким хладнокровием разъединять

⁹ Ср., например, в «Молении Даниила Заточника»: «Кому Переславль, а мне Гореславль, кому Боголюбиво, а мне горе лютое...».

¹⁰ Адрианова-Перетц В. Было ли известно «Слово о полку Игореве» в начале XIV века. — Русская литература, 1965, № 2, с. 149—153.

два фрагмента, неразрывно связанные друг с другом единством замысла и содержания, настроения и стиля.

Впрочем, тут же А. А. Зимин преподносит нам и образцы своего изучения поэтической системы памятника в виде анализа ритма нескольких его отрывков. Так, например, в отрывке, приписанном Мусину-Пушкину, А. А. Зимин обнаружил «стих», состоящий из 23 слогов, в то время как предельное количество слогов в «стихах» основного текста не превышает 16. Однако произведенная исследователем разбивка текста на стихи весьма произвольна и тенденциозна. Достаточно сказать, что в ритмическом переводе «Слова», предложенном Д. С. Лихачевым, отмеченный выше 23-сложный стих отсутствует, вернее, он разбит на два стиха.¹¹ Можно указать и на другие примеры произвольного понимания А. А. Зиминим ритмики древней поэмы. Но даже при искусственном удлинении и сокращении тех или иных стихов произведенный А. А. Зиминим метрический анализ «Слова» нисколько не подкрепляет концепции исследователя, ибо если встать на точку зрения, что ритмический рисунок «вставочных» мест «противозаконен», то тогда «противозаконными» оказались бы по меньшей мере $\frac{2}{3}$, если не $\frac{4}{5}$, всего состава древней поэмы.

По наблюдениям Л. П. Якубинского, приписка к Апостолу 1307 г. сохранила некоторые языковые формы более древнего происхождения, чем аналогичные формы соответствующего ей фрагмента «Слова».¹² Солидаризируясь с мнением Л. П. Якубинского, Д. С. Лихачев за несколько лет до появления статьи А. А. Зимина высказал предположение, что автор приписки пользовался более древним списком поэмы об Игоре вом походе, чем тот, который был издан Мусиним-Пушкиным, и что наблюдение Якубинского нисколько не вооружает скептиков.¹³ Не желая считаться с этими доводами, А. А. Зимин требует от Д. С. Лихачева дополнительных доказательств.

Повышенная требовательность исследователя в данном случае кажется нам совершенно неуместной. Ведь писец Диомид, естественно, пользовался списком «Слова», изготовленным не позднее 1307 г., в то время как экземпляр поэмы, изданной в 1800 г., был, как уже сказано, отнесен знатоками к XVI в.; другими словами, он возник примерно через два века после того, как был написан псковский Апостол 1307 г. Убедительность доводов, приведенных противниками А. А. Зимина, очевидна.

Согласно концепции А. А. Зимина, не только фраза об Олеге

¹¹ См.: Слово о полку Игоре в е. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (сер. «Лит. памятники»), с. 16.

¹² Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 323—325.

¹³ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 159. См. также: Дмитриев Л. А. Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игоре в е». — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 124—125.

Гориславличе, но и предшествующая ей ф́раза («Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣя отца своего между угорьскими иноходьци ко святой Софїи к Киеву») также вставлена в текст «Слова» первым его издателем; исследователь сравнивает эти две якобы вставленные фразы с «Задонщиной» и не находит там никакого соответствия им, в то время как предшествующий этой мнимой вставке и следующий за нею текст, по его мнению, свои отражения в «Задонщине» имеют.

Значит, полагает исследователь, мы имеем здесь дело с двумя инородными фразами, вставленными в текст, который в свою очередь не был первородным. Фальсификатор (по-видимому, Иоиль Быковский), как полагает А. А. Зимин, «по образу и подобию» «Задонщины» сочинил текст «Слова», копируя при этом все: композицию, последовательность эпизодов, образность. Тождество этих двух произведений вначале было едва ли не зеркальное, и только мусин-пушкинские вставки несколько его нарушили. Подобного рода ход рассуждений можно было бы назвать оригинальным, если бы он не был нелеп.

Во ф́разе «Съ тоя же Каялы...», по мнению большинства комментаторов, речь идет о похоронах Святополкова отца, князя Изяслава, имевших место в 1078 г. в Киеве. О том, где был похоронен Изяслав, русские летописи сообщают противоречивые данные: «Повесть временных лет» сохранила известие о похоронах Изяслава в Десятинной церкви в Киеве, в то время как в Софийской первой летописи местом захоронения князя назван киевский Софийский храм. В отличие от Д. С. Лихачева и других исследователей А. А. Зимин полагает, что по названному вопросу сведения Софийской первой летописи, а тем самым и поэмы об Игорево походе, ошибочны, и это обстоятельство в свою очередь дает исследователю повод заподозрить последнюю в позднем происхождении. Не беря на себя задачу решить, какой из двух существующих версий следует отдать предпочтение, возьмем самый «невыгодный» для «Слова» вариант: допустим, что содержащееся в нем известие о месте захоронения князя Изяслава (а для автора древней поэмы похороны были событием столетней давности) не соответствует истине. Но разве такого рода допущение дает повод для сомнений в подлинности «Слова»? Удивляться, как нам представляется, следует не тому, что в поэме об Игорево походе есть отдельные погрешности против исторической действительности, а тому, что таких погрешностей мало. Нельзя забывать, что «Слово» — не летопись и не синодик, а художественное произведение и что во всех без исключения художественных произведениях на историческую тему — от «Песни о Роланде» до русских народных исторических песен и украинских народных дум — присутствуют различного рода нарушения исторического правдоподобия.

Вставочный характер рассматриваемой ф́разы, по мнению нашего исследователя, подтверждается также ее лингвистическим

анализом, точнее, наличием в ней слова «иноходъци». Ссылаясь на словари Г. Е. Кочина и И. И. Срезневского, А. А. Зимин утверждает, что слово «иноходец» появляется в русской письменности лишь с конца XV в. Но в подстрочном примечании он вынужден был все же сделать следующую оговорку: «Впрочем, „иноходи“ есть в памятнике XII века». Формально-абстрактный способ мышления исследователя проявляется здесь особенно рельефно. Ему словно и нет никакого дела до того, что далеко не все богатства языка древней Руси отражены в ее письменности, что в свою очередь далеко не все произведения последней дошли до нас и что, наконец, далеко не все уцелевшие ее произведения расписаны в словарях. И мы не можем не считаться с этим. Так, например, согласно «Материалам для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, слова «лапоть» не было в русской письменности X—XVI вв. Но в том же словаре зарегистрировано производное от «лаптя» слово «лапотник», проникшее в русскую письменность уже в XII в. Кто же после этого станет сомневаться, что «лапоть» — слово старинное и что встречалось оно в древней Руси не реже, чем, скажем, «князь» или «церковь»; но в отличие от них слово «лапоть» не обладало данными, необходимыми для утверждения в письменности феодальной эпохи. В такой же точно степени и зафиксированные словарем Срезневского «иноходи» предохраняют фразеологизм «угорские иноходъцы» «Слова» от незаслуженных нападков.

В прошлом фразу «Съ тоя же Каялы. . .» многие исследователи относили к числу «темных мест» «Слова». Общий смысл ее по существу остается нерасшифрованным и поныне, не говоря уже о явно испорченном слове «повелѣя», которое ставило в тупик всех исследователей. Первые издатели древней поэмы нашли выход из этого в следующем переводе: «С той же Каялы вел Святополк войски отца своего между Угорскою конницею ко Святой Софии к Киеву». Таким образом, первые переводчики «Слова» ничего не сказали о похоронах Изяслава, и они, на наш взгляд, имели для этого некоторые, по крайней мере формальные, основания. Святополк велел доставить тело убитого отца к храму св. Софии в Киеве, но для какой цели? Для похорон? Но почему обязательно для похорон, а не для обряда, скажем, отпевания? Повторяем, фраза продолжает и до сих пор оставаться неясной, и нам легко понять то недоумение, в которое она привела первых переводчиков. «Повелѣя» было, по-видимому, воспринято ими как испорченное «повел вои», что и предрешило результат их перевода. По-иному смотрит на этот перевод, равно как и на соответствующий ему оригинал, А. А. Зимин. Согласно его рассуждению, Мусин-Пушкин сочинял свою вставку на основании новгородских летописей. Но перед изданием памятника он заметил, что их показаниям противоречит «Повесть временных лет». Исправлять текст памятника было поздно, и тогда

изобретательный граф принимает компромиссное решение — искажает перевод. А. А. Зимин так и пишет: «Как можно перевести текст „повелѣя отца своего“ словами „вел... войски отца своего“? Перед нами сознательная ретушировка текста. Она сделана, чтобы скрыть дефекты вставки, обнаруженные А. И. Мусиным-Пушкиным при сверке ее с летописями» (с. 66).

Таким образом, мы можем отныне восхищаться эрудицией Мусина-Пушкина. Исследователям древнерусской литературы потребовалось полтора века, чтобы обнаружить относящееся к похоронам Иязслава противоречие между летописными преданиями. А находчивый Мусин-Пушкин заметил это противоречие сразу. Исследователи, изучавшие особенности перевода в первом издании древней поэмы, приходили к выводу о бессилии переводчиков в расшифровке текста, явно испорченного переписчиками. Однако наблюдения А. А. Зимина ставят под сомнение этот вывод. Мусин-Пушкин все мог, все знал, все предвидел. Но даже и его всемогущество имело пределы: подчистив перевод, он оставил неисправленным основной текст, что и позволило А. А. Зимину вывести наконец его на чистую воду.

Если в одних случаях Мусин-Пушкин превосходил решительно всех комментаторов «Слова», то в других, согласно концепции того же А. А. Зимина, он проявлял полную беспомощность. И она превосходно иллюстрируется на примере того, как было интерпретировано в первом издании «Слова» выражение: «Пѣти было пѣсь Игореви того (Олга) внуку». А. А. Зимин считает, что слова «Олга» (родительный падеж от слова «Олег») не было в рукописи, и в том, что слово это, заключенное в скобки, попало в первопечатный текст, он видит очередную фальсификацию Мусина-Пушкина. Мы согласны с тем, что слова «Олга» действительно не было в рукописи памятника, но в том, что оно попало в первопечатный текст (а не в рукопись, как полагает А. А. Зимин), мы не видим никакого подлога. На наш взгляд, Мусин-Пушкин и другие участники первого издания «Слова», вставляя пояснительное слово «Олга», поступали в соответствии с теми нормами, которые были выработаны в издательской практике XVIII в. в России применительно к древнерусским текстам. Приведем в качестве примера лишь несколько мест из изданной в 1767 г. Академией наук в Петербурге Радзивилловской летописи: 1) «Игорь же <...> отпусти послы одаривъ скорою (*мягкой рухлядью*)...»; 2) «Она же всѣдше въ кувару (*корабль*)...»; 3) «...но надѣюся на бога пошлю къ нему (*Володимиру*)...»; 4) «...наполнивъ руки половцемъ (*дав великую плату*)...»; 5) «...твердь учинили оплотомъ (*шанцами окопались*)...».¹⁴ Заключенными в скобки словами издатели комментировали текст, но разве можно отсюда сделать вывод о том, что они вносили

¹⁴ Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. СПб., 1767, с. 45, 81, 159, 235, 273.

эти слова в рукопись и тем самым фальсифицировали летопись? Никаких оснований для такого рода обвинений не дает и первопечатный текст «Слова о полку Игореве». В первом издании «Слова» помимо «гlossы» «Олга», вызвавшей негодование А. А. Зими́на, есть ведь и другая «гlossа», хотя встречается она не в основном тексте, а в переводе. Текст памятника «Кюли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влурь влькомъ потече...» издатели перевели следующим образом: «Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур (Лавер) волком побежал...» (*Слово*, с. 41). В данном случае перевод преследовал не только узко переводческую, но и комментаторскую цель: показать, что Влур идентичен не только Овлуру «Слова», но и Лаверу русских летописей.

Мы согласны с теми исследователями (в их числе и с А. А. Зими́ным), которые полагают, что слово «Олга» во фразе «Пѣти было пѣсь Игореви того внуку» вставлено Мусиным-Пушкиным без проникновения в смысл текста. Но это наблюдение наряду с другими данными подтверждает дилетантский характер первого печатного перевода «Слова» и тем самым решительно противоречит концепции А. А. Зими́на.

Четвертой вставкой, внесенной Мусиным-Пушкиным в текст древней поэмы, А. А. Зимин считает строки, в которых содержится следующее обращение к князю Всеволоду: «Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатѣ, а Кощей по резанѣ» (*Слово*, с. 28). Место это, заявляет исследователь, «еще А. А. Потехня рассматривал как вставку в „Слово о полку Игореве“» (с. 70). Однако Потехня, добавив мы от себя, не был окончательно уверен во вставочном характере этого текста и — главное — не допускал мысли о том, что древняя поэма искажалась руками фальсификатора или фальсификаторов. По мнению ученого, рассматриваемое место, «быть может, вставлено автором как сырой материал».¹⁵

А. А. Зимин утверждает, что цитируемое место из «Слова» перекликается с оборотом «полоть или двѣ ногаты, а в среду рѣзана» из «Русской Правды», изданной Мусиным-Пушкиным в 1792 г. С этим утверждением исследователя нельзя не согласиться: сопоставляемые им фрагменты из «Слова» и «Русской Правды» действительно перекликаются друг с другом. Но таких перекличек немало в древнерусской литературе. «Зегзица» и «туры» в «Слове» ассоциируются с «горлицей» и «турами» в «Поучении Владимира Мономаха». «Повесть о разорении Рязани» перекликается с «Задонщиной», «Моление Даниила Заточника» — с «Житием» протопопа Аввакума. Вместе с тем сходство друг с другом отдельных литературных мотивов и ситуаций и даже целых произведений, как правило, обусловлено тем, что сюжетную основу многочисленных литературных произведений составляют родственные жизненные события и ситуации. Но, ра-

¹⁵ Потехня А. А. Слово о полку Игореве, с. 110.

зумеется, нередко бывают и случаи, когда помимо родства типологического между отдельными литературными произведениями обнаруживается и более тесная, непосредственная генетическая связь. Так, например, было бы бессмысленно объяснять наличие имени Бояна в «Задонщине», произведении конца XIV в., воздействием непосредственной действительности, поскольку современником «древнего гудца» Бояна автор «Задонщины» быть не мог. Единственным источником имени Бояна могла быть для него только древняя поэма об Игоре вом походе, имеющая к тому же с «Задонщиной» много других как композиционных, сюжетных, так и стилистических совпадений. На генетическую связь нередко может указывать стилистическая общность, если только она является достаточно тесной, а стилистический «первоэлемент» достаточно редкостен и индивидуализирован. Ничего похожего на подобную связь не обнаруживают между собою «Русская Правда» и «Слово о полку Игореве». Термины «резана» и «ногата» в «Русской Правде» встречаются в таком же простом и широко распространенном для своего времени сочетании, как рубли и копейки в каком-либо денежном документе нашей эпохи. И в то же время в «Слове о полку Игореве» эти термины входят в состав «крылатого» proverbialного выражения, обладающего неповторимо-редкостным стилистическим колоритом. И поэтому настаивать на том, что «резана» и «ногата» «Слова» находятся в прямой зависимости от аналогичных терминов «Русской Правды», означало бы вступать в явное противоречие с законами элементарной логики.

А. А. Зимин пытается убедить своего читателя в том, что резана вышла из денежного обращения в южной Руси уже к началу XII в. Он ссылается при этом на наблюдения В. Л. Янина, согласно которым к указанному времени резана в древней Руси вытесняется куной.¹⁶ А. А. Зимин «забывает» при этом сказать, что вопросу о вытеснении резаны куной В. Л. Янин уделяет всего лишь полстраницы, три раза прибегая при этом к оговоркам («Это соотношение позволяет предположить», «по-видимому», «может быть»); другими словами, он рассматривает свое мнение в качестве гипотезы. «Забывает» А. А. Зимин сказать и о том, что сам он не разделяет этой гипотезы полностью: в отличие от В. Л. Янина он считает, что к началу XII в. резана выпала из обращения не на всей территории древней Руси, а лишь в ее южных областях.

В своих выводах о повсеместном или локальном исчезновении резаны из денежного обращения древней Руси к началу XII в. А. А. Зимин опирается на единственный источник — Пространную редакцию «Русской Правды», в которой резана всюду заменена куней. Большинство исследователей датируют

¹⁶ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 160—161.

возникновение Пространной редакции «Русской Правды» началом XII в.; к этому периоду и приурочил исчезновение резаны А. А. Зимин. Не будем задерживать внимание читателей на том, что в вопросе о датировке Пространной редакции «Русской Правды» ученые и по сей день не пришли к единому мнению и что некоторые из них допускают в этой датировке довольно широкую амплитуду — от начала XII до начала XIII в.¹⁷ Допустим, что А. А. Зимин прав и Пространная редакция «Русской Правды» возникла не позднее начала XII в. В Пространной редакции резана заменена куней, однако это вовсе не означает, что с указанного времени в древней Руси резана исчезла и как денежная мера, и как термин. Можно согласиться с тем, что с начала XII в. резана перестает быть универсальной денежной единицей, однако окончательное вытеснение резаны куней, на наш взгляд, не могло быть решено таким довольно простым актом, как издание Пространной редакции «Русской Правды». Процесс вытеснения одних денежных единиц другими в условиях феодальной раздробленности древней Руси был длительным и неравномерным. Так, например, хорошо известно, что наряду с Пространной редакцией существовала и продолжала размножаться в списках, вплоть до XV в., и Краткая редакция «Русской Правды», где взимаемая с нарушителей закона плата измерялась не кунами, а резанами. Известно и то, что ни в Краткой, ни в Пространной редакциях «Русской Правды» не упоминается шеляг, но тем не менее эта «незаконная» и «упраздненная» денежная единица существовала в древней Руси с X по XVI в. Гораздо дольше, чем до начала XII в., существовала на Руси и резана, что подтверждается довольно многочисленными памятниками древнерусской письменности. Часть из них (например, новгородские берестяные грамоты XI—XIII вв.) по необходимости должен был назвать и А. А. Зимин. Правда, он стремится представить дело так, что после появления Пространной редакции «Русской Правды» монопольное право на пользование резаной принадлежало лишь Новгородской Руси. Насколько это мнение не соответствует истине, видно хотя бы из того, что термин «резана» встречается в одной из договорных грамот 1375 г. великого князя Дмитрия Ивановича.¹⁸

Но если бы даже резана и ногата и вышли к концу XII в. из денежного употребления в южной Руси, то и тогда высказанные А. А. Зиминим по поводу их соображения были бы беспочвенными, поскольку автор «Слова» употребил эти термины в повествовании не о настоящем времени, а об идеализируемом им прошлом. Термины эти вошли в древнюю поэму в качестве за-

¹⁷ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, с. 32 и след.

¹⁸ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб., 1912, с. 217. Ср.: Древняя Российская Вифлиофика, ч. 1. Изд. 2-е, М., 1788, с. 85.

стывших поэтических формул, обладающих правом на бессрочное существование.

Еще более беспочвенными представляются нам рассуждения А. А. Зимина о том, что указанная в рассмотренном отрывке «Слова» стоимость плененных половцев была во много раз меньше их реальной коммерческой стоимости. Критик словно забывает о том, что автор поэмы об Игорево м походе строит ее по законам художественного творчества, используя самые разнообразные средства эмоционального воздействия на слушателя, в том числе и гиперболу. И вполне понятно поэтому, что из выражения «чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ» о реальном состоянии цен в древней Руси можно узнать приблизительно столько же, сколько о рыночных ценах нового времени из поговорки «за морем телушка полушка».

Пояснение слов «чага» и «кощей» ставило перед первыми комментаторами «Слова» непреодолимые трудности. Не удивительно поэтому, что в переводе, приложенном к первому изданию памятника, слово «кощей» было воспринято как собственное половецкое имя, а «чага», также воспринятая как личное имя, отождествлена с половецким князем Кончаком.

Поскольку слова «чага» и «кощей» встречаются в том месте поэмы, которое А. А. Зимин считает вставкой Мусина-Пушкина, перед исследователем возникает необходимость ответить на вопрос: откуда взял эти слова фальсификатор? Он взял их из Ипатьевской летописи, отвечает на этот вопрос Зимин, ибо слово «чага» в иных древнерусских источниках не обнаружено. Но как доказать, что Ипатьевская летопись была известна Мусину-Пушкину? А. А. Зимин «доказывает» это следующим образом. Одна из редакций Ипатьевской летописи, так называемая Волынская летопись, была у Н. М. Карамзина. По собственному его признанию, он находил в этой летописи слово «харалужный». Так как слова «харалужный» в тексте Волынской летописи нет, но оно встречается в «Сказании о Мамаевом побоище», то А. А. Зимин делает следующее допущение: «Поскольку нам известно, что существует редакция Ипатьевской летописи, содержащая в своей заключительной части „Сказание о Мамаевом побоище“ <...> вполне допустимо предположить, что именно этот ее вариант находился у Карамзина» (с. 71). Вслед за этим весьма смелым предположением следует второе — о том, что Волынская летопись, по-видимому, принадлежала Мусину-Пушкину, поскольку «Карамзин широко пользовался рукописными материалами графа». Это произвольное предположение подкрепляется следующим (единственным!) «аргументом»: «Дело в том, что А. И. Мусин-Пушкин был знаком с Ипатьевской летописью: слово „чага“ из его вставки встречается только в этом источнике» (с. 71). Итак, цепь аргументации превращается в заколдованный круг: для того чтобы доказать участие Мусина-Пушкина в фальсификаторской вставке, выдвигается предположение

о принадлежности ему Волынской летописи, а для доказательства этой принадлежности предположение о вставке используется уже в качестве бесспорного аргумента.

Выдвинув гипотезу о знакомстве Мусина-Пушкина с показанием Ипатьевской (Волынской) летописи под 1170 г., А. А. Зимин должен был устранить и порождаемое этой гипотезой недомыслие: почему понятия «чага» и «кощей» владелец рукописи «Слова» дал такое беспомощно-нелепое и совершенно не согласованное с текстом названной летописи объяснение в своем переводе древней поэмы? Исследователь не утруждает себя ответом на этот вопрос. Как в этом, так и во многих других случаях он предпочитает вовсе не упоминать о фактах, мешающих его построениям.

О списке Волынской летописи, находившемся у Н. М. Карамзина, следует сказать несколько дополнительных слов. В третьем томе своей «Истории государства Российского», комментируя выражение «рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлти» из «Слова», знаменитый историограф писал: «В Волынк. Лет. (в рукописн., стр. 727) сказано: „ати инаа детей не цвѣлти“, вместо „не оскорбляет“». ¹⁹ На основании этой цитаты мы можем определить безошибочно, что в распоряжении Карамзина был так называемый Хлебниковский список Волынской летописи, хранящийся ныне в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. ²⁰

К сказанному можно добавить, что названный список Волынской (Ипатьевской) летописи («это сокровище бог послал мне с неба») Карамзин приобрел лишь в 1807 г. ²¹ Изучение этой летописи и позволило историографу впоследствии, в 1816 г., во втором томе «Истории государства Российского» (примечание 420) впервые в науке дать правильный перевод слова «чага» («пленница, рабыня»). ²²

Таким образом, созданная А. А. Зиминым версия о списке Ипатьевской летописи, будто бы принадлежавшем А. И. Мусину-Пушкину, а затем исчезнувшем неведомо куда, на поверку оказывается досужим вымыслом.

Особым субъективизмом страдает данная А. А. Зиминым характеристика гражданского облика А. И. Мусина-Пушкина. Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что владелец сгоревшей рукописи «Слова» был угодливым царедворцем и что в коллекционерской своей деятельности он иногда прибегал к недозволенным средствам. Известно, что после ухода с поста обер-проку-

¹⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. III. СПб., 1816, примеч. 71.

²⁰ ГПБ, F.IV.230. Указанный список имеет не полустную, как обычно бывает, а постраничную нумерацию. Именно на с. 727 и находим мы приведенную Карамзиным цитату.

²¹ См. письмо Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу от 27 августа 1807 г.: ИРЛИ, 15976. ХСVIIIб. 15, л. 3.

²² См.: Дмитриев Л. А. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 45.

рора Святейшего Синода за графом А. И. Мусиным-Пушкиным утвердилась репутация человека, который воспользовался своим служебным положением в целях приумножения собственных книжных и рукописных богатств.²³ В какой мере, однако, последнее представление об А. И. Мусине-Пушкине подтверждается фактами, в частности данными архивных фондов Святейшего Синода?²⁴

В конце 1797 г. новый обер-прокурор Синода кн. В. А. Хованский выдвинул против Мусина-Пушкина обвинение в присвоении им рукописей, находившихся во временном пользовании Синода. Заметим, кстати, что в числе 14 рукописей, которые взыскивались кн. Хованским с Мусина-Пушкина, значился и «Летописец российский преподобного Нестора», поступивший в Синод из новгородского Софийского собора. У нас нет никаких сомнений в том, что под таким наименованием в канцелярии Синода значилась знаменитая Лаврентьевская летопись. Взыскиваемые с бывшего обер-прокурора Синода рукописи не были им возвращены обратно.²⁵ В 1804 г. «дело» о взыскании рукописей с Мусина-Пушкина было прекращено, но оно успело получить довольно широкую огласку, и в силу этого на склоне лет своих даже среди близких знакомых граф не любил особенно распространяться насчет того, когда и где были приобретены им те или иные рукописные сокровища. Что же касается Лаврентьевской летописи, то для отвода от себя лишних подозрений Мусин-Пушкин сам распространил слух, будто он купил ее в 1791 г. в книжной лавке в числе старинных книг и бумаг, принадлежавших комиссару Крекшину.

Объективности ради нужно сказать и о том, что никаких материальных выгод из собранных им рукописных коллекций Мусин-Пушкин не извлекал. Он охотно снабжал хранившимися у него редкостными изданиями и рукописями И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина, А. Н. Оленина и многих других знатоков и любителей русской истории. Положительно характеризует Мусина-Пушкина тот факт, что еще в 1804 г. он передал рукопись Лаврентьевской летописи для издания в Общество истории и древностей российских. Позднее, в 1811 г., названная рукопись была передана им в Публичную библиотеку.²⁶

²³ См.: Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, с. 61—62.

²⁴ Первая попытка охарактеризовать коллекционерскую деятельность А. И. Мусина-Пушкина на основании материалов, хранящихся в архивных фондах Синода, была сделана нами в 1963 г. в специальном докладе на Секторе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (см.: Русская литература, 1963, № 3, с. 231—232).

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 1, д. 1522, л. 14. Ср.: Куприянов И. Обзорные пергаменные рукописи Новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1857, с. IX.

²⁶ См. собственноручную помету А. Н. Оленина на экземпляре оригинала Лаврентьевской летописи: «В сей книге, подаренной графом Алексеем

Высокой оценки заслуживает издательская деятельность Мусина-Пушкина. Он не растерялся среди огромного количества в то время сплошь не изданных древних рукописей. Опубликованные им произведения — «Русская Правда» (1792), «Поучение Владимира Мономаха» (1793) и «Слово о полку Игореве» (1800) — это жемчужины древнерусской литературы и письменности, сыгравшие колоссальную роль в развитии русской культуры и национального самосознания.

Следует сказать, что слухи об «ограблении монастырских библиотек» Мусиным-Пушкиным были сильно преувеличены. Коллекционерская деятельность владельца рукописи древней Игоревой песни началась задолго до назначения его обер-прокурором Синода. Ознакомление с названным выше «делом» о невозвращении Мусиным-Пушкиным полученных им из синодальных фондов рукописей, равно как и с многими другими материалами, убеждает нас в том, что рукописные сокровища последнего создавались прежде всего путем обычных приобретений, а не хищений. Заметим также, что многие современники снисходительно смотрели на приобретательские замашки Мусина-Пушкина, поскольку в конце XVIII—начале XIX в. практика хищения монастырских книг в среде ученых-археографов была весьма распространенной; оно становилось порою едва ли не единственным средством вовлечения редкостных рукописей в научный обиход. Показателен в этом отношении имевший место в 1809 г. факт похищения А. И. Ермолаевым из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря рукописи «Хождение игумена Даниила». Ермолаев сразу же сообщил об этом поступке своему коллеге по научным занятиям митрополиту Евгению Болховитинову и получил от последнего своеобразное «благословение»: просвещенный митрополит искренне радовался тому, что драгоценная рукопись из монастырской библиотеки попала наконец в руки ученого — знатока «российских древностей».²⁷

Как бы то ни было, хищение монастырских (синодальных) рукописей, к которому был, безусловно, причастен Мусин-Пушкин, еще не дает оснований для того, чтобы инкриминировать ему фальсификацию памятников древнерусской письменности. По-разному отзывались о Мусине-Пушкине современники, близко его знавшие, и восхитенные отзывы о нем, скажем, Я. И. Булгакова можно прокорректировать недоверчиво-сдержанными, а порой и неприязненными высказываниями о нем Евг. Болховитинова; но в названных источниках мемуарного характера реши-

Ивановичем Мусиным-Пушкиным императорской Публичной библиотеке, имеется сто семьдесят три перемеченных листов» (ГПБ, Ф. IV. 2, л. 173). Время передачи рукописи в библиотеку определяется по копии письма А. И. Мусина-Пушкина к А. Н. Оленину 1811 г. (без точной даты), см.: ГПБ, ф. 524, № 514.

²⁷ См. письмо митрополита Евгения к К. Ф. Калайдовичу от 15 марта 1814 г.: ГПБ, ф. 328 (фонд К. Ф. Калайдовича), ед. хр. 366.

тельно отсутствуют такие, которые бы обвиняли бывшего владельца и издателя «Слова о полку Игореве» в престижизитаторстве.

В первое десятилетие XIX в. достигла своей кульминации деятельность известного собирателя древнерусских рукописей и их фальсификатора А. И. Сулакадзева. Жертвами его мистификаций стали Г. Р. Державин, Евг. Болховитинов и довольно большой круг русских читателей. Фальсификации Сулакадзева на протяжении ряда лет (1807—1811) настойчиво разоблачал А. Н. Оленин.²⁸ Но тот же Оленин, находясь в близких отношениях с А. И. Мусиным-Пушкиным, оказывал ему моральную поддержку и практическую помощь почти во всех его издательских и научных начинаниях. И. И. Лепехин, Н. М. Карамзин, А. И. Ермолаев, А. Х. Востоков, Н. П. Румянцев, В. Г. Анастасевич и многие другие лица, стоявшие у колыбели русской археографии и палеографии, также с уважением относились к деятельности Мусина-Пушкина, направленной на издание памятников древнерусской литературы, хотя дилетантизм графа и преувеличение им своей роли как ученого многим из этих лиц были хорошо известны.

Таким образом, взгляд А. А. Зимина на Мусина-Пушкина как на темную личность, способную на любое преступление, плохо согласуется с мнениями авторитетных современников, близко его знавших. И чтобы опровергнуть эти мнения и обосновать собственную концепцию, А. А. Зимину нужно было вооружиться солидными аргументами. В какой же мере исследователь справился с этой задачей?

От А. А. Зимина мы узнаем, что начиная с 1754 г. из Новгородской летописи, хранящейся в Библиотеке Академии наук, кто-то стал похищать отдельные листы. С течением времени количество похищенных листов достигло полусотни. Исследователь стремится изо всех сил убедить читателя в том, что к названным хищениям имел самое близкое отношение Мусин-Пушкин. Но почему именно он, а не кто-либо другой? Да потому, видите ли, что у Мусина-Пушкина тоже была привычка вырывать из рукописей отдельные листы. По словам В. С. Сопикова, Мусин-Пушкин купил у него черновой «журнал о делах Петра Великого» в исправном виде, а через несколько лет продал эту рукопись Сопикову же с вырванными «нужными и важными заметками».²⁹ Если даже полностью поверить Сопикову, то в защиту Мусина-Пушкина можно сказать, что, во-первых, им были вы-

²⁸ См.: Жихарев С. П. Записки современника. Редакция, статьи и комментарии Б. М. Эйхенбаума. М.—Л., 1955, с. 436—437. См. также письмо А. Н. Оленина к А. И. Ермолаеву и К. М. Бороздину от 24 марта 1811 г. (ГБЛ, архив А. Н. Оленина, № 3623-3).

²⁹ См.: Дмитриев Л. А. История открытия рукописи «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. М.—Л., 1962, с. 416.

рваны «важные заметки» не из чужой, а из собственной рукописи и что, во-вторых, рукопись эта не имела никакого отношения к Новгородской летописи. Но главная неувязка в рассуждениях А. А. Зимина состоит в том, что хищение листов из Новгородской первой летописи началось в 1754 г., т. е. в то время, когда Мусину-Пушкину было всего 10 лет. Совершенно непонятно поэтому, почему виновником этих хищений избран Мусин-Пушкин? Похищенные в разное время листы академического списка Новгородской первой летописи Мусин-Пушкин, по словам исследователя, мог приобрести «незаконным путем» (с. 68). Эту фантастическую «догадку» А. А. Зимин сопровождает второй, не менее фантастической: «Можно предполагать, что именно 50 похищенных листов академического списка и находились позднее в сборнике, содержавшем „Слово о полку Игореве“» (с. 68).

Но какое же значение имели эти таинственным образом оказавшиеся в руках Мусина-Пушкина листы? Дело в том, что на одном из похищенных листов под годом 1240 находилось упоминание о некоем Гориславиче (с. 67). Ранее вставленная в рукопись «Слова» фраза об Олеге Гориславиче, как полагает исследователь, смущала Мусина-Пушкина, поскольку имя Горислав не южнорусского происхождения. Казалось бы, что из такого положения ловкий фальсификатор нашел бы сразу выход, исправив в рукописи одно только слово, переделав Олега Гориславича в Олега Святославича. А вот Мусин-Пушкин, по Зимину, предпринял такую сложную затею: «незаконным образом» приобрел упомянутые 50 листов, соорудил из них явно дефектную летопись и вставил ее в конволют где-то рядом с рукописью «Слова». Без этой вставки скептики могли уличить издателя: почему-де Олег именуется на севернорусский манер? Теперь же, по Зимину, у Мусина-Пушкина было оправдание, он мог показать сомневающимся соседствующую со «Словом» Новгородскую летопись, на одном из листов которой было слово «Гориславлич». В этом рассуждении нет логики, поскольку подтвердить южнорусское происхождение имени Олега Гориславича Новгородской летописью, придерживаясь взглядов Зимина, было невозможно. Но был ли вообще смысл в построении этой хитроумной гипотезы? Ведь ни у кого из исследователей как прежнего, так и нынешнего времени, если не считать А. А. Зимина, правомерность данного Олегу Святославичу прозвища («Гориславлич») сомнений не вызвала. Одним словом, гипотеза эта фантастична от начала до конца. К тому же названная Новгородская летопись была написана на бумаге в четвертку, тогда как сборник со «Словом» — на бумаге размером в лист.

Значительное место в статье А. А. Зимина уделено Тмутараканскому камню, найденному летом 1793 г. на Таманском полуострове бригадиром П. В. Пустошкиным во время строительных работ, производившихся 1-м батальоном Таврического егерского

корпуса. О выбитой на камне церковнославянскими буквами надписи («В лето 6576 индикта 6 Глѣбъ князь мериль море по леду от Тмутаракана до Кърчева 10 000 и 4000 сажень») бригадир Пустошкин известил начальство, а в конце июня 1793 г. находившийся в это время в Петербурге таврический губернатор С. С. Жегулин сообщил о найденном камне царскому двору. Вследствие того что Екатериной II было тогда же отдано распоряжение о том, чтобы камень был сохранен и «чтобы снята была его мера, а более всего слова на нем находящиеся в точной их величине и почерке», между канцелярией таврического губернатора и канцелярией Черноморского казачьего войска возникла довольно интенсивная переписка, которая, к сожалению, до сих пор полностью не опубликована и не изучена.³⁰

А. А. Зимин как будто отдает себе отчет в том, что вопрос о Тмутараканском камне «должен явиться предметом специального исследования» (с. 70) и что он прямого отношения к поэме об Игоре в походе не имеет. Но исследователь не может удержаться от соблазна затронуть его мимоходом, высказать несколько довольно сумбурных соображений и легковесных аргументов в пользу подложности камня.

В самом деле, разве не легкомысленным следует назвать цитирование полного текста (30 строк) басни И. И. Хемницера «Буквы» с целью показать, что «в конце XVIII века русские современники хорошо знали подделку древних надписей на камне» (с. 72)? Не будем говорить уже о том, что текст Хемницера вовсе не подтверждает мысли, провозглашенной А. А. Зиминим. Мы глубоко убеждены в том, что приведение таких аргументов, как басня Хемницера, преследует единственную цель: создать ту психологическую атмосферу, в которой аудитория будет доверчиво воспринимать любые домыслы и гипотезы. Читатели ждут от Зимина стройной системы возражений и выверенных доказательств, а он кормит их баснями.

А. А. Зимин находит странным, что уже в 1792 г. «мысль о Тмутаракани волновала графа» (с. 73), в то время как эту мысль для Мусина-Пушкина следует признать вполне естественной: приступив к изданию «Книги Большому Чертежу» (1792), он не мог, разумеется, не размышлять над тем, где же должна быть размещена на карте древняя Тмутаракань. По этому вопросу существовало несколько точек зрения. Так, например, В. Н. Татищев полагал, что Тмутаракань находилась в Старой Рязани. Согласно мнению Г.-З. Байера (1694—1738), высказанному

³⁰ Часть этой переписки, отложившаяся в Ставропольском губернском архиве, была опубликована в свое время Г. Прозрителевым в его брошюре «К истории Тмутараканского камня» (Ставрополь, 1913), другая часть хранится ныне в Краснодарском краевом архиве (ф. 249 (канцелярия войсковых атаманов Черноморского войска), оп. 1, д. 251 («О постройке ограды вокруг мраморного камня с надписью князя Глеба»)).

в 30-х годах XVIII в., Тмутаракань находилась на Таманском полуострове, на месте, где впоследствии возник город Темрюк.³¹ Точку зрения Байера разделял в общем и А. И. Мусин-Пушкин, который мог познакомиться с нею задолго до 1792 г. Обнаружение в 1793 г. на окраине города Тамани названного выше камня подтвердило правильность той точки зрения, которую разделял Мусин-Пушкин. И вполне понятно, что открытие камня с русскою надписью 1068 г. вдохновило Мусина-Пушкина на написание «Исторического исследования о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения» (СПб., 1794).

В отличие от А. А. Зимина мы не видим ничего странного в том, что в своем исследовании о местоположении древней Тмутаракани Мусин-Пушкин не сделал никаких ссылок на «Слово о полку Игореве». Дело в том, что к моменту издания его исследования о Тмутараканском княжении, т. е. к 1794 г., рукопись Игоревой песни еще не была им по-настоящему прочитана. К тому же прямого указания, что Тмутаракань находилась у моря, как утверждал А. А. Зимин, в «Слове» нет. Не случайно поэтому такой защитник и поклонник древней поэмы, как К. Ф. Калайдович, не был уверен в том, что Тмутаракань находилась на Таманском полуострове.

В своей статье А. А. Зимин цитирует письмо Мусина-Пушкина к К. Ф. Калайдовичу от 8 ноября 1813 г. («мудрую Екатерину осмелились уверять, что я ее обманываю, что найденный Тмутараканский камень мною выдуман» и т. д.), ошибочно полагая, что письмо это не было известно специалистам. Между тем оно было впервые опубликовано почти полтора десятилетия тому назад³² и впоследствии неоднократно перепечатывалось — Г. Спасским, А. Спицыным и др. О каких же слухах по поводу Тмутараканского камня говорит в своем письме Мусин-Пушкин? Враждебно настроенные к Мусину-Пушкину сановники отрицали достоверность надписи на камне, не видя и не желая видеть самого камня, а отчасти даже не веря в его существование, и поэтому совершенно напрасно А. А. Зимин хотел бы видеть в этих толках и сомнениях отражение каких-то научных мнений. Распространению подобного рода сомнений и толков много способствовала общая атмосфера недоверчиво-пренебрежительного отношения к истории русского народа в придворно-аристократических кругах. С разрастающимся воздействием этой атмосферы, как известно, вел неутомимую борьбу М. В. Ломоносов, провозглашавший: «Немало имеем свидетельств, что в России толь вели-

³¹ [Байер Г.-З.]. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. Переведено с немецкого языка чрез И. К. Тауберта. СПб., 1738, с. 57; изд. 2-е. СПб., 1768, с. 57—58.

³² См.: Записки и труды Общества истории и древностей российских, ч. II. М., 1824, с. 31.

кой рѣмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели».³³

Примечательно, что первоначальное отрицательное отношение не только к Тмутараканскому камню, но и к «Слову о полку Игореве» возникло не в результате непосредственного ознакомления с памятниками, а, так сказать, заочно, на основе априорных суждений, точнее, преубеждений, согласно которым русская культура будто бы не могла (в отличие от культур западно-европейских) иметь памятники письменности, восходящие к XII и даже XI в. О скептицизме подобного рода дает представление посвященная Игоревой песни и произнесенная 4 мая 1812 г., т. е. еще до того, как рукопись поэмы сгорела в московском пожаре, речь П. Ф. Калайдовича, в которой он заявлял: «... сия песнь <...> произвела сомнение в ученых людях: они не могли уверить себя, что поэма сия принадлежит XII веку, когда сравнивали тогдашнее варварство и невежество с теми высокими мыслями, с теми возвышенными чувствами <...> которые отличают ее от русских летописей, простых и неукрашенных».³⁴

Многочисленные факты убеждают нас в том, что и в конце XVIII, и в начале XIX в. скептическое отношение к Тмутараканскому камню и «Слову о полку Игореве» носило отчасти абстрактно-априорный, а отчасти обывательский характер. На протяжении примерно трех десятилетий ни одной попытки выдвинуть какие-либо конкретные аргументы и подвергнуть названные памятники палеографической критике в лагере скептиков мы не видим. Доводы скептиков по отношению к «Слову» впервые были сформулированы лишь в 1834 г., в статье И. Беликова «Некоторые исследования „Слова о полку Игореве“»,³⁵ а по отношению к Тмутараканскому камню — только в 1840-е годы, в статье Г. Спасского «Исследование Тмутороканского камня с русской надписью».³⁶ Трудно поэтому понять, почему лишенные малейших проблесков научной мысли скептические толки вокруг Тмутараканского камня, возникшие в середине 90-х годов XVIII в., вызывают сочувственное отношение А. А. Зимина.

Сомнения А. А. Зимина в подлинности надписи на Тмутараканском камне нельзя назвать объективными, так как исследователь умалчивает о всех фактах, не согласующихся с его концепцией. Так, например, он совершенно не упоминает о том, что когда Г. Спасский напечатал упомянутую выше статью, отрицав-

³³ Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российской народа до кончины вел. кн. Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766, с. 2.

³⁴ Труды Об-ва любителей российской словесности при Моск. ун-те, 1812, ч. IV, с. 159, 177.

³⁵ Учен. зап. Моск. ун-та, 1834, ч. V, с. 295—308, 449—460.

³⁶ Отечественные записки, 1844, т. XXXVI, № 10, отд. II, с. 63—75. Сомнения в подлинности Тмутараканского камня высказывал в 1826 г. П. П. Свиньин, однако они были лишены развернутой научной аргументации (см.: Отечественные записки, 1826, ч. 25, № 71, март, с. 447—450).

шую подлинность камня, в защиту последнего выступил А. Х. Востоков,³⁷ авторитет которого в древнерусской палеографии и археографии получил уже в то время международное признание. Ни единым словом не упомянул А. А. Зимин и об археологе А. Спицыне, научная деятельность которого относится к началу XX в. На протяжении многих лет Спицын выступал воинствующим противником подлинности Тмутараканского камня. Однако уже первое его выступление в этом роде на заседании Русского археологического общества в 1901 г. встретило резкий отпор со стороны ряда видных ученых, в том числе и А. И. Соболевского.³⁸

Ничего не сказал А. А. Зимин и о В. В. Латышеве, выдающемся знатоке надписей северного Причерноморья, чьи наблюдения и выводы заставили многих ученых взглянуть на Тмутараканский камень по-новому, как на русскую эллинизированную надпись. Под воздействием В. В. Латышева резко изменилась и научная позиция А. Спицына. «Но что особенно поразительно, — писал этот ученый о Тмутараканском камне в 1915 г., — так это обозначение индикта. За сокращением $\overset{д}{\text{IN}}$ на нашем камне идет черта, но не ровная, не |, за которую ее легко принять, а изогнутая: это, по объяснению В. В. Латышева, *знак сокращения* в слове *судиктѣвоу*! Знак этот в более отчетливой форме имеется в Херсонесской надписи № 8, относящейся к 1059 г. Немыслимо допустить, чтобы петербургский фальсификатор конца XVIII в. нашел этот знак в каких-либо рукописях и чтобы, найдя, счел необходимым его удержать. По решительному отзыву В. В. Латышева, те части Тмутараканской надписи, где нет русских букв, могут быть признаны по начертаниям прямо греческими». И подводя итог своим долголетним исследованиям Тмутараканского камня, А. Спицын писал: «Вот момент, когда руки оппозиции опускаются!».³⁹

Вопрос о Тмутараканском камне интересует А. А. Зимина не сам по себе, а в связи с поэмой об Игоре в походе. В тексте ее: «... дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влзѣѣ, и Поморию, и Посулюю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутараканьскый блъванъ» (*Слово*, с. 9) — последние четыре слова исследователь считает вставкой Мусина-Пушкина, который под Тмутараканским болваном подразумевал Тмутараканский камень.

Но автор «Слова о полку Игоре в походе» кроме Тмутараканского болвана трижды упоминает Тмутаракань. Там ступает в злат стремень Олег Святославич; до Тмутаракани из Киева дорыски-

³⁷ См.: Отечественные записки, 1847, т. LIV, № 10, отд. VIII, с. 134—144.

³⁸ Спицын А. Тмутараканский камень. — Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества, 1915, т. XI, с. 114.

³⁹ Там же, с. 130.

вал за ночь князь Всеслав. Да и самый поход Игоря был предпринят с целью «поискати града Тьмутараканя». Правда, последнее было для князя недостижимой целью, и только в мечтах своих он мог посылать угрозы далекому Тьмутараканскому болвану. Другими словами, обращение к болвану — не чужеродный для поэмы элемент, а ее неотъемлемая часть. Чем же пытается объяснить А. А. Зимин вставочный характер этого обращения? Прежде всего тем, что слова «и тебѣ, Тьмутараканьскый блъванъ» якобы не соответствуют ритмическому строю всей фразы. В последней, на наш взгляд, есть то, что И. П. Еремин, характеризуя ритмику «Слова» в целом, называл «временной инерцией ритма». ⁴⁰ Временная инерция ритма захватывает только середину цитированной выше фразы, а именно слова «и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню»; далее же ритм действительно прерывается, что и пытается использовать в своих целях А. А. Зимин, но, увы, безуспешно, так как ритм отсутствует и в начале фразы, о чем автор статьи умалчивает.

В обращении «и тебѣ, Тьмутараканьскый блъванъ» неверно употребляется звательный падеж («блъванъ» вместо «блъване»), и А. А. Зимин склонен видеть в этом промах фальсификатора. Однако употребление именительного падежа вместо звательного — явление довольно распространенное в памятниках древнерусской письменности (см., например, «Поучение Владимира Мономаха»), где «братъ» неоднократно употребляется вместо «брате»).

Совершенно беспочвенной, а поэтому и не заслуживающей, по нашему мнению, пространных возражений считаем мы попытку А. А. Зимина доказать, что слово «блъванъ» идентично слову «камень». Обращение с угрозой к каменной плите, содержащей русскую надпись, в устах автора древней поэмы было бы лишено всякого смысла. И потом, если бы Мусин-Пушкин действительно подходил к поэме об Игоровом походе с фальсификаторскими намерениями и был заинтересован в том, чтобы она вызвала в сознании читателей представление о Тьмутараканском камне, то он, надо думать, устранив «блъвана» как слово, заключающее в себе оттенок отрицательного смысла, поставил бы на его место «камень» или какое-либо другое нейтральное слово. Эту непоследовательность в поведении синодального обер-прокурора А. А. Зимин пытается объяснить психологически: Мусин-Пушкин опасался, как бы чего не вышло, он боялся быть пойманным на месте преступления и поэтому бросался из стороны в сторону. Вставив (если только верить А. А. Зимину) в рукопись слово «блъванъ» (в котором, по нашему твердому убеждению, никакого намека на Тьмутараканский камень и не содержится), Мусин-Пушкин вдруг заколебался и

⁴⁰ Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 122.

«решил разорвать ниточку, связывающую вставку в „Слове“ с находкой на Таманском полуострове» (с. 73). И, оказывается, как пронизательно он это сделал! Накануне издания рукописи подправлять ее текст он уже не решился, но зато произвел своеобразную диверсию в напечатанном en regard переводе. Слово «блѣвань» было переведено вначале словом «болван», т. е. оставлено по сути без перевода, в чем убеждает нас екатерининская копия древней поэмы. А в издании 1800 г. слово «блѣвань» переведено словом «истукан», а уж «истукана» никто не смог бы отождествить с Тмутараканским камнем! Выдвигая эту догадку, А. А. Зимин забывает об одном: эти хитроумные попытки Мусина-Пушкина не имели ни малейшего смысла. Ведь читатель чаще всего обращался не к переводу, а к оригинальному тексту поэмы, где продолжал оставаться все тот же «блѣвань», изобличающий, как полагает А. А. Зимин, фальсификаторские проделки графа.

В действительности же ни непоследовательности в поведении, ни психологических конфликтов, ни метаний из стороны в сторону в связи с открытием Тмутараканского камня у Мусина-Пушкина, разумеется, не было. Скорее можно говорить о непоследовательности самого А. А. Зимина. С одной стороны, он предпринимает колоссальные усилия для того, чтобы точно определить, какие слова и фразы вставлены в основной текст древней поэмы Мусиным-Пушкиным; с другой — приходит к выводу, что и основной текст поэмы — тоже фальсификация. В своей книге о Тмутараканском княжении синодальный обер-прокурор должен был сослаться на основной текст поэмы и затем отказался от этого только потому, что «не очень-то еще верил в убедительную силу этого доказательства» (с. 73); другими словами, он не верил в древность поэмы об Игореvem походе. В дальнейшем ходе своих рассуждений А. А. Зимин, как показано выше, метнулся в другую сторону: не «Слово» должно было подтвердить подлинность Тмутараканского камня, а, наоборот, камень должен был засвидетельствовать достоверность «Слова». В изображении А. А. Зимина Мусин-Пушкин в одно и то же время то прозорливый и эрудированный ученый, то невежественный и ограниченный комментатор; то изворотливый и смелый авантюрист-фальсификатор, то медлительный и робкий меценат, в течение многих лет не произнесши ни слова в защиту открытых им памятников.

В действительности же вопреки мнению А. А. Зимина находку на Таманском полуострове Мусин-Пушкин широко популяризировал, и не только в своем сочинении, посвященном Тмутараканскому княжению. В начале 1794 г. он обратился к И. И. Лепехину с письмом и в нем поделился мыслями об одной своей лингвистической догадке, на которую натолкнула его надпись на найденном камне. «Вместо *сажень* древле писали *сажень* и — по моему мнению, — сообщал Мусин-Пушкин, — сие есть правильное наименование, яко взятое из существа самой вещи,

означая *сложением* рук объемлемое пространство, от глагола *сязать* или *досязать*».⁴¹

Как видно из цитируемого письма, Мусин-Пушкин первый обратил внимание на этимологическое значение слова «сажень» и правильно объяснил это слово. В летописях Ипатьевской, Лаврентьевской, Новгородской первой и в подавляющем большинстве других памятников древнерусской письменности слово «сажень» писалось через «а». В «Словаре Академии Российской» (ч. V. СПб., 1794), составленном по гнездовому способу, слово «сажень» не было объединено с глаголом «сязать». Есть веские основания утверждать, что для людей XVIII в. надпись на Тмутараканском камне была единственным памятником, где слово «сажень» было написано через «я», т. е. не так, «как следовало бы». Такое написание было, разумеется, на руку скептикам, но примечательно, что это не смущало Мусина-Пушкина. В письме к И. И. Лепехину он предлагал обсудить вопрос об этимологии слова «сажень» на специальном заседании Российской Академии.

В свете приведенных нами материалов неубедительно звучит замечание А. А. Зимина о том, будто Мусин-Пушкин жаловался Калайдовичу на гибель своей переписки по поводу Тмутараканского камня «с лицемерным прискорбием» (с. 72). Гибель московской (на Разгуляе) библиотеки А. И. Мусина-Пушкина в пожаре 1812 г. безусловно не могла радовать ее владельца. Если погибла, однако, относящаяся к камню частная переписка Мусина-Пушкина, то, как отмечалось выше, сохранилась разнообразная переписка по этому вопросу в наших государственных архивах. Сохранился, наконец, открытый для всеобщего обозрения и изучения сам Тмутараканский камень, с 1851 г. хранящийся в Государственном Эрмитаже.

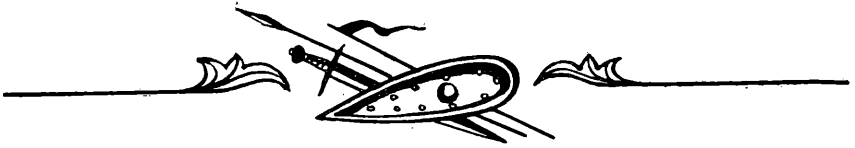
Ни одно из подозрений А. А. Зимина, относящихся как к «Слову», так и к Тмутараканскому камню, не подкреплено достоверными фактами. Не обоснованные каждое в отдельности, подозрения эти не могут, разумеется, составить бесспорное доказательство и в своей сумме. Недостигнутой осталась и основная цель автора — доказать, что А. И. Мусин-Пушкин производил вставки в текст древней поэмы и что эти мнимые вставки были своеобразными «ловушками», специально приготовленными для скептиков. Однако после издания «Слова» Мусин-Пушкин прожил 17 лет, и за это время он не использовал против скептиков ни одной из названных «ловушек». Более того, когда одна из этих «ловушек», приписка к Апостолу 1307 г., была открыта, наконец, К. Ф. Калайдовичем, Мусин-Пушкин отнесся к находке довольно равнодушно. Это еще раз подтверждает несостоятельность концепции А. А. Зимина.

⁴¹ Сухомлинов М. И. История Российской академии, вып. VII. СПб., 1885, с. 162 (письмо от 11 февраля 1794 г.).

Рукопись «Слова», находившаяся в руках первых его издатель, была изготовлена примерно через 300 лет после возникновения самого памятника. Следовательно, она могла вмещать в себе немало позднейших наслоений. Но наблюдения А. А. Зимина никаких позднейших наслоений в «Слове» не обнаружили, хотя по сравнению со своими предшественниками он значительно расширил количество подвергаемых критике мест. И этот плачевный для исследователя результат в какой-то мере свидетельствует о том, что позднейших наслоений в «Слове», по-видимому, не так уж много.

«Слово о полку Игореве» — памятник с утраченным (в грозном 1812 году) паспортом, и сознавать это нам горько. Но к нашей общей радости «Слово», несмотря на свой небольшой объем, — произведение колоссальной вместимости: исключительно широки рамки представленных в нем явлений и событий древнерусской жизни — социальной, политической, общекультурной; неиссякаем потенциал его нравственно-эстетического воздействия на русскую художественную культуру нового времени.

Доказательства подлинности «Слова» — в нем самом: в немеркнущей красоте его образов, дышащих непосредственностью, наивностью и первичностью; в поразительной точности схваченных им примет эпохи; в дпящемся почти два века его эпически спокойном противостоянии всяческим нападкам скептиков.

Глава третья

**А. И. ЕРМОЛАЕВ — САМОВИДЕЦ
И КОММЕНТАТОР
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»**

Александр Иванович Ермолаев родился 22 июня 1779 г. в Астрахани, где отец его, выходец из «обер-офицерских детей», служил землемером. Хорошо принимаемый в доме Бороздиных,¹ проживавших в Петербурге, отец Ермолаева при их поддержке отдает в 1785 г. своего шестилетнего сына для воспитания и обучения в Академию художеств. Увлечение художественной литературой и искусствами сближает там юного Ермолаева с его однокашником А. Х. Востоковым. В 1798 г. в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (ч. XX) Ермолаев публикует свое первое сочинение, своеобразное стихотворение в прозе — «Весеннее утро». По окончании обучения в Академии художеств, растянувшегося на целых 15 лет, Ермолаев был выпущен оттуда художником архитектуры 14-го класса и тогда же был «ангажирован к А. Н. Оленину», под началом которого в течение длительного времени занимался ведением канцелярских дел в Сенате, Государственном Совете, Академии художеств и

¹ Речь идет об отце и сыне — Матвее Корниловиче и Константине Матвеевиче Бороздиных. М. К. Бороздин (1753—1817) — тайный советник, с 1810 г. сенатор; в молодости служил в армии, участвовал в сражении при Кагуле. По выходе в 1777 г. в отставку, занимаясь самообразованием, составил обширную библиотеку. Сын его, К. М. Бороздин (1781—1848), получил превосходное домашнее образование. В 1809 г. в чине статского советника он участвовал в первой в России археографической экспедиции, собравшей немало ценнейших древнерусских рукописных памятников. В 1826 г. получил должность попечителя С.-Петербургского учебного округа; в 1833 г. ушел в отставку, вызванную назначением на пост министра народного просвещения С. С. Уварова. А. В. Никитенко в своих воспоминаниях («Моя повесть о самом себе») характеризует К. М. Бороздина как эрудированного историка и человека с «благородным сердцем».

других учреждений, находившихся в ведении его высокопоставленного патрона.

Широко пользуясь богатой библиотекой Бороздиных и постоянно общаясь с К. М. Бороздиным, незаурядным знатоком истории, Ермолаев в совершенстве овладевает латинским, французским и немецким языками, приобретает глубокие познания в историографии, нумизматике, геральдике и других смежных им дисциплинах. В 1802 г. он вступает в члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (1801—1825). Оленин, будучи сам причастен к «наукам и художествам», поощрял занятия ими и Ермолаева. Талантливый, трудолюбивый и скромный, Ермолаев был для Оленина во всех отношениях крайне необходимым помощником.

В 1806 г. Оленин издает свое широко известное «Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тьмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 году». Важностью поставленных вопросов и новизною их истолкования это небольшое сочинение приобрело широкий резонанс среди историков, археологов, филологов. В «Письме о камне» было неопровержимо аргументировано мнение, что местонахождением древней Тьмутаракани являлась нынешняя Тамань, а не Рязанское княжество и не Украина, как полагали многие. Блистательным прочтением древней надписи решался не только конкретный частный вопрос, но и закладывался прочный фундамент для развития русской палеографии.

В «Письме о камне» Оленин намекнул на то, что кое-какую помощь в прочтении надписи ему оказал и «проживающий» в его доме Ермолаев. Неопределенность этих слов заставляла читателей прибегать к догадкам. «Ермолаеву, — писал, например, С. К. Булич, — принадлежит ряд палеографических снимков и рисунков и замечание о том, что одна из букв надписи, принимавшаяся Палласом за *L*, на самом деле есть *i* десятиричное. Есть основания предполагать, что участие Ермолаева, отличного практического знатока русской и славянской палеографии, было более значительным, чем это видно из самой книги. Объяснение надписи и доказательство ее подлинности поставлены в „Письме“ Оленина на довольно широкую сравнительно-палеографическую и отчасти филологическую почву, причем автор приводит ряд снимков facsimile с разных древних надписей и рукописей для сравнения с исследуемой надписью».²

Ознакомление с научным наследием А. Н. Оленина и его перепиской не только подтверждает правомерность сомнений исследователя, но и утверждает нас в мысли, что в прочтении и истолковании надписи на камне основная роль принадлежала Ермолаеву. Заметим кстати, что нам не известно ни одного персо-

² Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, с. 711—712.

нального обращения к Оленину за разрешением какого-либо палеографического вопроса, в то время как к А. И. Ермолаеву с подобными просьбами обращались многие. Заслуги же самого Оленина в развитии изобразительных искусств, библиотечного дела, археографии и палеографии в России состояли главным образом в том, что он нередко использовал свое должностное положение и свои связи в правительственно-бюрократических верхах для осуществления действительно важных и неотложных научно-просветительских и художественно-культурных начинаний.

В 1809—1811 гг. при активном содействии Оленина К. М. Бороздиным и А. И. Ермолаевым была осуществлена первая в России археографическая экспедиция, проходившая по маршруту: Старая Ладога, Тихвин, Устюжна, Череповец, Белозерск, Вологда, Ярославль, Москва, Киев, Любеч, Нежин, Чернигов, Курск, Боровск, Медынь, Тула, Москва.

До нас дошло несколько писем Ермолаева к Оленину периода 1809—1811 гг., дающих довольно верное представление как об уровне русской палеографии того времени, так и о степени палеографических познаний самого Ермолаева. Вот, например, отрывок из его письма, отправленного из Вологды 19 августа 1809 г.: «Бывши в Кирилове, я достал для вашего превосходительства несколько рукописей, из коих две довольно любопытны. Первая есть не что иное, как *каноник*, писанный на пергамене в 14-м веке при великом князе Димитрии Ивановиче Донском; другая книга хотя и не может равняться с первою древностию писмен, но древностию сочинения; она писана на бумаге и содержит между прочим сказание Даниила игумена о пути из Цареграда в Ерусалим. Отрывок сего путешествия находится в конце Кенигсбергского списка; бывши в Петербурге, я начал было его списывать, но не совсем еще переписал. И тогда я еще догадывался, что это древнее сочинение и что писано во время Крестовых походов, о чем и вашему превосходительству имел честь докладывать; а теперь с достоверностию могу сказать, что это сочинение современно Несторовой летописи; путешествователь был русский и жил во времена великого князя Святополка Изяславича, княжившего между 1093 и 1114 годами. Пресвященный Евгений <Болховитинов> намерен ее напечатать и уже собрал около четырех списков сего сочинения».³

Любопытны также следующие строки из письма Ермолаева, отправленного из Ярославля 30 ноября 1809 г.: «После последнего моего к вашему превосходительству письма из Вологды я сделал следующие открытия. Первое: от вологодского преосвященного получил я верный рисунок так называемых *Корсунских ворот*. Второе: прорись с грамматы великого князя Мстислава Владимировича, писанной на пергамене около 1125 и 1137 годов.

³ ГБЛ, Музейное собр., архив А. Н. Оленина, № 3623-2.

Третье: прорись с грамматы новгородского архиепископа Ионы, писанной в 14-м веке. Четвертое: в Галиче достал я Летописец, заключающий происшествия города Галича, коих я ни в каком другом летописце не нашел. Пятое: в Ярославле списал я временник, писанный на бумаге в царствование царя Федора Ивановича; в нем также есть немало таких обстоятельств, коих в других летописцах нет, напр., что великий князь Ярослав Владимирович приказал собрать 300 человек детей и отдать для обучения грамоте. Жаль, что сей Летописец, собранный из разных летописей, не далее 1204 года продолжается». ⁴

Не менее интересно описание встречи Ермолаева и Бороздина с В. В. Капнистом в родовом имении писателя Обуховке, содержащееся в письме из Чернигова от 18 августа 1810 г.: «Беседы с Васильем Васильевичем так нас занимали, что мы пожили у него дней девять. Он занимается объяснением „Песни о походе Игоря на половцев“. Кенигсбергский печатный летописец, Татищева и Стриттерова истории да небольшой российский атлас — вот все его пособия. Удивительно, как с такими ничтожными средствами Василий Васильевич мог написать нечто хорошее». ⁵

В этом же письме несомненной научной ценностью обладает описание пребывания путешественников в Лубнах: «... мы с своей стороны сделали некоторое открытие, а именно в Лубенском Мгарском монастыре нашли мы летопись, писанную в лист на бумаге. Летосчисление от Рождества Христова, выставленное арабскими цифрами подле летосчисления от сотворения мира, и российский герб, вытисненный на переплете, с надписью: *Петр Алексеевич вся великия и Малыя России самодержец*, ясно показывают время, когда писана сия летопись. Наречие ее малороссийское, смешанное с древним; содержит она в себе деяния от начала России до 1597-го. Происшествия, до Киева и Волынии касающиеся, описаны в ней подробнее, нежели в других известных летописцах. Весьма многое внесено и из польских историков, как-то: из *Длугоша*, *Бельского*, *Кромера*, *Стрийковского* и *Гвагнина*; многое также почерпнуто и из Барониевой священной истории. Я думаю, что это есть тот самый список, который Карамзин называет Волынским. Эта любопытная летопись теперь у нас, и мы намерены в Киеве дать ее переписать». ⁶

В письме от 21 августа 1810 г. Ермолаев сообщал о своей неожиданной встрече в Чернигове с Н. И. Гнедичем, задержавшимся там по пути в Петербург. С Гнедичем участники экспедиции передали для Оленина редкостную книгу — второе издание (1653 г.) «Лексикона славеноросского» Памвы Берынды.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ср.: Бабкин Д. С. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста. — В кн.: Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 320—399.

⁶ ГВЛ, Музейное собр., архив А. Н. Оленина, № 3623-2.

Два письма, отправленные из Киева (от 27 сентября и от 4 ноября 1810 г.), были посвящены описанию археографических редкостей Киева. Для характеристики профессионализма Ермолева огромный интерес представляет второе письмо, в котором читаем: «Между тем, занимаясь несколько дней чтением грамот, принадлежащих здешним монастырям, я нашел в копиях три подложные грамоты; из них: I) данная будто бы великим князем Андреем Юрьевичем Боголюбским в 1159 году Печерскому монастырю на город Васильков и на независимость печерского архимандрита от митрополита киевского. Эта грамота внесена слово от слова в грамоту константинопольского патриарха Иеремии, писанную в 1591 году. Слог ее новый малороссийский, и сочинитель оной был сущий невежда в истории. Андрея Юрьевича, который был правнук великого князя Всеволода I, заставляет он называться правнуком великого князя Изяслава I и великим князем киевским, хотя он во всю жизнь свою не княжил в Киеве. Другой список той же самой грамоты нимало не сходен с этим. — II) данная будто бы Львом Даниловичем князем галицким галицкому же митрополиту Григорию в 1301 году марта 8-го в четверток в присутствии киевского митрополита Киприана; хотя эта грамота слово от слова внесена в привилегию, данную в 1592 году польским королем Сигизмундом III, и чрез то признана достоверною, однако же подлог ее открывается из того: 1) что в 1301 году по Пасхалии марта 8-е было в среду, а не в четверток; 2) что между киевскими митрополитами был только один Киприан, возведенный на митрополию в 1380 году; 3) в Галиче особой митрополии никогда не было, как то из летописей видно. — III) Содержащая привилегию князя Романа Галицкого на землю забудецкую; год на ней написан 1240-й; писана она будто бы в присутствии галицкого митрополита Галактиона и князя Федора Ростовского: но из князей галицких известны только два Романа — Роман Мстиславич, умерший гораздо прежде 1240-го, и Роман Данилович, внук его, который в 1240-м не был еще князем галицким. — Князь Федор Ростовский и митрополит Галактион тогда не существовали».⁷

Размеры настоящей статьи не позволяют нам подробно, по этапам, охарактеризовать научную деятельность А. И. Ермолева. Не будем останавливаться даже на таких его начинаниях, которые потребовали от него огромного и длительного напряжения сил, например на проведенной вместе с Олениным подготовительной работе по изданию русских летописей, — работе, не нашедшей своего выхода к читателю, но опыт которой был учтен и использован новым поколением русских ученых археографов и палеографов.⁸

⁷ Там же.

⁸ См.: Куник А. А. Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории. — Журнал Мин-ва народн. просвещения, 1850,

И если в виде исключения мы более или менее детально останавливаемся на характеристике археографической экспедиции 1809—1811 гг., то в этом есть особый умысел: показать, что уже в то время Ермолаев проявил себя как талантливый палеограф, хорошо умевший, кстати сказать, отличать подлинные документы от подложных.

У нас нет, к сожалению, вполне точных данных о том, при каких обстоятельствах и когда с Хронографом А. И. Мусина-Пушкина, содержащим текст Игоревой песни, познакомился А. И. Ермолаев; но что такое знакомство состоялось, в этом сомнений быть не может, поскольку о нем свидетельствует один из патриархов славяноведения, авторитетнейший знаток древнерусской письменности — А. Х. Востоков. Он письменно подтверждал, что почерк древней поэмы, «по свидетельству А. И. Ермолаева, видевшего рукопись до истребления ее в 1812 году, есть полуустав XV века».⁹

Насколько нам известно, до Отечественной войны 1812 г. А. И. Ермолаев только три раза бывал в Москве: 1) летом 1802 г. проездом из Петербурга в Рязанскую губернию (с А. Н. Олениным);¹⁰ 2) весной 1810 г. по пути из Ярославля на Украину (с Бороздиным; относительно этого пребывания мы располагаем весьма скудными сведениями);¹¹ 3) в первой половине 1811 г. (с Бороздиным), по возвращении из поездки на Украину. Третье пребывание нашло некоторое отражение в переписке Оленина с подотчетными ему археографами. Последние прибыли в Москву 14 января 1811 г., а отбыли в Петербург не ранее 18 мая этого года. В письме от 30 января Ермолаев писал Оленину: «Когда мы кончим дела наши, до путешествия нашего относящиеся, то я намерен опять заняться грамматами Московского архива и палеографиею».¹²

«Опять заняться грамматами Московского архива». Надо полагать, что начало этих занятий относится к весне 1810 г. «Московский архив» — это, конечно же, Архив коллегии иностранных дел, руководимый Н. Н. Бантышом-Каменским (1737—1814) и А. Ф. Малиновским (1762—1840), с которыми участников нашей экспедиции объединяла общность научных интересов.¹³ Нечего и

ч. 65, с. 25; Бычков А. Ф. Обзор хода издания летописей в России. — Там же, 1859, ч. 105, с. 16—17. Ср.: Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым, т. III, кн. 6. М., 1861 («Записки важные и мелочные К. Ф. Калайдовича»).

⁹ Глаголев А. Умозрительные и опытные основания словесности, ч. 4. СПб., 1834, с. 25. См. об этом также в настоящем издании, с. 102.

¹⁰ См.: Переписка А. Х. Востокова с объяснительными примечаниями И. Срезневского. СПб., 1879, с. III.

¹¹ Заметки А. Х. Востокова о его жизни. СПб., 1901, с. 32.

¹² ГБЛ, Музейное собр., архив А. Н. Оленина, № 3623-2.

¹³ В мае 1810 г. граф Н. П. Румянцев отправил на имя Н. Н. Бантыша-Каменского, управляющего Московским архивом коллегии иностранных дел, просьбу «о допущении гг. Бороздина и Ермолаева заимствоваться

говорить о том, что причастность как Бантыша-Каменского, так и Малиновского к первому изданию «Слова о полку Игореве» была также хорошо известна Ермолаеву. Интерес к этому памятнику неизбежно должен был привести его и в дом А. И. Мусина-Пушкина на Разгуляе. Ознакомление с московскими рукописными древностями входило в обязанности Ермолаева и Бороздина. Естественным было также желание Ермолаева рассказать Мусину-Пушкину о своих экспедиционных открытиях и находках, поделиться с ним впечатлениями о библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря и археографических раритетах Вологды и Ярославля и одновременно ознакомиться с богатейшей коллекцией рукописных книг бывшего обер-прокурора Святейшего Синода. К тому же из всех членов московского Общества истории и древностей российских Мусин-Пушкин был для Оленина самым близким человеком.

Из Ярославля в Москву Ермолаев и Бороздин прибыли приблизительно в конце февраля 1810 г. В марте Ермолаев примерно на три-четыре недели приезжал в Петербург. На Украину же экспедиция отправилась, по-видимому, в начале августа. Помешать встрече Ермолаева с Мусиным-Пушкиным в течение трехмесячного периода (апрель, май, июнь) могли только какие-либо непредвиденные обстоятельства, скажем, возможная болезнь Мусина-Пушкина, его отъезд на длительное время в родовое ярославское имение Иломну и т. п.

Если указанная встреча в силу тех или иных причин не могла состояться весной 1810 г., то четырехмесячное пребывание Ермолаева и Бороздина в Москве в 1811 г. создавало для этого полную возможность. Нет никаких сомнений в том, что ознакомление талантливого палеографа с рукописными сокровищами Мусина-Пушкина отличалось обстоятельностью и тщательностью и что Хронографу с текстом поэмы об Игоревом походе было уделено при этом наибольшее внимание. Это объясняется тем, что в начале прошлого века в сознании просвещенных русских людей «Слово о полку Игореве» и Тмутараканский камень ассоциировались друг с другом. Не случайно известный столичный журнал «Северный вестник», повторяя соображения Августа Людвига Шлецера, писал в ноябрьской книжке за 1805 г.: «Небесполезно бы было два наши памятника: *Камень Тмутараканский* 11-го века и *Песнь Игоря* 12-го, как первые по своей древности в России, исследовать лучше гг. антиквариям и удостовериться в их подлинности».¹⁴ Это пожелание было, разумеется, превосходно известно А. И. Ермолаеву. Не исключена возможность, что самый замысел «Письма о камне Тмутараканском»

из бумаг оного всеми сведениями, какие нужны будут по принятому ими на себя поручению». Об отправлении этой просьбы Румянцев тогда же уведомял письменно Оленина (см.: ГБЛ, Музейное собр., архив А. Н. Оленина, № 3623-7).

¹⁴ Северный вестник, 1805, ч. VIII, с. 125.

к гр. А. И. Мусину-Пушкину (1806), соавтором которого был Ермолаев, возник под воздействием приведенных выше слов из «Северного вестника», возник в качестве ответа на кривотолки вокруг этих двух памятников. «Письмо о камне» было адресовано Мусину-Пушкину отнюдь не по соображениям этикета, а по мотивам делового порядка — еще в 1794 г. Мусин-Пушкин выпустил в свет «Историческое исследование о местоположении древнего Тмутараканского княжества». Как в вопросе о местонахождении Тмутаракани, так и в вопросе о подлинности с палеографической точки зрения надписи на обнаруженном камне Оленин и Ермолаев были полными единомышленниками Мусина-Пушкина. Если героям древнерусской поэмы Игорю и Всеволоду (как рассуждали авторы «Письма о камне») для достижения Тмутаракани нужно было идти к Дону, то искомый город и княжество должны были находиться где-то на юге, у моря, что подтвердила также и находка на берегу Керченского пролива камня с надписью, в которой упоминается Тмутаракань, равно как и указание Константина Порфирородного о городе Таматархе, расположенном где-то при слиянии Черного и Азовского морей.

В «Письме о камне» предложено слитное написание слов «Поморие» и «Посулие» в том месте Игоревой песни, которое первые ее издатели воспроизвели следующим образом: «Дивъ <...> велит послушати земли незнаемъ, Вльзъ и по морию, и по Сулию, и Сурожу...». Предложенные ими поправки сразу же вошли в научный обиход и позднее никогда никаким сомнениям не подвергались.

Таким образом, наиболее вероятное время, когда с рукописью древней поэмы ознакомился Ермолаев, ограничено двумя крайними датами: вторая половина января — первая половина мая 1811 г. Если мы учтем, что к этому времени Ермолаев был уже вполне зрелым палеографом, обладавшим умением отличать древнерусские тексты от различного рода подлогов и подделок, то для нас станет ясно, что выводы его экспертизы («полуустав XV века») являются вполне надежной аттестацией подлинности принадлежавшего Мусину-Пушкину текста Игоревой песни.

По возвращении своем из археографического путешествия Ермолаев был определен помощником библиотекаря императорской Публичной библиотеки, незадолго перед этим учрежденной. Ее директором был назначен А. Н. Оленин. С 1812 г. и до конца своих дней, т. е. до 10 июля 1828 г., Ермолаев работал в библиотеке хранителем манускриптов. Со времени вступления на эту должность начинается известность его как ученого.

В начале 1810-х годов на службе в Публичной библиотеке находился целый ряд писателей и ученых (Крылов, Гнедич, Батюшков, Ермолаев, Востоков), которые сделали немало для возвышения престижа русской культуры и которые предъявляли к собственному творчеству и научной деятельности самые высокие требования. В октябре 1812 г. Батюшков, находившийся

в Нижнем Новгороде и добивавшийся зачисления в армию, писал Гнедичу, с чувством щемящей грусти вспоминая об этом дружестве: «Напомни обо мне Крылову и Ермолаеву. Что сделалось с Библиотекою? Ходишь ли ты в нее по-прежнему?». ¹⁵ Еще весной этого года Публичная библиотека готовилась к эвакуации в Петрозаводск, но к концу года после ряда поражений, нанесенных русскими французской армии, опасность, нависшая над главной столицей, миновала. Между тем в разрушенной и сожженной неприятелем Москве утрата многих культурных и художественных ценностей была особенно ощутимой. 17 февраля 1813 г. Карамзин писал А. Ф. Малиновскому: «Радуюсь, что Синодальная библиотека цела, и не перестаю тужить о Пушкинской. История наша лишилась сокровища. Мое душевное почтение Николаю Николаевичу Вантышу-Каменскому. Дай бог ему здоровья; благодарю его сына, Дмитрия Николаевича, за уведомление о спасенных рукописях». ¹⁶

Для характеристики разнообразной и многотрудной деятельности Ермолаева в последние 15 лет его жизни приведем несколько отрывков из эпистолярного наследия современников.

Из письма А. И. Ермолаева к П. К. Фролову от 12 июля 1815 г.: «По желанию Вашему, любезный Петр Козьмич, посылаю Вам при сем Олеария; также возвращаю и рукописное Ваше Евангелие с *бывшею* неизвестною подписью, а третьего дня вчеру мною разобранную. Здесь прилагаю и перевод ее». ¹⁷

Из письма Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу от 11 мая 1817 г.: «Граф Румянцев, между прочим, пишет ко мне: „у меня накопилось разных граммат довольное число, и Ермолаев обещал мне, по пересмотру их, быть оных издателем. Но трудно надеяться скорого их явления, потому что он по службе всегда многим трудом обременен“». ¹⁸

Из письма Евгения Болховитинова к А. И. Ермолаеву от 23 июня 1821 г.: «Теперь, кажется, совершенно уверился я в истине Вашего мнения о расчете гривен, кун и прочего» и чувствительно благодарю за вразумление меня о сей запутанной статье наших древностей. Вы еще в Вологде указали мне несообразность монетного расчета в „Русской Правде“ по изданию Болтинову, и я тогда же отметил сии места. Но не умел сам репитить. А Вашей проницательности обязан буду не только я, но все соотчичи, естли Вы поскорее обнарудете сие объяснение свое». ¹⁹

Из письма А. Х. Востокова к Евгению Болховитинову от 21 ноября 1821 г.: «Я знаю еще одного человека (кроме

¹⁵ Батюшков К. Н. Соч., т. III. СПб., 1886, с. 210.

¹⁶ Письма Н. М. Карамзина к А. Ф. Малиновскому и письма А. С. Грибоедова к С. Н. Бегичеву. М., 1860, с. 1.

¹⁷ ГПБ, ф. 1000, Собр. автографов, А. И. Ермолаев.

¹⁸ Древняя и новая Россия, 1880, т. 18, с. 633.

¹⁹ ГПБ, ф. 1000, Собр. автографов, Евгений Болховитинов.

П. И. Кеппена, — Ф. П.), который, может быть, всех способнее были бы издать Палеографию русскую, — это А. И. Ермолаев. Но обстоятельства службы, неприязненные для ученых занятий, давно уже отвлекают его от любимых сих трудов его, к величайшей потере для науки отечественных древностей».²⁰

Из письма А. Ф. Малиновского к А. И. Ермолаеву от 12 сентября 1822 г.: «По препоручению мне от государственного канцлера препровождаю к Вам письмо его и снимок с надписи на иконе Иерусалимской Богоматери, в Успенском соборе находящейся. Если объяснится смысл сих слов, то прошу меня уведомить. Также за особенное одолжение почту, если Вам угодно будет сообщить мне разобранную Вами надпись на Савинском колоколе».²¹

Из письма Ф. Н. Глинки к Н. И. Гнедичу от 22 ноября 1826 г. (из Петрозаводска): «Витая в сих странах древней Заонежской пятины, я нашел и приобрел уже несколько весьма любопытных книг старопечатных и письменных <...> Между тем пришлю что-нибудь и иероглифическое разобрать А. И. Ермолаеву как охотнику».²²

Из письма И. М. Снегирева к А. И. Ермолаеву от 17 апреля 1827 г.: «Зная по слуху, сколь охотно Вы сообщаете другим свои сведения, покорнейше прошу снабдить меня как сочлена своими советами насчет исследования о русских народных старинных праздниках, какие поручил мне делать для общества митрополит Евгений».²³

Особенно эффективной была помощь, которую оказывал Ермолаев Н. М. Карамзину. Знаменитый историограф называл Ермолаева «любителем и знатоком наших древностей» и неоднократно ссылался на него в примечаниях к «Истории государства Российского» (см. тома I, IX, X, XI и XII второго издания). Прочитав для примера примечание 644 в IX томе (1821): «Имя автора Тобольского летописца (Сибирской истории) Семена Ремезова, изображенное „числительными буквами“, изъяснил мне почтенный приятель мой А. И. Ермолаев» (с. 232). В IX томе Карамзин девять раз сослался на рукописи, доставленные ему Ермолаевым.

В 1857 г. И. И. Срезневский в статье, посвященной развитию русской палеографии, писал: «Школа практических палеографов, основанная Ермолаевым и господствующая до сих пор, при основании не могла быть богата учениками. Карамзин был в числе первых и очень немногих».²⁴

²⁰ Учен. зап. II отд-ния Академии наук, 1856, кн. II, с. 75.

²¹ Журнал редкостей, 1911, № 1, с. 13.

²² Отчет имп. Публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1898, Приложение, с. 36.

²³ ГПБ, ф. 1000, Собр. автографов, И. М. Снегирев.

²⁴ Срезневский И. И. Палеографическое исследование памятников русской древности. — Известия имп. Академии наук по Отд-нию русского языка и словесности, 1857, т. VI, с. 264.

По убеждению Срезневского, оспорить которое нелегко, палеографические познания и Карамзина, и Востокова, и Кеппена, и Строева в конечном счете восходят к палеографической культуре Ермолаева.

Познания Ермолаева не ограничивались, однако, областью палеографии. Во многих письмах своих первый русский палеограф обнаружил данные превосходного историка. Для примера можно было бы сослаться, скажем, на его письмо к графу Н. П. Румянцеву от 15 марта 1819 г., где отсутствует обычное для писем обращение к адресату и, наоборот, наличествует элемент, не принятый для писем, — название. Письмо это, объемом около авторского листа, называется «Об одрине суде».²⁵

Полемизируя с А. П. Куницыным о судеустройстве в древней Руси, автор письма-статьи демонстрировал превосходное знание республиканских законоположений древнего Новгорода, произвел блестящий филологический анализ выражений «тиуня одрина» и «дѣти свое даяхуть одѣренъ» («детей своих делают крепостными») и аргументированно отрицал типологическое сходство между древнерусским «одриным судом» и французским *lit de justice*.²⁶

До нас дошел целый ряд историографических писем Ермолаева, которые, как надо полагать, когда-нибудь будут опубликованы. Но многие из них, сыграв свою стимулирующую роль для прогресса научной мысли 1810—1820-х годов, по-видимому, навсегда канули в Лету. «Жалко, — писал 16 декабря 1830 г. И. М. Снегирев В. Г. Анастасевичу, — что труды Ермолаева сгубли и пропали с его кончиною. Дивлюсь политике гг. Малиновского и Оленина, которая под спудом таит свои светильники, какими могли бы они озарить мрак отечественной древности».²⁷

Не вдаваясь в размышления о том, в какой же мере восставимо научное наследие А. И. Ермолаева в целом, попытаемся выполнить частную задачу — определить по возможности то, что было сделано ученым в области изучения «Слова о полку Игореве».

В 1953 г. в библиотеке А. Ф. Бычкова (в то время, сохраняя свою целостность, она еще не успела раствориться в книжных фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) нам удалось обнаружить экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве» с карандашными пометами на полях, написанными рукою А. И. Ермолаева. Спустя год после смерти А. Н. Оленина (1843 г.) А. Ф. Бычков был назначен хранителем отдела рукописей Публичной библиотеки, и в его распоряжение могли перейти, разумеется, отдельные книги по-

²⁵ ГБЛ, Музейное собр., архив А. Н. Оленина, № 3623-6.

²⁶ Ложе правосудия (*франц.*). Имеется в виду заседание средневекового парижского парламента, происходившее в присутствии короля, требования которого на этих заседаниях получали силу закона.

²⁷ Древняя и новая Россия, 1880, т. 18, с. 566.

койного директора библиотеки. О приобретении некоторых рукописей Оленина на толкучем рынке писал сам Бычков.²⁸ Заметим кстати, что книги Ермолаева Бычков мог приобрести на аукционе. В январе 1843 г. в аукционную камеру «за неиспечением места» для хранения в Публичной библиотеке по распоряжению Оленина был передан принадлежавший Ермолаеву сундук, содержащий 685 книг на русском и иностранных языках.²⁹

Краткое сообщение об экземпляре «Слова» с пометами Ермолаева с нашего разрешения было опубликовано в 1955 г. А. В. Позднеевым.³⁰

17 маргиналий Ермолаева на экземпляре первого издания древнего памятника распространяются лишь на две трети его содержания, от начала поэмы и по 28-ю страницу.

К словам поэмы «Помняшеть бо речь първыхъ времянь усобицѣ» (*Слово*, с. 3) Ермолаев пишет на полях: «речь ср. польское слово: *то речь инаша*, то иное дело. *Усобица* срав. „усобицы князем на поганых погибе“, вероятно, тут не значит междуусобице».

Во фрагменте поэмы «Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи, искусити Дону великаго» (*Слово*, с. 6) Ермолаев подчеркивает последние три слова и делает на полях замечание: «Следственно, цель Игорева похода идти к Дону великому».

Выражение «Дон великий» отмечено и в пяти последующих случаях, а на с. 12 текста Ермолаев делает к нему следующее замечание: «Следственно, сражение должноствовало произойти и действительно произошло близ Дона великого, а не Донца». Слова поэмы «Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами» на той же 12-й странице поясняются пометой: «Кажется, из сего должно заключить, что битва была поблизости моря».

Слова текста «И рече ему Буй Турь Всеволодъ» (*Слово*, с. 7) подчеркиваются комментатором и сопровождаются следующим пояснением: «Что последующее есть речь Всеволода, то доказывается Голицынским списком, в котором именно сказано, что Всеволод пошел в соединение к Игорю особенным путем из Курска. Что ж касается до того, что здесь сказано выше: Игорь ждет Всеволода и что ему приличнее подождать последнего, нежели тому Игоря, ждущего его к себе, то можно предположить, что Игорь действительно ждал Всеволода к себе на совещание, но не с войсками: ибо из Курска незачем было вести войска в Путивль, когда целью был поход на Дон. Это значило бы удалиться сперва от цели, чтоб после опять к ней приблизиться».

²⁸ Бычков А. Ф. Обзор хода издания летописей в России, с. 32.

²⁹ ГПБ, 1841 г., № 6, Дело о назначении коллежского ассессора Ермолаева к исправлению должности помощника хранителя манускриптов, л. 35—39.

³⁰ ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, с. 370—371,

На замечание это проливает свет упомянутое выше письмо А. И. Ермолаева к А. Н. Оленину от 18 августа 1810 г., которое позволяет предполагать, что Игорева песнь была предметом оживленных бесед Ермолаева с В. В. Капнистом в родовом имении последнего Обуховке.

В своем обширном комментарии к «Слову» В. В. Капнист вкладывал знаменитую характеристику кметей-курян в уста Игоря. «Если меньший брат Всеволод, приглашающий Игоря, — заявлял писатель, — выхваляет в речи своей Курские свои войска, находящиеся уже наперед, то сие было бы весьма непристойное и уничижительное для Игоря Всеволодова самохвальство. Напротив того, отнюдь не неприлично Игорю выхвалять часть готовых к походу войск своих, которые, по-видимому, отдавал он под предводительство брата своего. . .»³¹

Текст, следующий за словами «Игорь ждет мила брата Всеволода», Капнист предлагал читать так: «И рече ему: Буй Тур Всеволоде! (вместо: Всеволодь, — Ф. П.) один брат, один свет светлый ты Игорю» и т. д.

У нас нет ни малейшего сомнения в том, что в беседах с Ермолаевым автор «Ябеды» подробнейшим образом аргументировал свою точку зрения. И как бы полемизируя с писателем и отбрасывая предлагаемую им реконструкцию текста, Ермолаев на полях принадлежавшего ему экземпляра древней поэмы против слов «Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремянь» и т. д. (*Слово*, с. 8) пишет: «Сии слова подтверждают, что предыдущее есть речь Всеволода и что (только) по выслушании предложения его Игорь отправляется в поход». Логика вещей как будто действительно требовала того, чтобы Игорь отправился к Всеволоду побуждать его к участию в походе; однако, поясняет Ермолаев, Игорю, как старшему брату, «приличнее» было ждать к себе Всеволода.

В тексте «Ступаетъ <Олег Святославичъ> въ златъ стремянь въ градъ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великий Ярослав сынъ Всеволожь» (*Слово*, с. 15) комментатор подчеркнул слова «Тоже звонъ слыша». Первые издатели древнего памятника так перевели это место: «Звукъ побед его слышал старый великий Ярослав, сын Всеволодов». Метафорический смысл указанного фрагмента поэмы приводил впоследствии и к иным истолкованиям. Надо полагать, что перевод этого фрагмента, предложенный первыми издателями «Слова», не удовлетворял Ермолаева.

Интересен комментарий Ермолаева к словам текста: «Игорь и Всеволодь уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ. . .» (*Слово*, с. 21). Как первые издатели памятника,

³¹ Цит. по: Бабкин Д. С. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста. — В кн.: Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 353.

так и их современники не отдавали себе отчета в том, что слово «отец» употреблено здесь автором в особом смысле. Важно поэтому указать на комментаторскую проницательность Ермолаева, снабдившего слово «отец» следующим пояснением: «Святослав называется здесь отцом по старшинству. В прежние времена великие князья в договорах выговаривали себе у местных князей ту почесть, что последние, хотя бы были и старше первых, но называли себя младшими против тех князей. Так иногда дядя великого князя считался по степени младшим его братом».

Слова поэмы «Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую пролиясте» (*Слово*, с. 26) прокомментированы Ермолаевым так: «Смысл должен быть: но одолели ли вы с честью или пролили кровь поганахъ».

Внимание Ермолаева было привлечено также и к обращению автора «Слова» к великому князю Всеволоду: «Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатъ, а Кощей по резанъ» (*Слово*, с. 28). Не претендуя на разъяснение загадочного для того времени слова «чага» (первые издатели поэмы оставили его без перевода), Ермолаев пометил на полях: «В Голицынском списке упоминается половецкий военачальник Чугай, который взят в плен русскими в 1180 году».³²

Любопытный эпизод, связанный с темой «Ермолаев и „Слово“», имел место в 1815 г., когда знатоки и любители древнерусской письменности, с чувством огромной горечи переживавшие гибель рукописи древней поэмы об Игоре в московском пожаре 1812 г., узнали о покупке А. Ф. Малиновским у московского коллекционера А. Бардина нового экземпляра рукописи «Слова». Радость, вызванная сообщением об этом, была едва ли не всеобщей. Радовались и оставшиеся в живых участники первого издания поэмы — А. Ф. Малиновский и А. И. Мусин-Пушкин. Молодой археограф П. М. Строев датировал купленную у Бардина рукопись XIV в.³³ И тем не менее для полной уверенности в том, что покупка Малиновского действительно бесценна, было решено подвергнуть ее палеографической экспертизе — отправить в Петербург и показать А. И. Ермолаеву как эксперту, не имевшему соперников. Рукопись была доставлена в Петербург доверенным лицом графа Н. П. Румянцева — Иваном Ивановичем Нестеровичем, который и сообщил Малиновскому в письме от 23 июля 1815 г. о результатах своей встречи с первым русским палеографом. «Быв свидетелем, — писал Нестерович, — невыгодного отзыва Ермолаева о найденном древнем списке Песни о полку Игоре, будто список сей подделан, при-

³² ГПБ, ф. 1000, Собр. автографов, А. И. Ермолаев.

³³ См.: Филологические записки, Воронеж, 1875, вып. VI, с. 14 и след. Ср.: Москвитянин, 1841, № 3, Смесь, с. 245. Ср. также: Сперанский М. М. Русские подделки рукописей в начале XIX столетия (Бардин и Сулакадзев). — В кн.: Проблемы источниковедения, сб. 5. М., 1956.

ятнейшим почел для себя долгом сообщить о сем Вашему пре-восходительству».³⁴

Сам Малиновский, по-видимому, не торопился разглашать полученную из Петербурга новость. По крайней мере проживавший в Остафьеве Н. М. Карамзин 20 октября 1815 г. писал А. И. Тургеневу: «Алексей Федорович Малиновский купил за 160 руб. харатейное „Слово о полку Игореве“: жаль только, что список не исправен и не поясняет печатного».³⁵

После экспертизы Ермолаева судьба приобретенной у Бардина пергаменной рукописи была окончательно предрешена. В письме к А. И. Тургеневу от 17 ноября 1815 г. Карамзин писал: «Когда бог позволит мне возвратиться в Москву, посмотрю купленное Алексеем Федоровичем „Слово о полку Игореве“: это любопытный подлог».³⁶

В годы 1813—1816, продолжая чиновническую службу в Государственном Совете, Ермолаев вместе с Олениным разрабатывают проект издания русских летописей, обсуждают в различных научных и государственных инстанциях вопрос о подготовительных работах для осуществления задуманного ими грандиозного предприятия.

Симптоматично, что, занимаясь этим трудоемким и требующим разносторонних познаний делом, Ермолаев не выпускал из поля своего зрения «Слово о полку Игореве», так как при чтении летописей обращал внимание на отдельные слова, выражения и стиль, близкие древней поэме. Проиллюстрируем это двумя примерами — двумя карандашными пометами, сделанными Ермолаевым на экземпляре Лаврентьевской летописи (копия начала XIX в.), находившемся в его руках.

Первая помета относится к следующему месту под 1218 г.: «Тем не падаше имения своего, раздавая требующим; бѣ бо се во истину, по Иову, око слѣпым и нога хромым и рука немущим утешенья, испроста всѣх любя и нагья одѣвая, *трудные* покоя, умрети хотяща зимою согрѣвая, печалныя утѣшая, а не опечалая никогоже ничимъже, но всех умудряя телесными и духовными беседами; часто бо чтяше книги с прилежаньем, и творяше все по писаному, не въздая зла за зло».³⁷ Подчеркнув в приведенном отрывке слово «трудные», Ермолаев написал внизу: «В. Сравнить с выражением *трудных повестьей*».

Вторая помета относится к отрывку о пленении татарами Василька Константиновича (под 1238 г.): «Он же не повинуся

³⁴ Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными. С предисловием, примечаниями и указателем Е. В. Барсова. М., 1882, с. 19.

³⁵ Библиотека для чтения, 1855, т. 130, Журналистика, с. 13.

³⁶ Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847, с. 390.

³⁷ ГПБ, ф. 542 (архив Олениных), ед. хр. 635 (Летопись по списку Лаврентия, копия начала XIX в.), с. 302, первый столбец.

обычаю их, и никакоже не прият и пищи их, ни питиа их; но сице противу им глаголаше: „о глухое царство и скверное! никакоже мене отлучите от хрестьяньские вѣры, аще если и в велицѣ бѣдѣ велими, но се ми бог наведе грѣх ради моих; богу же како ответ дасте, емуже многы души погубили есте бес правды? ихже ради мучити вы имать бог в бесконечныя вѣкы, *истязеть* бо господь душа тех, ихже погубили“». В этом отрывке, подчеркнув слово «истязеть» и поставив над ним NB, Ермолаев делает внизу карандашную помету: «NB. *Истязет* сличить со словами: *истягну ум крепостию*». ³⁸

Превосходный материал для характеристики Ермолаева как комментатора древней поэмы об Игорево м походе дает сохранившееся в черновике письмо К. Ф. Калайдовича к Н. М. Карамзину от 23 июня 1819 г. В начале письма Калайдович выражает сожаление, что и Шишков в издании «Слова», и Карамзин, интерпретирующий его в III томе «Истории государства Российского», неудовлетворительно перевели в Игорево м песни место о кметях-курянах, искаженное первыми издателями («къ мето» вместо «къмети»). Указав на присутствие слова «кмети» в Поучении Владимира Мономаха и в Кормчей XIII в., Калайдович продолжал: «По снесению мест из Песни Игорево м, Поучения Владимира II и Закона Константинова открывається, что *кмети* были наездники, занимавшие на войне первое лице после княжеского и получавшие по князе значущую часть ратной добычи. Подтверждение сего основано на приведенных выше примерах; в Песни же Игорево м Всеволод, называя своих курчан *свѣдомыми кметями* или наездниками и описав их военные доблести, в подтверждение значения слова *къметь* говорит, что они скачутъ акы серыи вльци въ поле». Пропуская следующую далее и не поддающуюся точному прочтению часть письма, основной смысл которой сводится к тому, что с течением времени и в различных регионах слово «кметь» менялось в значении, приведем самый конец письма: «Так, в Славянской грамматике (подлинник в Духовной типографской библиотеке), сличенной с разными наречиями языка сего и сочиненной в Сибири 1666 года (по словам архиепископа Евгения, сербом Юрьем Белиным), простонародный выговор именуется кметским. И в Ваших объяснениях двух древних повестей (т. III, 538) кмети — слуги и *стетіі* у славян илирических значит быть в подданстве. Объяснением слова *къметь* я обязан догадке почтенного нашего археографа А. И. Ермолаева». ³⁹

Логично полагать, что о своем комментарии к слову «кмети» Ермолаев сообщал многим лицам задолго до того, как познакомил с ним Калайдовича. По-видимому, еще до второго издания «Истории государства Российского» (1818) знал об этих разыс-

³⁸ Там же, с. 323.

³⁹ ГПБ, ф. 328 (архив К. Ф. Калайдовича), ед. хр. 45, л. 2.

каниях и Карамзин, живший с 1816 г. в Петербурге и не редко встречавшийся там с Ермолаевым. Таким образом, Калайдович в письме к историку от 23 июня 1819 г. излагал сведения о «кметях», уже известные адресату.

Содержание письма к Карамзину Калайдович воспроизвел в расширенном и усовершенствованном виде в статье «Нечто о славянском переводе Кормчей», опубликованной в 1820 г. в «Вестнике Европы» (ч. 110, № 5). Имени Ермолаева в этой статье уже нет; по-видимому, Калайдовичу было хорошо известно, что авторским честолюбием Ермолаев не страдает и протестовать против ущемления его авторских прав не будет. Правильное написание слова «кмети» сразу же после напечатания статьи Калайдовича о Кормчей проникает в переводы и научную литературу о «Слове». Так, Н. Ф. Грамматин в своем издании древней поэмы (1821) дает слитное начертание слова «кмети» и ссылается при этом на «Вестник Европы», т. е. на статью Калайдовича.⁴⁰ И тем не менее не Калайдовичу, а Ермолаеву принадлежит первенство в истолковании этого необыкновенно важного и, если угодно, ключевого понятия древней поэмы.

В 1818 г. «Слово о полку Игореве» с переводом на современный русский язык и обширными комментариями было издано Я. Пожарским. Событием в изучении «Слова» это издание не явилось, хотя в своем комментарии Пожарский критически отнесся ко всем предшествующим переводам поэмы. С возражениями Пожарскому выступил в «Русском инвалиде» (1819, № 157—159) А. С. Шипков; Пожарский же в свою очередь в негодующем тоне ответил ему в «Сыне отечества». «Ответы Пожарского на инвалидную критику, — писал 5 сентября 1819 г. Евгений Болховитинов В. Анастасевичу, — действительно вялы, но его поддерживает министр просвещения и за него нападает даже на Российскую Академию. Кажется, и Греч критикою на грамматику тому же подпекает; журналисты обыкновенно сообщаются по политическому барометру. О Комитете для суждения об Игоревой песни Пожарского уведомил меня гр. Хвостов, сам член Академии; тут прикомандирован и Ястребцов. Естьли и Ермолаев впутался в толкование сей поэмы, то, верно, в какие-нибудь слова, как и вы догадываетесь».⁴¹

Известие о том, что «Ермолаев впутался в толкование сей поэмы», Евгению Болховитинову сообщил, конечно, Анастасевич в письме, до нас, к сожалению, не дошедшем. Для нас остается неизвестным и то, удалось ли Ермолаеву осуществить свое желание принять участие в публичном споре, посвященном вопросам перевода и комментирования древнего памятника. В перио-

⁴⁰ См. рукописный экземпляр книги Н. Ф. Грамматина «Песнь воинству Игореву» в Рукописном отделе Пушкинского Дома: ИРЛИ, 23459. СLXVIII.

⁴¹ Русский архив, 1889, т. 30, № 5—8, с. 215.

дике за 1819—1820 гг. статьи Ермолаева о «Слове» разыскать нам не удалось, хотя вполне возможно, что она была написана, и, следовательно, поиски ее должны быть продолжены.

Нас не оставляет уверенность, что отмеченными выше пятью выступлениями Ермолаева далеко не ограничивается его участие в изучении «Слова о полку Игореве». Горячую его заинтересованность в объяснении «темных мест» памятника можно считать доказанной. Совершенно необъективен поэтому был Е. В. Барсов, упрекавший первого русского палеографа в равнодушном отношении к древней поэме. Исследователь полагал, что Ермолаев должен был оставить потомкам обстоятельную характеристику погибшей рукописи, поскольку из всех ее самовидцев только он знал толк в палеографии.⁴² Разделив точку зрения Барсова, можно было бы бросить такой же упрек и в адрес А. Х. Востокова. В связи с кончиной Ермолаева именно Востоков, опираясь на его показания, как никто иной, мог оставить потомкам наиболее обстоятельную и точную характеристику рукописи «Слова». Придирчивый любитель древнерусской письменности может упрекнуть также и К. Ф. Калайдовича, не оставившего для потомков никаких «стенограмм» — записей своих бесед с Мусиным-Пушкиным о первом издании древней поэмы. Однако предъявлять подобного рода обвинения первому поколению русских палеографов и археографов, к которому принадлежал и Ермолаев, было бы бессмысленно.

Первым нашим медиевистам пришлось работать в исключительно трудных условиях, без той научно-справочной литературы, которая в наше время находится в распоряжении любого «древника»; они полагались лишь на собственный опыт. Вынужденный универсализм не позволял им специализироваться в какой-либо одной узкой области. Каждому из них приходилось браться за многое и нередко в исследовании той или иной темы останавливаться на полпути. В силу этих причин и Калайдович, и переживший Ермолаева на целых 36 лет Востоков, и получивший археографическую подготовку в Германии Р. Ф. Тимковский внесли не так уж много в изучение «Слова», если оценивать их вклад с позиций нашего времени. И все же для тех лет вклад каждого из них был весьма ощутим и значителен.

Но если толки о равнодушии Ермолаева к древней поэме необоснованны, то разговор о равнодушии к научному наследию этого ученого со стороны его современников вполне оправдан. Продажа с аукциона 685 книг из библиотеки, принадлежавшей Ермолаеву, — факт потрясающего неуважения не только к памяти ученого, но и к науке, которую он представлял. На фоне этого всеобщего повсеместного равнодушия исключением выглядит отношение к Ермолаеву Пушкина. В статье «Песнь о полку

⁴² См.: Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, с. 46—48.

Игореве» (1836) Пушкин писал: «Но ни Карамзин, ни Ермолаев, ни Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности „Песни о полку Игореве“». ⁴³ Если бы современники проявили пушкинскую заинтересованность Ермолаевым, то научное наследие последнего, в том числе и наблюдения его над «Словом о полку Игореве», дошло бы до нас в менее поврежденном виде.

Будем же надеяться, что в недалеком будущем сумма наших знаний об А. И. Ермолаеве удвоится. Но уже и сейчас, выражая неудовлетворенность скудостью дошедших до нас материалов о подвижнической научной деятельности первого русского палеографа, мы можем с уверенностью заявить, что она отвечала наиболее наболевшим потребностям русской науки своего времени и потому была в высшей степени плодотворной. В истории нашей отечественной палеографии и археографии имя А. И. Ермолаева должно занять то почетное место, которое оно по праву заслуживает.

⁴³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 147.

Глава четвертая

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ОЦЕНКАХ А. Х. ВОСТОКОВА

Александр Христофорович Востоков (Остенок) (1781—1864), «незаконнорожденный» сын лифляндского дворянина Х. И. Остен-Сакена, по общественному положению своему, образу жизни и комплексу нравственных понятий принадлежал к слою разночинской интеллигенции. В истории русской культуры он оставил заметный след и как активный участник литературного движения первой четверти XIX в., и как выдающийся лингвист, основоположник русской школы славяноведения.

В годы 1788—1794 Востоков проходит обучение в Петербургском Сухопутном кадетском корпусе, а затем в Академии художеств, архитектурный класс которой он закончил в 1802 г. В 1803 г. Востоков назначается помощником заведующего библиотекой Академии художеств, а в 1815 г. получает должность помощника хранителя рукописей Публичной библиотеки в Петербурге. Востоков был деятельным членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств — с момента образования (1801) и до закрытия последнего (1825). В 1805—1806 гг. он издает свой первый сборник стихотворений — «Опыты лирические» (части 1-я и 2-я); в 1821 г. выходит его последний сборник «Стихотворений». Опубликованная в периодической печати 1820-х годов серия переводов на русский язык сербских народных песен окончательно прерывает поэтическое творчество Востокова, и он всецело погружается в палеографические, археографические и лингвистические исследования древнерусской письменности.

Отдавая дань господствовавшему в литературе начала XIX в. сентиментализму, члены Вольного общества в идеологическом отношении тяготели к просветительскому лагерю, выступавшему против ужасов деспотизма и крепостничества, ратовавшему за распространение в обществе просвещения и полезных знаний,

долженствовавших «рассеять мрак невежества» и послужить «залогом всеобщего благоденствия». Пропагандируя труды западноевропейских просветителей XVIII в. (Монтескье, Вольтера, Дидро, Мабли), а также (в меру цензурных возможностей) и сочинения А. Н. Радищева, члены Вольного общества лелеяли мечту о создании литературы самобытной, уходящей корнями в национальную почву и отражающей вольнолюбивые стремления народа. Именно поэтому у творчестве литераторов-«радищевцев» большое место занимала национально-историческая проблематика, в разработке которой Востокову принадлежала едва ли не первенствующая роль.

Еще в 1802 г. Востоков пишет «богатырскую повесть» «Светлана и Мстислав» (при первом ее издании, в 1806 г., автор назвал ее «древним романсом»). Приурочив действие повести к концу X в., к княжению Владимира Святославовича, автор украсил вымышленный им сюжет (соперничество великого князя со своим сыном — Мстиславом Владимировичем Тмутороканским из-за красавицы Светланы) различного рода реалиями, заимствованными из народных сказок, летописей и сочинений по старославянской мифологии:

Князей, Богатырей и *Гридней*
Всегда текла толпа за ней,
Светлана Лады миловидней!
Баяны напевали ей.
И кто б, возрев, не покорился
Ее божественным очам!
В любвидостойную влюбился
Великий князь Владимир сам.¹

Любя Мстислава и сохраняя верность обещанию, данному ему ранее, Светлана отклоняет притязания великого князя. Она соглашается бежать с Мстиславом из великокняжеских чертогов. Когда убегающие на конях Мстислав и Светлана остаются в пути на отдых, из-за кургана появляется устрашающего вида всадник, объявивший свое расчитанное на эффект имя — Вепрь, Железный клык. Начинается жестокий поединок. Храбро сражающийся Мстислав ударом копья раскалывает плем противника, но и сам падает на траву от кровавой раны. Расколотый плем Вепря скатывается с его головы, и наблюдающая за битвой Светлана вскрикивает от удивления: с Мстиславом сражался не Вепрь, а сам великий князь Владимир.

К стопам Владимировым пали
Светлана и младой Мстислав
И в онеменьи пребывали, —
Но царь, их ласково подняв,

¹ Востоков. Стихотворения. Л., 1935 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 134. (Далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте).

Сказал: «Возлюбленные чада,
Забудьте все напасти вы;
Меня связует с вами Лада
Узлом родительской любви!».

(С. 144)

Подавив свою ревность и всецело отдавшись во власть отцовских чувств, Владимир объясняет причины своей битвы с сыном. Он не хотел злоупотреблять правами отца и верховного властителя страны и свое преимущество над Мстиславом намеревался доказать собственной храбростью. Но теперь, убедившись в том, что сын не уступает ему ни «в силе мышц», ни в мужестве и что влюбленные взаимно преданы друг другу, благословляет их на счастливую супружескую жизнь.

Наставшу утру возвратился
Мстислав с Светланой в Киев град,
В семь дней от ран он исцелился,
В осьмой был свадебный обряд,
И брачну песнь гремят Баяны,
Цветет отрадой Княжий дом,
За скатерти садятся браны,
И турий рог пошел кругом.

(С. 145)

Как бы ни был идиличен и относителен «историзм» стихотворной повести «Светлана и Мстислав», написанной с явной оглядкой на эстетический кодекс сентиментализма, она являлась все же заметным шагом вперед в разработке древнерусской тематики. Тщательно подобранная автором лексика (поприще, иверни, десная, шуйца, внезапно, терем, стогны, турий рог и т. д.) придавала изображаемым событиям колорит национальной древности. Счастливо найденное Востоковым словечко «иверни» (куски, отломки металлического предмета) было вскоре подхвачено К. Н. Батюшковым, работавшим над исторической повестью «Предслава и Добрыня».²

Большинство современников с восторгом встретило «богатырскую повесть» Востокова. Одобрительно отнесся к ней и В. А. Жуковский. Опубликовав в 1813 г. балладу «Светлана», Жуковский сделал это имя, впервые введенное в русскую литературу Востоковым, неслыханно популярным.

В 1803 г. была закончена, а в 1804 г. опубликована Востоковым вторая «древняя повесть в пяти идиллиях» — «Певислад и Зора». В отличие от «Светланы и Мстислава» она написана безрифменным (белым) стихом. Действие ее происходит в Киевской Руси дохристианской эпохи.

² См.: Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. II. Пг., 1916, с. 74.

Герой повести Певислад — один из участников придворного хора Баянов.³ Взяв под мышку звончатые гусли, он отправляется в священную рощу, где находится кумир богини Лады, и обращается к ней с мольбою помочь в поисках предназначенной ему судьбою невесты. В день языческого праздника — поклонения богам на лугу поет хор девушек, и среди них Зора, дочь тысяцкого Станимира и Цветимы Гостомысловны. Девушки бегут к Днепру совершить обряд омовения, забыв об оставшей от них Зоре. Она случайно набредает на дремлющего в кустарнике юношу — им оказывается Певислад:

Он на мягкой мураве дремал,
А пред ним лежали гусельцы,
На золотом ремне висевшие
Через статное плечо его.

(С. 268)

Очнувшийся от дремоты молодой гуслиар пытается заговорить с Зорой, но она, смущенная, убегает к подругам.

Тогда Певислад еще раз появляется перед кумиром Лады с той же мольбою, но еще более настойчивой.

Лада глас его услышала,
Ибо в дочери Станимира
Родила она желание,
Чтоб пойти и в первый раз еще
Посетить ее золотой олтарь.

(С. 272)

Родители отправляются с Зорой к алтарю богини. Закрытая фатой, она ничего не видит, но слышит звон гусельных струн, и в ее воображении возникает образ недавно встреченного юноши-гуслиара. Но вот он и наяву предстает пред нею:

... между тем она
Слышит мать свою, кому-то вдруг
Говорящую с приветствием:
«Бьем челом Баяну вещему!
Не богини ли священник ты?
Се (покров золотой с девицы сняв)
Се приводим к Ладе дочь свою».
Что открылось! о восторг святой!
Певислад увидел милую
И она его увидела.

(С. 275)

³ В примечании к «Светлане и Мстиславу» Востоков счел необходимым объяснить, что, хотя в Игоровой песни имя Боян употребляется в единственном числе, он, следуя примеру В. Т. Нарезного, опубликованного в 1798 г. «Песнь киевских Баянов», также считает допустимым употребление имени Баян не только в единственном, но и во множественном числе; Востоков не исключал возможности, что «при дворе государей древних» поэтов вообще называли Баянами (с. 390—391).

Отец Зоры требует от неизвестного открыть свое имя:

«Рпы мне, кто ты, добрый молодец?
Чей ты сын?» — Я Певислад-Баян. —
«Певислад Баян!» — воскликнули
С удивлением отец и мать.
«О, Грудыев пресловутый сын,
С князем Ольгом на войне *Буй-тур*,
Соловей в приятном пении!
О, венец Баянов киевских!
Ты достоин нашей дочери!».

(С. 276—277)

Повествование завершается изображением обручения Певислада и Зоры.

В годы, когда начиналась литературная деятельность Востокова, господствующим литературным стилем был сентиментализм, и его представители стремились «приподнять» в Игоревае песни импонировавшие им ее «романические» черты. Образы Ярославны и жены Буй Тура Всеволода «милой Глебовны» в слащаво-сентименталистском истолковании становились предметом многочисленных подражаний. Героический пафос древней поэмы был осознан литературной общественностью не сразу. Подчиняясь вкусу эпохи, Востоков в своих стихотворных повестях изображал Баянов исключительно как певцов любовных переживаний и брачных пиршеств.

В стихотворении «Русские реки в 1815 году» А. Х. Востоковым была предпринята попытка освоения патриотических традиций «Слова о полку Игорева». Подобно тому как в русской народной поэзии реки могут порою вступать в диалог друг с другом, в стихотворении Востокова большие и малые реки России славословят главную реку страны — Волгу:

Беспечально теки, Волга-матушка,
Через всю святую Русь до синя моря;
Чтоб не пил, не мучил тебя лютый враг

.....
Он хотел тебя шлемами вычерпать,
Расплескать он хотел тебя веслами;
Но мы за тебя оттерпелися,
И дорого мы взяли за постой с него:
Не по камням, не по бревнам мы течем теперь,
Все по ядрам его и по орудиям;
Он богатствами дно наше вымостил,
Он оставил нам все животы свои!

(С. 240)

На метафорическом языке русских летописей, как и «Слова о полку Игорева», формула «испити шеломом воды» означала покорение той или иной области.

В рассматриваемом стихотворении образ, примененный автором «Слова» для восторженной характеристики князя Всево-

лода Юрьевича Суздальского («Ты бо можеши Волгу веслы раскропити» — *Слово*, с. 28), Востоков использует для негативной характеристики неприятеля-захватчика («Расплескать он хотел тебя веслами»). Таким образом, в стихотворении «Русские реки в 1815 году» Востоковым был дан пример весьма оригинального использования древнего памятника.

Целенаправленные занятия Востокова филологией, по-видимому, начинаются с 1803 г. В этом году соученик по Академии художеств и близкий друг Востокова А. И. Ермолаев, кончивший Академию в 1800 г., дарит ему тетрадь выписок из Изборника Святослава 1076 г. Покровительствуемый А. Н. Олениным и К. М. Бороздиным и фанатически увлеченный предметами, не входившими в программу обучения в Академии художеств, а именно древнерусской историей и палеографией, Ермолаев оказал решающее воздействие на дальнейшую творческую биографию автора «Светланы и Мстислава». В то время, когда еще ни в Москве, ни в Петербурге не было ни нужных специалистов, ни общедоступных государственных книгохранилищ, где можно было бы раздобыть необходимую литературу, заниматься изучением летописей и памятников древнерусской письменности для молодых разночинцев, какими являлись Ермолаев и Востоков, было делом нелегким, требующим большой личной инициативы, беспримерного труженичества и беззаветной преданности науке.

14 мая 1810 г. на заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств Востоков выступил с пояснением следующей фразы в поэме об Игоре в походе: «О Русская земле! уже за Шеломьянем еси». Текст этого выступления в июне того же года был напечатан в журнале «Цветник».⁴

Статья эта любопытна тем, что молодой ученый, не считаясь с авторитетами, указал на важную комментаторскую оплошность первых издателей «Слова о полку Игоре в походе», точнее, оплошность А. И. Мусина-Пушкина. К тексту поэмы «О Русская земля! уже за Шеломьянем еси» первые издатели дали следующее подстрочное примечание: «Русское село в области Переяславской, на границе к Половцам лежащее, близ реки Ольты. *Татищев*, часть III, с. 120». Однако, заглянув в «Историю российской» Татищева, Востоков нашел там село Шеломью, а не Шеломя. «Следовательно, — писал в связи с этим Востоков, — у Татищева нет *Шеломьяни*, а упоминается только о селе *Шеломье*; и издатель Песни Игоре в походе неверно сослался на Татищева: либо из забывчивости смешал одно название с другим, либо слишком скороспешно заключил о тождестве двух подобных одно другому, но разного окончания слов; а таким ошибочным утверждением обманул, как видно, и Александра Семеновича Шишкова».⁵

⁴ См.: А. В. [Востоков А.]. Грамматическое замечание на одно место в «Песни о походе Игоря». — *Цветник*, 1810, № 6, с. 311—321.

⁵ Там же, с. 317.

Для подтверждения своей догадки о том, что «шеломя» в «Слове» не является названием определенного населенного пункта или местности, что это не собственное, а нарицательное имя существительное, обозначающее возвышенное место. Востоков приволил из «Древнего летописца» (издания 1775 г.) следующее описание Мамаева побоища: «И выступиша Татарская сила на *Шоломъ*, и пойдоша с *Шоломяни*, также и крестьянская сила пойдоша с *Шоломяни*, и сташа на поле чисте, на месте тверде <...> и бе уже шестый час дни, сходящимся им на усть Непрядвы реки и се внезапно сила великая Татарская борзо с *Шеломяни* грядуща и ту паки не поступающе сташа; ибо несть места, где им расступитися, и пр. <...> а князь великий также с великою своею силою рускою с другого *Шеломяни* поиде противу им...».⁶

«*Шеломя*, — заключал Востоков, — по всем приметам, не иное что значит, как возвышение, пригорок; и так, естли принять оное и в песни Игоревой в том же значении, то не выйдет ли следующий смысл: *О Русская земля! уже ты за горами*, т. е. Игорево воинство, вступив в пределы половецкие, потеряло уже из виду землю отечественную, или она спряталась уже за горизонтом. В таком случае *Шеломя* может означать также дальность или высоту горизонта».⁷

В своей критической части (указание на оплошность первых издателей памятника) статья Востокова была, разумеется, неопровержимой. Спор же о том, что следует подразумевать под словом «шеломя» и является ли оно собственным или нарицательным именем существительным, продолжается и по сию пору, хотя мнение, высказанное в этом споре Востоковым, на наш взгляд, аргументировано наиболее убедительно.

В декабре 1810 г. на заседании того же Вольного общества Востоков выступил со своими соображениями по поводу примечаний чешского ученого-слависта Иосифа Добровского к «Шлецеру рассуждению о старославянском языке».

Основанные на примерах из «Русской правды» замечания Добровского, изложенные им в журнале «*Slavin*» (1806, № 204), о том, что «древнейший русский язык отличен был от славянского», Востоков обогатил примерами из «Слова о полку Игоре», «Повести временных лет» и «Поучения Владимира Мономаха». «Догадка г-на Добровского, — рассуждал Востоков, — совершенно справедлива. Если бы он имел пред собою „Слово о полку Игоре“, то увидел бы, что язык одного еще более удаляется от церковнославянского, нежели язык Ярославской Правды Русской: не только потому, что оно сочинено целым полувеком позже Правды Русской, но еще, может быть, и потому, что сия последняя писана и переписываема была книжными

⁶ Там же, с. 314—315.

⁷ Там же, с. 319—320.

людьми, т. е. попами или монахами, которые более наблюдали чистую славянщину. То же самое можно сказать и о Духовной Владимира Мономаха: он написал ее не простонародным, но книжным языком, подобно как и Нестор свою летопись. Однако же и у Нестора встречаются уже между чистою славянщиною русские idiotизмы и правописание, которые, конечно, могли вкратиться и от переписчиков, например *хоробрые* (вместо *храбрые*), *город*, *городы* (вместо *град*, *грады*); также приставка *ть* к славенскому окончанию проходящего времени 3 лиц. глаголов *аху*, *яху*, *аше*, *яше*, напр. *бяхуть*, *имеяхуть*, *писашеть*. У Нестора оно встречается изредка и служило, может быть, в его время за энклитикон (пополнительную частицу, притычку), так, как еще и ныне в богемском *t'*, в польском *ć*, а в русском языке послеположительные *-то*, *-ко*, *-тко*, *-ать*, и пр.; но в „Слове о полку Игореве“ едва ли не везде оно приставлено к вышепоказанным окончаниям глаголов, почему и можно думать, что сие *ть* от частого употребления прилипло, так сказать, к сим окончаниям».⁸

Доклад Востокова в декабре 1810 г. на заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств явился событием в истории не только отечественной, но и мировой филологической науки. Дальнейшим обогащением и развитием его наблюдений над грамматикой и историей старославянского и древнерусского языка явилось опубликованное в 1820 г. «Рассуждение о славянском языке»,⁹ положившее начало существованию русской школы славяноведения.

Как произнесенная десятилетием ранее, в декабре 1810 г., речь, так и «Рассуждение о славянском языке» Востокова открывали перед исследователями «Слова» большие перспективы. Ведь дело не ограничивалось тем, что и в «Речи», и в «Рассуждении» ученый ссылался на древнюю поэму об Игоровом походе, характеризуя ее со стороны лингвистической. Работы Востокова давали возможность в любом почти памятнике древнерусской письменности обнаружить взаимодействие двух языковых стихий — разговорного языка древних русичей и языка богослужебных книг, церковнославянского. Непониманием как самого факта названного взаимодействия, так и того, что степень растворения церковнославянизмов в стихии разговорной речи в различных памятниках могла быть различной, порождались случаи скептического отношения к языку «Слова о полку Игореве». Выступивший в 1834 г. с отрицанием подлинности «Слова» И. Беликов указывал в качестве аргумента на невыдержанность в нем «неполногласия»: «... так, в одном месте написано: *вран*, на заб-

⁸ Филологические наблюдения А. Х. Востокова. Издал И. Срезневский. СПб., 1865, с. XVIII—XIX.

⁹ См.: Труды Общества любителей российской словесности, 1820, ч. XVII, с. 1—61.

рале, славию, преградиша; в другом читаем: ворон, на забороле, соловию, прегородиша».¹⁰

Статья И. Беликова аттестовала его как преданного ученика М. Т. Каченовского и И. И. Давыдова, «аргументы» которых он тщательно суммировал. Но он почему-то игнорировал работы Востокова, который, кстати сказать, еще в «Речи» 1810 г. указал на то, что не только в «Слове», но и в «Повести временных лет» «неполногласие» чередуется с «полногласием»: есть *грабрые*, но есть и *хоробрые*, есть *грады*, но есть и *городы*, и т. д.

Еще в 1812 г. в журнале «С.-Петербургский вестник» Востоков напечатал пространную статью «Опыт о русском стихосложении»; в 1817 г. в дополненном виде этот небольшой, но содержательный трактат вышел отдельным изданием.

Представив первую в отечественной науке классификацию различных видов русского народного стиха и отвергнув «стопные» определения последнего, автор трактата взял за единицу ритма так называемый «прозодический период», обосновав тем самым тонический принцип русского народного стихосложения. Трактат Востокова получил, как известно, высокую оценку Пушкина, писавшего в 1834 г.: «Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большой ученостью и сметливостью. Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным».¹¹

Востоковская концепция русского народного стихосложения, поддержанная такими авторитетами, как Н. И. Надеждин, В. Классовский, П. Д. Голохвостов, В. Чепихин, дожила до нашего времени.¹² М. П. Штокмар, сделавший в адрес концепции Востокова ряд серьезных критических замечаний, не отрицал, однако, ее неоспоримо большого историко-литературного значения.¹³

Характеризуя былинный стих с тремя или даже четырьмя ударениями и дактилическим окончанием, Востоков затронул также и вопрос о метрической структуре Игоровой песни. «Однако, — писал он, — в древнейшем, какое до нас дошло, эпическом произведении русской музыки — в „Слове о полку Игореве“ не слышать никакого подобного размера: в нем с начала до конца, как кажется, голая проза? — Но, во-первых, неизвестно, для пенья ли сочинено сие, в подлиннике так называемое *слово*; или только для чтения, так, как летописи и другие тех времен письменные памятники, от которых отличается оно только своею ви-

¹⁰ Учен. зап. Моск. ун-та, 1834, ч. V, № 2, с. 295—308; № 3, с. 449—460.

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XI. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 263.

¹² См.: Желанский П. Сказки Пушкина в народном стиле. М., 1936, с. 80 и след.

¹³ Штокмар М. П. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952, с. 35—58.

тиватостью? Естьли же для пенья оно сочинено, то в стихах ли или в прозе? . . . ибо и прозу можно петь так, как мы поем наши славянские псалмы и другие церковные стихи, никакого определенного размеру не имеющие. Наконец, почему мы можем знать, что в „Слове о полку Игореве“ не было какого-нибудь размера, который ежели бы и сохранился до нас чрез столько веков в настоящем своем виде (что уже весьма сомнительно) под пером бестолковых переписчиков, то мы при всем том не только судить об нем, ни даже приметить его теперь не могли бы за его древностью, ибо чрез 600 лет, верно, сколько-нибудь переменилась и просодия языка русского? и потому „Слово о полку Игореве“ не может иметь никакого отношения к позднему русскому стихотворству и размеру, о коем одном только здесь идет речь?».¹⁴

Отказываясь найти прямую преемственность между поэтикой «Слова» и русским народным стихосложением, представленным в былине, исторической и бытовой народной песне, Востоков все же не считал безнадежным дальнейшие поиски «размера древней поэмы». В подстрочном его примечании читаем: «Замечу, однако, мимоходом, что не мешало хотя для типографской исправности, чтоб облегчить читателю отыскание мест, — при новом издании „Слова о полку Игореве“ разделить сию древнюю поэму русскую на стихи, подобные библейским, и означить оные, как водится, числами.

1. Не лепо ли ны бяшетъ, братие,
2. Начати старыми словесы трудных повестий
3. О плъку Игореве, Игоря Святъславлича,
4. Начати же ся той песни,
5. По былинам сего времени,
6. А не по замышлению Бояню.
7. Боянь бо вещей
8. Аще кому хотяше песнь творити,
9. То растекашеться мыслию по древу,
10. Серым влъком по земли,
11. Шизым орлом под облакы. И пр.

Может быть, таким образом, яснее окажется, был ли в ней какой-нибудь размер. Признаюсь, что я испытывал сию операцию над всей поэмой, и она у меня разделилась — без всякой принужденной растяжки и без всякой перестановки слов — на такие довольно ровные и мерные периоды или стихи».¹⁵

Служебная должность помощника хранителя «Депо манускриптов» Публичной библиотеки в Петербурге, на которую Востоков был назначен в 1815 г., полностью отвечала особенностям его характера и научным его планам. Востоков надолго отдается

¹⁴ Востоков А. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817, с. 159—160.

¹⁵ Там же, с. 160—161.

палеографическому изучению Остромирова евангелия, составлению «Словаря церковнославянского языка» и описанию древнерусских рукописей. Упомянутое выше «Рассуждение о славянском языке» создает ему широкую известность в научных кругах, и в 1820 г. его избирают членом Российской Академии. В 1831 г. Востоков издает две грамматики русского языка, пространныю и краткую, на многие годы предопределившие характер преподавания этой дисциплины в школе. В том же году ученый был определен на должность старшего библиотекаря незадолго перед этим учрежденного Румянцевского музея. В 1841 г. его избирают действительным членом Академии наук. Специальных работ, посвященных «Слову о полку Игореве», Востоков не создает, однако как признанному авторитету в области древнерусской письменности ему приходилось неоднократно писать отзывы и давать советы, относящиеся к древнему памятнику. Одна из таких востоковских записок, переписанная рукою Пушкина, сохранилась в бумагах поэта и была опубликована лишь в 1935 г. Вот ее полный текст:

«Мне сказывал знаток (покойный А. И. Ермолаев), видевший рукопись до истребления ее в 1812 году, что почерк ее был полуустав XV века. Что касается до наречия ее, будто бы не согласного ни со славянскими, ни с нашими областными, несходство сие касается только до некоторых неизвестных слов, как-то: *харалуг*, *стрикус* и проч.; вообще же в ней наречие то же самое, какое и в летописях наших и в других древних памятниках языка русского — чистое русское, а не польское, ниже какое-либо другое наречие.

Окончание глаголов *шетъ* или *шеть*, вместо *ше*, и *хуть* вместо *ху*, напр<имер> *бьшетъ*, *помняшетъ*, *сыпашуть*, *говоряхуть*, отличается от простого *ше* или *ху* только усилительною приставкою *ть*, которая не в одном „Слове о полку Игореве“, но и в других старинных памятниках языка встречается. Напр<имер>, в Лаврентьевском списке временника Несторова, л. 98: „и дар си от бога прія, да егда в церкви внидишетъ, и слыша пение, и абіе слезы испущашет“. — *Одевахте* есть, вероятно, описка, вместо *одевахуть*. Впрочем, в списке XV века, по которому напечатано *Сл. о Плк. Иг.*, нельзя искать первобытного правописания сей поэмы, сочиненной в конце XII века. Каждый переписчик переменил правописание своего подлинника, частью неумышленно по привычке, частью же и с умыслом поправить мнимую ошибку.

Востоков». ¹⁶

¹⁶ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 585.

Комментируя публикацию этого во многих отношениях важного документа, М. А. Цявловский с полным основанием предполагал, что подлинник последнего был адресован не Пушкину, а предназначен «для кого-нибудь из тех, кто занимался этим произведением (т. е. «Словом», — *Ф. П.*), а Пушкин уже списал для себя интересующие его строки великого филолога». ¹⁷ Недостаточно были обоснованы у Цявловского лишь возможные адресаты востокской записки: В. А. Жуковский и А. Ф. Вельтман. Позднее, в 1938 г., исследователь дополнил этот перечень именем М. А. Максимовича. Однако самым вероятным адресатом этой записки был и остается все же А. Глаголев, автор изданной в 1834 г. (цензурное разрешение от 24 октября 1832 г.) книги «Умозрительные и опытные основания словесности» (в четырех частях). Внимательный анализ данных, изложенных на с. 24 и 25 в IV части этого сочинения, приводит нас к твердому убеждению, что А. Глаголев писал эти страницы, имея в руках востокскую записку (см. настоящее издание, с. 169).

Остается выяснить не менее важный вопрос: когда же делился А. И. Ермолаев с Востоковым своими впечатлениями от знакомства с рукописью древней поэмы? Как уже говорилось выше, со своей московской библиотекой на Разгуляе А. И. Мусин-Пушкин мог ознакомить Ермолаева, как участника патронируемой А. Н. Олениным археографической экспедиции, весной 1810 или же в первые четыре месяца 1811 г. (см. настоящее издание с. 78—80).

В марте 1810 г. Оленин отзывает на две-три недели Ермолаева из Москвы в Петербург для оформления дел, связанных с официальным зачислением последнего в штат сотрудников формирующейся Публичной библиотеки. Ермолаев получает ответственную должность — помощника хранителя «Депо манускриптов». В дневнике Востокова за март 1810 г. записано: «2-го, в среду, был у Оленина, где видел Ермолаева, приехавшего на время сюда из Москвы». ¹⁸

Встреча Ермолаева с Востоковым 2 марта 1810 г. (а встречались они, вероятно, и в последующие дни) заслуживает специального исследования. Это была встреча еще достаточно молодых, но уже наиболее сведущих знатоков древнерусской письменности: зачинателя русской палеографии, переполненного впечатлениями от накануне исследованных им рукописных сокровищ Кирилло-Белозерского монастыря и Московского архива, и автора еще не опубликованной, но уже прочитанной в виде доклада работы, анализировавшей мнения о старославянском языке А. Л. Шлецера и Иосифа Добровского.

Мы будем исходить из предположения, что с рукописью «Слова» в марте 1810 г. Ермолаев еще не успел ознакомиться.

¹⁷ Там же, с. 586.

¹⁸ Заметки А. Х. Востокова о его жизни. Сообщил В. И. Срезневский. СПб., 1901, с. 32.

Не успел, но безусловно был одержим этим желанием. Как фактический соавтор «Письма о камне Тмутараканском» (1806), где было предложено правильное воспроизведение двух слов древней поэмы («Поморию» и «Посулию»), Ермолаев несомненно жаждал собственными глазами увидеть начертание этих слов в подлиннике. Такого же рода желанием был обуреваем и Востоков, поскольку у него уже имелись претензии к первым издателям древнего памятника.

Беседа (или беседы) Ермолаева и Востокова в марте 1810 г. не могла не затрагивать текстологических и комментаторских проблем «Слова». Совершенно очевидно поэтому, что впоследствии, по завершении археографической экспедиции К. М. Бороздина и А. И. Ермолаева (май 1811 г.), Востоков не однажды обращался к Ермолаеву с вопросами, относящимися и к рукописи древней поэмы непосредственно, и к Хронографу, к которому она в числе других была приплетена. Таким образом, не может быть никаких сомнений в том, что Востоков с достаточной точностью передал мнение Ермолаева о датировке рукописи «Слова»: «почерк ее был полуустав XV века».

В 1840 г. в связи с представлением на соискание академической премии книги М. Д. Деларю «Песнь об ополчении Игоря» (она представляла собой выполненный гекзаметром перевод древней поэмы) в числе других членов «рассматривательного комитета» отзыв о книге был подписан и Востоковым. Отзыв гласил, что если Деларю при переиздании перевода учтет критические замечания в свой адрес, то он «может иметь право на получение половинной Демидовской премии».¹⁹

Пять наиболее существенных замечаний «рассматривательного комитета», на наш взгляд, заслуживают того, чтобы войти в историю изучения древнего памятника.

1. «Слова подлинника: „тогда пуцашеть десять соколов на стадо лебедей, который дотечаше, та преди песь пояше“ — заменены стихами:

Пускал он бывало
Десять соколов быстрых на стаю лебяжью. Лишь только
Сокол на лебедь падет, лебедь песья запоет.

Но может ли лебедь петь под когтями сокола?».

2. «В переложении: *вскормлены копьем*; в подлиннике яснее: „Конец копя *въскоръмлены*“, т. е. с острия подавали пищу».

3. «В подлиннике: „И своя милья *хоти*, красныя Глебовны, свычая и обычая“. — В переложении: „и своей милой любви, красной Глебовны, нрав и обычай“.

Но *хоти*, как известно, значило *жену*, а не *любовь*».

¹⁹ См.: Сухомлинов М. И. История Росийской Академии, вып. VII. СПб., 1885, с. 336.

4. «В подлиннике: „А злата и сребра не мало того потрапати“. Потрапати говорилось в смысле *потрагить, истребить*, а не в смысле *бренчать*, как сказано в переложении:

Златом же, серебром тем и подавно уже не бренчать нам».

5. «В подлиннике: „А мы уже дружина жадни веселия“. В переложении:

Мы же, о князь, мы дружина твоя уже чужды веселья.

Но *чужды* противоречит слову *жадны*, так же как *жаждем*, *хотим* не значит *чуждаемся*.²⁰

Датированный 9 марта 1840 г. отзыв о книге М. Д. Деларю, кроме Востокова, был подписан А. И. Красовским, М. Е. Лобановым, В. М. Перевощиковым, В. М. Федоровым и Д. И. Изыковым, однако мы вправе считать его востоковским, так как из перечисленных лиц лишь он мог судить об этой книге столь компетентно и столь безапелляционно.

В 1844 г. в журнале «Отечественные записки» была опубликована статья Г. И. Спасского «Исследование Тмутараканского камня с русской надписью»,²¹ внушавшая читателям отнюдь не новую мысль о том, что надпись на знаменитом камне, в том числе и входящая в состав этой надписи дата, 1068 г., является фальсификацией А. И. Мусина-Пушкина. Гляд возражения против этой статьи, поступивших в редакцию журнала, заставил ее автора выступить спустя три года в том же журнале с ответом «защитникам камня». Одним из этих «защитников» оказался и Востоков, хотя в дискуссию о камне он был втянут помимо собственного желания. Дело в том, что уже после появления своей первой статьи Спасский в поисках единомышленников обратился к Востокову, авторитет которого в вопросах палеографии и эпиграфики считался непререкаемым. Востоков не мог не откликнуться на просьбу своего коллеги по бывшему Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств, и хотя ответ его отнюдь не обрадовал скептиков, Спасский вынужден был опубликовать его в своей статье 1847 г. «Вы находите, — отвечал Востоков, — сомнение в том, что в надписи написано *въ лѣто* с отдельным предлогом; но это ничуть не мешает древности надписи, ибо ежели в летописях, не древнейших, как вы сказали, а средних времен, какие до нас дошли, *в* пишется без *ѣ* слитно с последующим словом, то в древнейших памятниках языка, а именно в Остромировом Евангелии, *въ* везде пишется с *ѣ*, хотя и слитно с последующими словами, как и другие предлоги. И в надписи написано слитно: *Вълѣто*. — *Князь*, конечно, новее, нежели *кѣнязь*, однако и без *ѣ* встречается это слово в рукописях XI века, так же как ъ

²⁰ Там же, с. 336—338.

²¹ Отечественные записки, 1844, т. 36, № 10, отд. II, с. 63—75.

вместо *оу*, *тѣмѣторокана* писано с ъ, может быть, для того именно, чтоб отличить это собственное имя от *тѣмѣ* (десять тысяч), с которым оно не имеет, как кажется, сродства, будучи переделкою греческого имени *таратарха*. Это имя *таратарха* переделалось, может быть, у Хазаров в *Тамань-Тархань*, от которых уже русские взяли свое *тѣмѣторокань*. Что касается до имени города *Кърчева*, оно существует не только в одной тмутороканской надписи, но встречается в Прологах и Соборниках. В Прологе дек. 15, в житии св. Стефана Сурожского, сказано, что царица, жена Константина Копронима, была *корчемского царя дщи*. Известно, что за Константином Копронимом была Ирина, дочь хазарского царя. Тут *Корчемского* поставлено ошибкою, вместо *Корчевского* или *Кърчевского*. В Соборнике, ч. II, л. 12 на обор., упомянут *Корчевъ*: „а святаго и блаженнаго Мартина свидѣтельствуеет градъ, въ онь же бысть заточен, Корсунъ и Корчевъ и Сугданія и страна та вся“ (Сугданія, или Сугдаія, то же, что Сурож). Здесь говорится о Херсоне или Корсуни Таврическом, куда заточен был святой Мартин папа римский. С чего взял Болтин, что при поездке Котопана из Тмуторокани в Корсунъ речь идет не о Таврической Корсуни, а о той, которая на реке Росѣ. В этой последней жили русские, а не греки». ²²

В своем ответном письме Спасскому Востоков касался также и вопроса об упоминаниях Тмутаракани в «Слове о полку Игореве». К сожалению, эту часть востокского письма, автограф которого до нас не дошел, Спасский приводит лишь частично. Считая совершенно бесспорным, что первые три упоминания о Тмутаракани в «Слове» («Тьмутораканьскый бълванъ», «въ градѣ Тьмутороканѣ» и «поискати Тьмутораканя») относятся к Тмутаракани, находившейся на Таманском полуострове, Востоков не исключал возможности, что последнее упоминание этого города, относящееся к князю Всеславу («изъ Кыева дорискаше до куръ Тьмутораканя»), могло относиться к Тмутараканю Остреческому (от реки Остра, впадающей в Десну), находившемуся в 60 верстах от Киева. ²³

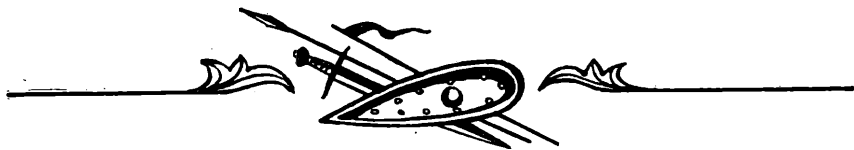
Изданный Востоковым незадолго до его смерти двухтомный «Словарь церковнославянского языка» (1858 и 1861) явился итогом тридцатилетнего труда. Словарь сыграл огромную роль в последующем развитии древнерусской лексикографии, хотя и не был доведен до той степени полноты, на которую первоначально рассчитывал автор. Лексический репертуар древней поэмы в «Словаре» Востокова оказался представленным неполно и неровно. И несмотря на это, объяснения целого ряда слов и понятий, имеющих прямое или косвенное отношение к комментиро-

²² Спасский Г. Защитникам Тмутороканского камня. — Отечественные записки, 1847, № 10, отд. VIII, с. 139.

²³ Там же, с. 137.

ванию «Слова» (были черниговские, вьскладати, галица, истягнути и др.), не устарели до настоящего времени.

Суждения Востокова о «Слове о полку Игореве» были свободны от какой-либо заданности, они становились достоянием общности лишь как результат обобщения и осмысления большого фактического материала. Свои взгляды на Игореву песнь, даже если они носили, как например в переписке с Г. Спасским, полемический характер, Востоков излагал с присущими ему спокойствием и обстоятельностью. И своими наблюдениями чисто комментаторского характера, и открытиями в области истории русского литературного языка, и разработкой проблем сравнительного славянского языкознания выдающийся филолог А. Х. Востоков внес неоценимый вклад в изучение гениального творения древнерусской художественной литературы.

Глава пятая

ЗОРИАН ДОЛЕНГА-ХОДАКОВСКИЙ И ЕГО НАБЛЮДЕНИЯ НАД «ИГОРИДОЙ»

Я сам — хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной тругнат —
Я мечанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ.
Но каюсь: новый Ходаковский,
Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.

А. С. Пушкин.

Ныне полузабытое имя Зориана Доленги-Ходаковского упоминается Пушкиным дважды. Первый раз — в приведенном нами в качестве эпиграфа отрывке из поэмы «Езерский».¹ Ходаковский назван здесь сразу же за выдержанной в иронико-комическом стиле родословной героя, и это соседство сообщает известный иронический оттенок и упоминанию имени ученого. Второй раз великий поэт назвал Ходаковского в своей статье 1836 г. «Песнь о полку Игореве»: «Но ни Карамзин, ни Ерм<олаев>, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности Песни о полку Иг<ореве>».² Упоминание имени Ходаковского наряду с Н. М. Карамзиным и А. И. Ермолаевым, которые были не только известными знатоками древнерусской истории, но и самовидцами погибшей рукописи «Слова о полку Игореве», а также наряду с А. Х. Востоковым, общепризнанным авторитетом по истории славянских языков и незаурядным знатоком древней поэмы об Игоревом походе, — упоминание это свидетельствует о том, что в отличие от некоторых своих современ-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. V. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, с. 99—100.

² Там же, т. XII, с. 147.

ников Пушкин видел в Ходаковском не самоучку и не чудака, а ученого, самозабвенно погруженного в изучение старины, с мнением которого о знаменитой поэме нельзя было не считаться.

Не один только Пушкин, но и другие русские писатели и ученые первой половины XIX в., такие как Н. М. Карамзин, Н. В. Гоголь, М. А. Максимович, М. П. Погодин, Н. А. Полевой и другие, считали Ходаковского большим знатоком славянских древностей и быта славянских народов. Уже одно это соображение вполне оправдывает нашу задачу — выяснить некоторые обстоятельства жизни и деятельности талантливого ученого и, главное, попытаться осветить чрезвычайно любопытную, подсказываемую Пушкиным, историко-литературную тему: Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве».

Настоящее имя Зориана Доленги-Ходаковского — Адам Чарноцкий. Родился он в 1784 г. в Минском воеводстве в семье мелкого польского шляхтича. Не имея средств, отец Адама Чарноцкого отвез сына в Слуцкий уезд к богатым родственникам, которые и поместили мальчика в местную уездную школу. По словам биографов, страсть к изучению истории и собиранию местных поверий, преданий и песен пробудилась у Адама Чарноцкого со школьной скамьи. Еще до окончания школы, в 1800 г., потеряв отца, мальчик остался круглым сиротой. По окончании в 1801 г. уездного училища шестнадцатилетний юноша становится на вполне самостоятельный путь. Изучая право у адвоката в Новогрудке, оказывая помощь жителям в их различных судебных процессах, работая помощником управляющего у новогрудского воеводы графа Неселовского, Адам Чарноцкий не оставляет и своих занятий историей. Он роется в местных архивах, изучает старинные документы, интересуется устным народным поэтическим творчеством, заводит записные книжки, в которые вносит собранные им разнообразные этнографические и исторические сведения.

В начале 1808 г. Чарноцкий, подозреваемый в намерении вступить в нелегально формировавшееся в Варшавском герцогстве польское войско, был арестован и отвезен под стражей в Гродно, а оттуда отправлен в Петербург. Здесь он пробыл в заключении с марта по декабрь 1808 г. Последовавшим затем решением суда Чарноцкий был лишен дворянства и отдан в солдаты, в воинскую часть, стоявшую в Омске.

Из случайно сохранившегося дневника, который вел Адам Чарноцкий по дороге в Омск и во время пребывания в Сибири, видно, что он не прерывал ученых занятий в самые тяжелые годы своей жизни. Дневник пестрит заметками о жизни, быте и языке народов, населявших азиатскую часть России. Чарноцкий описывает обычаи, которые ему приходилось наблюдать, составляет словарь произрастающих в различных местах деревьев и трав, занимается топонимикой края.

В 1810 г. полк, в котором служил Чарноцкий, был переведен в Пермь, а затем в Бобруйск. Здесь, по словам одного из биографов Чарноцкого, он «устраивает себе выезд в Польшу». Продолжая числиться в списках полка как «пропавший без вести», Адам Чарноцкий живет с этих пор под вымышленной фамилией Ходаковского, меняя неоднократно профессии и места своего жительства и находясь под постоянной угрозой быть выданным правительству Александра I. Тем не менее именно в этот период со всей страстью ученого-энтузиаста Ходаковский предается занятиям «народной археологией» — восстановлением истории славянства по тем пережиткам старины, которые сохранились в фольклоре и названиях рек, урочищ, городищ и поселений.

Во время своих поездок по Западной и Приднепровской Украине (1817—1819) Ходаковский настойчиво и неутомимо собирает памятники устного народного творчества — русского, украинского, белорусского, польского. Достаточно сказать, что до 1819 г. им было собрано и записано около 2000 одних только украинских песен.

В 1818 г. Ходаковский напечатал на польском языке первую свою статью «О славянстве пред христианством», а в следующем, 1819 г. опубликовал на русском языке в «Вестнике Европы» статью «Разыскания касательно русской истории». В названных статьях, и особенно в последней из них, Ходаковский настаивал на необходимости изучения сохранившейся славянской старины, указывая при этом, что источники для этого находятся не в книгах, а «рассеяны по целому пространству нашей земли и требуют многих еще пожертвований и особенного посвящения сему делу».³ Исследование прошлого, рассуждал Ходаковский, могло бы быть гораздо успешнее, «если б мы менее руководствовались модою и дворянством <...> а заглядывали под соломенную крышу поселян, которые не изменили столько своим предкам».⁴

«Мы не должны, — писал он в этой же статье, — обманывать себя повестями чужих писателей, которые по слуху отдаленному и невероятному, а еще более по ненависти, вкратце сказали о наших предках; мы не должны на них совершенно полагаться и верить, что славянское младенчество окружено туманом грубого невежества и дикости».⁵

Обнаруживая незаурядные познания в области истории, географии и археологии, Ходаковский привел в своей статье ряд критических замечаний, относящихся к «Истории государства Российского» Карамзина. Несмотря на чрезмерное увлечение Хо-

³ Вестник Европы, 1819, ч. CVII, № 20, октябрь, с. 278.

⁴ Там же, с. 282.

⁵ Там же, с. 279.

даковского методом этимологических сопоставлений и аналогий для доказательства своих мнений по вопросу о «карте России в IX веке», некоторые его замечания были для своего времени настолько основательными, что Карамзин не мог с ними не согласиться.

Уже в статье 1819 г. «Разыскания касательно русской истории» Ходаковский изложил в кратком виде свою теорию славянских городищ. Согласно его мнению, эти городища были священными оградами, где некогда совершались языческие обряды; они размещались на всем пространстве, где жили древние славяне, и всюду были окружены однотипными поселениями, имевшими, как правило, сходные названия, что указывало на их связь со славянской мифологией.

Как член Варшавского общества любителей наук, Ходаковский разрабатывает план длительной археологической и этнографической экспедиции с целью исследования славянской старины и древних городищ. При осуществлении своих планов он обращается за поддержкой к куратору Виленского университета князю А. Чарторыйскому. Заручившись от него рекомендациями к канцлеру графу Н. П. Румянцеву, в конце 1819 г. Ходаковский отправился в Петербург.

В Петербурге он знакомится с представителями ученого и литературного мира; Вольное общество любителей российской словесности избирает его своим членом. Не исключена возможность, что еще в конце 1819—начале 1820 г., т. е. до южной ссылки, имя Ходаковского было известно и Пушкину.

Составленный Ходаковским в начале 1820 г. проект археологического путешествия по России был передан на рассмотрение Карамзина и Главного управления училищ, был ими одобрен и вслед затем утвержден Александром I. Путешествие должно было продолжаться четыре года и на его издержки было отпущено правительством 3000 рублей. Ободренный первоначальным успехом, Ходаковский опубликовал план своего путешествия в столичных журналах.⁶

В Петербурге, по словам Иоахима Лелевеля, Ходаковский начал «сходить с польского света».⁷ Этот незаслуженный упрек со стороны некоторых соотечественников Ходаковского был, по видимому, вызван высказываемым им не однажды мнением, что славянский Восток представляет собой более удобное поле для исследований, так как здесь по причине отсутствия католической нетерпимости к дохристианским элементам сохранилось больше древних преданий, чем на славянском Западе.

Путешествие Ходаковского началось в августе 1820 г. Он выехал из Петербурга вместе с женой, осмотрел городища по Неве

⁶ См.: Вестник Европы, 1820, ч. CXIII, № 17, октябрь, с. 30—56; № 18, сентябрь, с. 99—118.

⁷ Там же, 1886, т. VI, № 21, ноябрь, с. 305—307.

и около Ладоги, раскапывал старые курганы около Новгорода, потом около Твери и в 1821 г. прибыл в Москву. Здесь с разрешения межевой канцелярии Ходаковский занялся изучением подробных карт, составил общую карту славянского «городства» и огромный географический словарь. В 1822 г. он послал из Москвы «Донесение» о результатах своего путешествия, которое было передано на рассмотрение известному археографу К. Ф. Калайдовичу. Не разделявший взглядов Ходаковского в отношении городищ, Калайдович дал о «Донесении» ученого неблагоприятный отзыв. Лишившись вследствие этого правительственной поддержки и всяких средств к существованию, Ходаковский отказывается от ряда своих творческих замыслов. Семейные несчастья — смерть сына в 1821 г. и смерть жены в 1822 г. — окончательно подорвали его силы. Женившись во второй раз, он в 1824 г., желая выбраться из нужды, принял должность управляющего у одного тверского помещика, поляка по национальности. Даже и теперь, выбитый из колеи, Ходаковский не прекращал своих научных занятий. Однако здоровье его было вконец расшатано, и 17 ноября 1825 г., на сорок первом году жизни, он скоропостижно скончался.

Бумаги Ходаковского, состоявшие главным образом из незаконченных его трудов, после его смерти, согласно завещанию, были переданы Н. А. Полевому, который в течение долгого времени не мог найти им никакого применения. В воспоминаниях К. А. Полевого мы находим указание на то, что А. Ф. Воейков, Н. И. Надеждин, а позднее и М. А. Максимович упрекали Н. А. Полевого в недобросовестном использовании рукописей Ходаковского.⁸ Насколько справедливы были эти упреки, сказать трудно, но помимо Воейкова, Надеждина и Максимовича их повторяли печатно также М. Т. Каченовский⁹ и М. П. Погодин.¹⁰

В начале 30-х годов вдова Ходаковского в судебном порядке потребовала от Н. А. Полевого возвращения ей рукописей мужа. Требование это было удовлетворено. В 1836 г. материалы Ходаковского стали собственностью Погодина. Однако, по словам последнего, он получил далеко не все из оставшихся после смерти Ходаковского бумаг. Значительную часть поступивших к нему работ ученого Погодину удалось опубликовать.¹¹

⁸ См.: Полевой К. Записки. СПб., 1888, с. 213—219.

⁹ См.: Вестник Европы, 1827, ч. CLVI, № 22, ноябрь, с. 155.

¹⁰ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. II. М., 1846, с. 398.

¹¹ Погодин опубликовал следующие работы Ходаковского: 1) «Пути сообщения в древней России»; 2) «Историческая система Ходаковского»; 3) «Отрывок из путешествия Ходаковского по России»; 4) «Донесение о первых успехах путешествия в России З. Доленги-Ходаковского, из Москвы, 13 июля 1822 г.». Все эти труды напечатаны в I, III и VII томах «Русского исторического сборника», издаваемого Обществом истории и древностей российских (М., 1837—1844).

В 1852 г. бумаги Ходаковского в составе собрания М. П. Погодина были приобретены Публичной библиотекой в Петербурге. Следует добавить, что сюда попали не все рукописи Ходаковского, многие из них Погодин оставил у себя. Рукопись с собранными Ходаковским песнями в 80-е годы была разыскана на Украине и в настоящее время хранится в фондах рукописей Украинской Академии наук. Кое-что из рукописей Ходаковского попало в Польшу, в частности в библиотеку Варшавского университета. Значительная часть его архива продолжает оставаться неразысканной, если только не погибла бесследно.

Как исследователь городищ Ходаковский имел последователей в лице Д. Я. Самоквасова, И. И. Срезневского, А. А. Спицына и многих других русских и зарубежных ученых. Хотя выдвинутая Ходаковским концепция городищ не была полностью принята позднейшей наукой, за ним осталась заслуга первого исследователя вопроса, оставившего ряд замечаний о границах и характере поселений древних славян, замечаний, не утративших своего значения и до настоящего времени. Получил признание в науке и широко применявшийся Ходаковским метод использования в исторических исследованиях данных исторической географии.

Гораздо большее значение имела деятельность Ходаковского как этнографа. Он был не только собирателем фольклора, но и замечательным знатоком народного быта. Даже недружелюбно относившийся к Ходаковскому П. И. Кепшен писал о нем: «К отличным свойствам нашего исследователя причислить должно способность его беседовать с простолюдинами. На торжищах, в хижинах их, в своей собственной обители он и жена его всегда с успехом умели пользоваться их простодушными повествованиями, преданиями, местными познаниями и самым суеверием».¹²

Примеру Ходаковского — собирателя народного поэтического творчества начали следовать многие из романтически настроенной молодежи. В Польше по примеру Ходаковского собирал народные песни Вацлав Залесский, в России — М. А. Максимович и П. В. Киреевский.¹³ Самобытная личность Ходаковского начинает привлекать внимание литераторов, увлеченных идеей народности.

Много лет спустя после смерти Зориана Доленги-Ходаковского, в письме от 9 ноября 1833 г., Н. В. Гоголь писал своему земляку М. А. Максимовичу, готовившему новое издание «Украинских народных песен»: «Я очень порадовался, услышав от вас о богатом присовокуплении песен из собрания Ходаковского. Как бы я желал теперь быть с вами и пересмотреть их вместе,

¹² Библиографические листы, издаваемые П. Кепшеном, 1825, № 38 (дополнительный), с. 504.

¹³ См.: Бессонов П. Белорусские песни. М., 1871, с. 24.

при трепетной свече, между стенами, убитыми книгами и книжной пылью... Моя радость, жизнь моя! Песни! Как я вас люблю!».¹⁴

В начале 1834 г., выполняя просьбу Гоголя, Максимович отправил ему во временное пользование копию собрания песен Ходаковского. В письме от 20 апреля 1834 г. Гоголь писал Максимовичу: «Благодарю тебя за песни. Я теперь читаю твои толстые книги; в них есть много прелестей».¹⁵ Следует думать, что «толстые книги» Ходаковского Гоголь изучал серьезно и долго не расставался с ними, о чем можно судить по его письму к матери от 5 февраля 1838 г., в котором он просил ее отослать в Киев к профессору Максимовичу две толстые рукописные книги.¹⁶

По заключению А. Н. Пыпина, серьезно изучавшего деятельность Ходаковского как этнографа, заслуга последнего состояла в том, что «интерес к древности он из сухого книжного антикварства перенес на живую почву народности».¹⁷ В этой оценке роль Ходаковского несомненно преувеличена. Но как бы критически ни отнеслись мы к статье Пыпина, нельзя не согласиться с тем, что Ходаковский был одним из первых представителей того направления в этнографии, которое рассматривало народную жизнь и устное поэтическое творчество не только как предмет бесстрастного изучения, но и как источник плодотворного влияния на литературу и искусство.

Эта довольно видная роль Доленги-Ходаковского как этнографа, а отчасти и как историка обязывает нас со всей серьезностью отнестись к замечанию Пушкина о Ходаковском как о знатоке «Слова о полку Игореве».

Ходаковский действительно настойчиво и долго изучал «Слово» и высказывался о нем. И если мы не можем в настоящее время восстановить в полном виде его работу над древней поэмой, то следы наблюдений Ходаковского над «Словом» вполне поддаются извлечению именно из тех его рукописей, которые до 1852 г. были собственностью Погодина, а затем были переданы в Публичную библиотеку в Ленинграде.

Замечания Ходаковского о «Слове о полку Игореве» обнаруживаются главным образом в двух его рукописях, одна из которых состоит из переплетенных в один том документов и заметок самого разнородного содержания, а другая, состоящая из четырех огромных переплетенных томов, уже вошла в литературу под названием «Географического словаря» Ходаковского.

¹⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. X. Письма. Л., 1940, с. 284.

¹⁵ Там же, с. 311.

¹⁶ Там же, т. XI, с. 126.

¹⁷ Пыпин А. Н. История русской этнографии, т. III. СПб., 1891, с. 68. Статья А. Н. Пыпина о Ходаковском первоначально появилась в «Вестнике Европы» (1886, ч. СХХII, т. VI, ноябрь, с. 305—357).

В первой рукописи интересующие нас записи и заметки сосредоточены главным образом в помещенной в конце тома тетради, которой Ходаковский дал следующее название: «Словарь старинных польских выражений» («Słownik starodawnych polskich wyrazów»). Первоначально, как следует полагать, тетрадь была предназначена для выписок из указанного на заглавной листе польско-немецко-французского словаря Михаила-Авраама Трока («Nowy Dykcyonarz, to iest Słownik Polsko-niemiecko-francuzki przez Michela Abrahama Troka, warszawianina»), изданного в Лейпциге в 1764 и переизданного в 1802 г. С течением времени, однако, Ходаковский начал делать выписки из составленного Неедлым «Чешско-немецкого словаря», из изданного в 1704 г. в Москве Ф. П. Поликарповым «Славяно-греческо-латинского трехязычного лексикона», из «Нового российско-французско-немецкого словаря, сочиненного по Словарю Академии» Иваном Геймом (М., 1799), а также из других, преимущественно на русском языке издаваемых книг и журналов. В итоге названная тетрадь Ходаковского оказалась на добрую половину заполненной выписками на русском языке, хотя почти всегда и всюду Ходаковский писал по-русски, пользуясь латинским шрифтом.

Судя по тому, что ссылки на знаменитый «Словарь языка польского» Самуэла Богумила Линде в самых ранних записях названной тетради отсутствуют, а в записях, сделанных почерком более позднего времени, встречаются в обильном количестве, можно заключить, что работу над перечнем «старинных выражений» Ходаковский начал около 1810 г., до приобретения им словаря Линде, первый том которого увидел свет в конце 1810 г. Закончилась работа над названной тетрадью — судя по цитируемым изданиям и почерку — около 1819 г., и, надо полагать, в связи с приездом Ходаковского в Петербург.

Несмотря на то что порядок листов во всем томе самым варварским образом нарушен переплетчиком, в интересующей нас тетради нетрудно восстановить принятый автором алфавитный порядок размещения главных слов — с некоторыми, впрочем, отступлениями от него, повторениями и пропусками.

На обороте 80-го листа под словом «Соловей» (Słowik) находится пространная выписка из «Повести о Мстиславе I Володимировиче, славном князе Русском» П. Ю. Львова, изданной в 1808 г.: «Соловей древних лет, Велесов внук, Боян вещей. Боян сладкие песни певал в похвальбу старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Роману. Его песни и гусли раздавались по Новгороду Великому; громкая славушка пронеслась о нем до стольного города до Киева. А за то, что он складно песенки складал, что сладко их певал, что честно князей величал, и та улица, где он жил, прозвана Бояновой; а и той ли улице так во век прослыть, Новгороду на славу, молодым певцам на поученье».

Далее Ходаковский приводит примечание Львова к данной повести: «В Ироической песни о походе на половцев Игоря Святославича Боян назван Вещим, т. е. мудрым, многоведущим, внуком бога Велеса и Соловьем древних лет. Смотри Песнь сию, стр. 2, 6 и 7. Но где он воспевал свои песни, о том ничего не упомянуто. Он прославлял Старого Ярослава, то есть Первого. А Ярослав в Новгороде больше жил, нежели в Киеве. Из сего заключить можно, что Боян был новгородец; ибо, ежели бы он был киевлянин, то, без сомнения, воспел бы Владимира, отца Ярославова, гремевшего тогда в Южном краю Европы победами и многими славными делами».¹⁸

Повесть Львова — одно из первых прозаических произведений русской литературы, написанных под сильным влиянием «Слова о полку Игореве».

Аналогичную выписку находим мы в упомянутой тетради Ходаковского и в другом месте, на обороте 114-го листа, где под словом «волк» записаны следующие стихи:

Кой¹⁹ воспел князей, когда хотел,
По древам носился мыслями,
Серым волком по земле бежал,
По поднебесью орлом парил.

Серым волком скачут по полю,
Ищут чести, славы князю их.

На коня то вскочит борзого,
То, соскочив с него, как волк босый,
Мчитя к лугу он Донецкому.

Характер приведенных отрывков, выбор их свидетельствуют об интересе Ходаковского к символике волка в древней поэме. Они являются выписками из опыта перевода «Слова» «русскими дактило-хореическими стихами», осуществленного Н. Язвицким. Перевод этот появился в 1812 г.²⁰ и, вероятно, сразу же после выхода в свет, как и все наиболее значительное, что печаталось тогда о древнем памятнике, стал предметом внимания Ходаковского. В его тетради мы не встречаем никаких критических замечаний ни о весьма посредственном переводе Язвицкого, ни о по-

¹⁸ Сделанные Ходаковским латиницей записи русских текстов как здесь, так и в дальнейшем приводятся нами в русской транскрипции; в русской транскрипции и в переводе на русский язык даются и следующие ниже объяснения Ходаковского; польский язык и латинский шрифт сохранен только для тех польских или иностранных слов и выражений, которые являются предметом объяснения Ходаковского.

¹⁹ К этому слову Ходаковский делает примечание: «Боян».

²⁰ Язвицкий Н. Игорь Святославич, ироическая песнь. — Чтения в Беседе любителей русской словесности, 1812, кн. VI, с. 32—54.

вести Львова — неудачной попытке контаминировать собственную расплывчатую сентиментальную фразеологию с энергическим и сжатым языком гениальной поэмы. Заметим, кстати, что выписок из «Повести о Мстиславе I Володимировиче» в тетради Ходаковского большое количество. И Львов, и Язвицкий интересовали Ходаковского прежде всего как неутомимые пропагандисты «Слова о полку Игореве», и по выпискам из них о взглядах самого Ходаковского на поэму судить, конечно, трудно. Тем не менее некоторое представление об этих взглядах можно составить по небольшому комментарию к поэме, разбросанному в разных местах «Словаря старинных польских выражений». Приводя отдельные слова или обороты из «Слова о полку Игореве», Ходаковский указывает при этом источник словами «Игорь» или «Игорида» (Igor, Igotyda). Перечень этих слов и оборотов вместе с объяснениями Ходаковского приводится ниже.

1. «Пригощая Богородица в Кieve упоминается в Игориде, мимо Боричева к ней ехал Игорь» (л. 61 об.)²¹

2. «Бусовы зловещи филины. Игорь» (л. 72 об.).

3. «Czolko, czoleczko; по-чешски: czulko, по-русски: лобок, лобочек, лобик. Повязка чела, женщинами употребляемая. Чолка и хоругвь со знаменем. Игорь» (л. 74 и 74 об.).

4. «Чернядь пестроперая. Игорь. — Чернядь (anas fuligola), гоголь (anas clangula)» (л. 74 об. и 112 об.).

5. «Девы половецкие, красные, полные как светлый месяц. Игорь Святославич» (л. 75).

6. «Солнце (solnce, slonce). В переносном смысле означало великих мужей. „Идут тучи с моря черные, скрыть хотят четыре солнца вдруг“, то есть четырех русских княжичей. Игорида. „Как на небе солнце светится, так князь Игорь в русской области“. Игорида» (л. 108 об.).

7. «Стоять стязи в Путивле (Игоря песнь). Стяговник, знамя. Стяговный, стягивать. Гейм» (л. 109).

8. «Вещий Боян. Вещий у греков Калхас» (л. 113 об.).

9. «Бояна-река, вытекая из озера Скутари, впадает в море недалеко от Рагузы (Boter, 136), отделяя ее от Албании» (л. 80 об.).

10. «Зегзица (Zygzak): полечу я по реке Дунаю зегзицей. Игорида» (л. 115).

Интерес к лексике и образам древней поэмы замечен у Ходаковского во многих случаях даже и там, где он на нее и не ссылается. В приводимый ниже список мы вводим далеко не все слова и обороты из тетради Ходаковского, которые в его сознании несомненно ассоциировались со «Словом о полку Игореве».

²¹ В скобках как здесь, так и ниже указаны листы рукописи Ходаковского, в которую вошла тетрадь «Старинных польских выражений» (ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 2018).

1. «Див-дерево на Волини — растет на уваженных местах, с ключими шишками, семена его вызывают бешенство» (л. 76).

2. «Японча (japoncza) бурская, черевчатая. Опонча (oponcza) черевчата из города Бурга в департаменте Францкии Берри» (л. 81).

3. «Лелею — pieszcz, kolysam: „под звуком труб повиты, под шеломами возлелеяны“. Повесть о Мстиславе I Володимировиче» (л. 86).

4. «Сизый орел в Повести о Мстиславе I. Орел (orel, orzel) в славянских повестях и песнях означает предвестие, возвешение, посольство; наоборот, орлица, теряющая детей, означает дурную славу, клевету»²² (л. 103 и 108).

5. «Паволока княжеская. Повесть о Мстиславе I. „Святослав от них (греков) не хотяше брать ни злата, ни сребра, ни бисерцы, точию оружия, щиты, мечи и паволоки, чего ради смути весь народ греческий“. Синописис, стр. 39» (л. 104).

6. «Rzegotać, skrzeczeć, соахаге, по-русски — рокотать (brzmieć, brzęczeć). Живые струны зарокотали. Повесть о Мстиславе I» (л. 107 об.).

7. «Серьга с жемчугом, zausznicza s perlami, 1356 г. В Духовной кн. Иоанна Иоанновича» (л. 108).

Если в приведенных комментариях и нет никаких выдающихся находок, то вместе с тем они нисколько не уступают тем объяснениям древнего памятника, которые были даны первыми его исследователями, и свидетельствуют о настойчивом желании Ходаковского уяснить «Слово». В своей работе над ним Ходаковский стал на путь объяснения лексики и образов поэмы путем сравнения с другими памятниками древнерусской и славянской письменности. Список литературы, которой пользуется Ходаковский, обширен: словари на разных языках, летописи, грамоты. Он привлекает для сравнения и народную поэзию, ибо в ней, согласно твердому убеждению ученого, сохранились пережитки глубокой древности.

В нескольких случаях Ходаковский цитирует древнюю поэму не совсем точно, по памяти, он знает ее наизусть. «Слово о полку Игореве», воспринимаемое Ходаковским как произведение большого значения, национальная эпопея, «Игорьда», служило для него не только предметом изучения, но и стимулом в его исторических исследованиях.

В «Словаре старинных польских выражений» нашел отражение ранний период занятий Ходаковского «Словом о полку Игореве». Безусловно более плодотворными были его занятия в петербургский и московский периоды его жизни (1819—1824), когда он знакомится и общается с Карамзиным и другими рус-

²² Ходаковский ссылается здесь на украинскую песню, которую, по его словам, поют «под Кременцем»: «Погубила орличенька діти».

скими историками и археографами, главным образом членами Общества истории и древностей российских.

К сожалению, о последующих наблюдениях Ходаковского над древней поэмой мы можем судить лишь на основании маргиналий на принадлежавшем ему экземпляре «Истории государства Российского»²³ и главным образом на основании его «Историко-географического словаря». Названный словарь состоит из четырех огромных томов, общим объемом свыше 3500 страниц (1864 листа), и представляет собой алфавитный перечень древних славянских географических названий, составленный Ходаковским по материалам его личных поездок и экспедиций, архива межевой канцелярии, летописей, грамот, а также монастырских и писцовых книг. Словарь Ходаковского не был учтен ни И. Д. Беляевым, ни Н. П. Барсовым, ни другими специалистами в исторической географии, хотя своего значения он не потерял до сих пор.

Некоторую пользу «Историко-географический словарь» Ходаковского может принести и комментаторам «Слова». Один пример такого обращения если не к словарю Ходаковского, то к извлечению из него, напечатанному Погодиным в 7-м томе «Русского исторического сборника», мы можем найти в исследовании Е. В. Барсова. Говоря о возможном переносном значении слова «Дунай» в «Плаче Ярославны», Е. В. Барсов ссылаясь на Ходаковского, который привел в своем «Донесении» более сорока географических названий с корнем «Дунай», встречающихся на огромной территории от Балкан до Волги.²⁴

Словарь, по замыслу составителя, должен был отвечать потребностям не только исследователя-историка, но и филолога и этнографа. Ходаковский пользовался гнездовым способом и объединял слова, имеющие общий смысл и корень, нередко нарушая их алфавитный порядок. При составлении словаря Ходаковский постоянно держал в поле своего зрения «Слово о полку Игореве». Значительное число географических терминов древней поэмы (Деремела, Дон Великий, Малый Донец, Немига, Посулие, Рим, Стugna, Тьмуторокань и др.) с обязательным указанием на то, что они упоминаются в «Слове о полку Игореве», нашли место в «Историко-географическом словаре» Ходаковского. «Слово» интересовало автора словаря не только своей топонимикой, но и вообще всем тем, что оставалось в нем неразъясненным. В одном

²³ На экземпляре «Истории государства Российского» (т. I, II и III — ГПБ, собр. Погодина, № 2022) в местах, где Карамзин цитирует «Слово», Ходаковский выписывает оттуда многие слова: болонье, Шоломя, живой огонь, русское злато, лелеать корабли, Деремела, харалужные мечи, чернеть, гоголь и др. На некоторых маргиналиях Ходаковского, относящихся к «Слову о полку Игореве», мы остановимся ниже.

²⁴ Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III. М., 1890, с. 225.

месте словаря — к словам, относящимся к гнезду «Звон», — на вклеенном листке мы находим сделанную Ходаковским заметку: «тект-цект дятла (tekt-cekt dzięciolowy)».²⁵ Совершенно очевидно, что Ходаковский хотел указать здесь на существующий в польском языке глагол *цекаць, цёкаць* (сескас, сіокас), которому в словаре Линде даны следующие русские эквиваленты: тюкнуть, тюкать, чокнуть, чокать.²⁶ Думается, что подобное указание не лишено известного интереса.

Наши представления о Ходаковском как комментаторе «Слова о полку Игореве» заметно дополняются теми страницами словаря, которые отведены географическим названиям с корнем «Тур».²⁷

Еще в своем «Словаре старинных выражений» Ходаковский записал: «Тура мясопустного дети боятся. *Трок.* Тура по колядке давней водили на Украине от одного села к другому» (л. 111 об.). В той же тетради (л. 61) находим и такую запись: «Ингварь имя славянское», в „Игориде“ — то ж Буйтур».

Большое количество славянских географических названий типа Тур-город, Тур-озеро, Турьи горы, Туровск и т. п. (а в «Словаре» это самое большое гнездо слов — свыше ста названий) Ходаковский объяснял огромным значением тура в жизни и верованиях древних славян.²⁸

Ходаковский несомненно преувеличивал значение языческой обрядности в образовании географических названий. Тем не менее он настойчиво боролся с явно несостоятельными попытками возводить топонимику к мифологическим князьям и героям. «Нескладные сии выдумки летописцев, — писал в связи с этим Ходаковский, — а может быть только их переписчиков, не заслуживают повторения».²⁹ Только более устойчивые и долговременные особенности жизни и быта древних обитателей края обуславливали, по его мнению, состав и характер топонимики.

На полях «Истории государства Российского», в том месте, где Карамзин уверенно производит название города Турова Минской губернии от имени варяга Тура, «повелевавшего некогда сей область» (т. I, с. 118), Ходаковский подчеркивает это имя и иронически добавляет от себя: «который был с рогами».

Неоднократное упоминание имени тура в «Слове о полку Игореве» (рыкают аки тури, Яр-тур, Буй-тур), с точки зрения Хо-

²⁵ ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 2018, л. 427.

²⁶ Linde S. B. Słownik języka polskiego, t. I. Lwów, 1854, s. 222, 311.

²⁷ ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 2018, л. 249—251.

²⁸ Интереснейшие сведения об образе тура в фольклоре восточных славян собраны в статье Доленги-Ходаковского «Извлечение из плана путешествия по России для отыскания древностей славянских» (Вестник Европы, 1820, ч. CXIII, № 18, сентябрь, с. 99—118).

²⁹ ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 2017, л. 239 об.

даковского, явилось верным отражением характерных особенностей жизни, быта и поэзии древних славян, т. е. было отнюдь не случайно.³⁰

В «Историко-географическом словаре» Холаковского мы находим также хотя и небольшой, но весьма любопытный комментарий, относящийся к следующему замечательному по экономии языковых средств и выразительности месту из «Слова о полку Игореве», в котором изображаются трагические последствия поражения Игоря: «Се у Рим кричат под саблями половецкими, а Володимир под ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!» (Слово, с. 28).

Согласно предположению Н. М. Карамзина, Риму «Слова» или Римову русских летописей соответствует современный город Ромны. Долгое время эта точка зрения разделялась всеми историками и исследователями «Слова о полку Игореве». Достаточно указать на то, что еще в 1907 г. в «Географическом указателе» Археографической комиссии к «Полному собранию русских летописей» названная точка зрения Карамзина не отвергалась полностью. Однако уже в 1850 г. М. П. Погодин указал на то, что «Ромен в Духовной Мономаховой упоминается особо от Римова», и высказал предположение, что последнему соответствует селение Рим на границе уездов Роменского, Лохвицкого и Прилукского.³¹ В 1852 г. к мнению Погодина присоединились И. Д. Беляев³² и С. М. Соловьев.³³ Новую точку зрения о местонахождении летописного города Римова высказал в 1907 г. В. Г. Ляскоронский. Последний полагал, что летописный Римов должен был находиться еще далее, чем селение Рим, в юго-западном направлении от Ромен, ближе к тому пути, по которому обычно совершали набеги на Киевскую Русь половцы.³⁴ К точке зрения В. Г. Ляскоронского приближался в своем исследовании «Слова о полку Игореве» и акад. А. С. Орлов. Не выразив своего отношения к гипотезе Погодина—Беляева—Соловьева, А. С. Орлов предлагал искать местонахождение города Римова в нижнем те-

³⁰ Правильность и самостоятельный характер подобных экскурсов Холаковского в область исторической географии и народного творчества станут очевидны, если вспомнить, что даже через несколько лет после его смерти М. Т. Каченовский с кафедры Московского университета силился утверждать, что тур — это название кавказского барана, и, обнаруживая странное нежелание обратиться к летописным и другим источникам, наличием этого слова в древней поэме тшился доказать ее поддельный характер (Учен. зап. Моск. ун-та, 1834, ч. V, с. 457).

³¹ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV. М., 1850, с. 266—267.

³² Беляев И. Д. О географических сведениях в древней России. — Зап. Русск. геогр. об-ва, 1852, кн. VI, с. 94.

³³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. II. М., 1852. с. 414; т. VI, примеч. 456.

³⁴ Ляскоронский В. Г. Русские походы в степи в удельно-вечное время. СПб., 1907, с. 9—10.

чений Сулы.³⁵ Несмотря на то что названная гипотеза В. Г. Ляскоронского впоследствии была поддержана К. В. Кудряшовым,³⁶ признать ее уединительной нельзя, так как она не находит никакого подтверждения в топонимике местности, а предположение Ляскоронского и Кудряшова о том, что современные названия Малая Буромка и Супромы являются производными от «Гимов», не выдерживает никакой критики.

Достоинно внимания то обстоятельство, что гипотеза Погодина—Беляева—Соловьева тридцатью годами ранее была высказана Зорианом Доленгой-Ходаковским, у которого она, вероятно, и была заимствована Погодиным. В четвертом томе словаря Ходаковского на л. 332 об. читаем: «Рим — село в Прилуцком уезде, у истока Глинной, впадающей в Удай. Замок здесь. 1185. Карамзин, т. III, прим. 72. Урим в Слове о полку Игореве».

Ходаковский настолько твердо придерживался своего взгляда в отношении местонахождения Гима—Гимова, что в своем экземпляре «Истории государства Российского» в трех случаях, где Карамзин отождествляет Гимов с Ромнами (т. III, с. 66, 431 и 432), Ходаковский зачеркивает последнее название и исправляет на «село Рим в Прилуцком уезде».

Ходаковский говорил о себе, что он пешком исходил славянские земли «от Шлезии до Москвы и от берегов Днестра до Беловерского уезда». На какие данные он полагался, делая заметку о селении Рим: «Замок здесь»? На собственные воспоминания? На показания старожилов или очевидцев? Если это замечание Ходаковского о нахождении «замка» соответствовало истине, — а в добросовестном характере его работы над «Словарем» ни малейших сомнений у нас не возникает, — то оно является дополнительным доводом в пользу отождествления села Рим Прилуцкого уезда с летописным Римовым и Римом «Слова о полку Игореве».

Внимание исследователей «Слова о полку Игореве» должна привлечь также и попытка Ходаковского определить местонахождение реки Немиги.

³⁵ Орлов А. С. «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1946, с. 123. В отличие от Погодина, Беляева и Соловьева, которые рассматривали вопрос о летописном Римове безотносительно к Риму «Слова о полку Игореве», А. С. Орлов сделал в своем исследовании весьма ценное замечание о том, что летописец, называя в одном случае город Римовым, прилегающее к нему болото именуется не Римовским, а Римьским, что позволяет нам уверенно отождествлять летописный Римов с Римом «Слова о полку Игореве». Добавим к этому от себя, что об отождествлении Римова и Рима свидетельствует еще одно место Ипатьевской летописи под 1185 г.: «идуци же мимо «половци» пристушиша к Римови». Здесь «Римови» является дательным падежом от именительного «Рим», подобно тому как дательным падежом является употребляемая в этой же летописи и в этом же месте форма «к Донови» (к Дону): «хотя ити на Половци к Донови на все лето». Дательный падеж от «Римов» был бы «к Римову».

³⁶ Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948, с. 74—76.

Небольшой отрывок древней поэмы, в котором с изумительным и неповторимым мастерством увековечена битва 1067 г. Всеслава Полоцкого с Ярославичами («На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чеши харалужными, на тоцѣ животь кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костями русскихъ сыновъ» — *Слово*, с. 36), вдохновлял Гнедича, Катенина, Пушкина и других русских поэтов.

Однако в научных исследованиях о древней поэме определению местонахождения Немиги почти не уделялось внимания. Где же происходила знаменитая битва? Первые переводчики «Слова» отождествили Немигу с Неманом. Это наспех сделанное отождествление подкрепил своим авторитетом Карамзин, и с тех пор на протяжении столетия оно повторялось или подразумевалось почти всеми исследователями и переводчиками «Слова», даже в тех случаях, когда последние для сохранения колорита древности и сохраняли название Немига. Достаточно сказать, что Е. В. Барсов в 1890 г. не решался предложить свое решение этого вопроса, хотя и сомневался в правильности мнения о нем Карамзина.³⁷ Однако в 1850 г. М. П. Погодин высказал предположение, что Немигой, упоминаемой в «Слове», мог быть проток в Минске, впадающий в Свислочь с правой стороны, оговорившись при этом, что Ходаковский, открыв Немигу в Минске, не решался считать ее местом битвы 1067 г.³⁸

В очень осторожной форме отождествление Немиги «Слова» с Немигой в Минске, вероятно не без влияния Погодина, сделал в 1865 г. Н. П. Барсов.³⁹ В 1871 г. он повторил свою точку зрения в более настойчивой и развернутой форме.⁴⁰

Последним по времени исследователем, который занимался определением местонахождения Немиги, был К. В. Кудряшов.⁴¹ Идя в своих умозаключениях самостоятельным путем, Кудряшов весьма убедительно доказывает, что Немиге «Слова» соответствует ныне не существующая река, протекавшая через окраину Минска и впадавшая в Свислочь.

В третьем томе «Историко-географического словаря» Ходаковского (л. 64 об.) дан пространный перечень географических названий, родственных по звучанию с Немигой. Мы приведем здесь только часть этих названий:

«Немига — озеро в Валдайском уезде <...>

Немиги — в Гдовском на р. Чутке.

³⁷ Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III, с. 222.

³⁸ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV, с. 305.

³⁹ Барсов Н. П. Материалы для Историко-географического словаря России. Вильно, 1865, с. 149.

⁴⁰ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. — Варшавские унив. известия, 1873, № 4, с. 84.

⁴¹ Кудряшов К. В. Половецкая степь, с. 78—79.

Немига — часть г. Минска, что над Свислочью.

Немига — в „Слове о полку Игоря“. Река. „На Немизе...“. Карамзин» (т. II, прим. 118) полагал, что это река Неман. 1067».

Из того, что Немига из «Слова о полку Игореве» помещена в «Словаре» Ходаковского под Немигою в Минске, можно заключить, что вопреки мнению Погодина у Ходаковского было убеждение в идентичности этих названий. Об этом же в более ясной форме говорят и замечания ученого на принадлежавшем ему экземпляре «Истории государства Российского». В двух случаях (т. II, с. 71 и т. III, с. 216) Ходаковский подчеркивает в тексте Неман и исправляет на полях на Немига, а в одном месте (т. II, с. 380) против слов Карамзина «Летописец называет реку Неман Немизою» Ходаковский пишет: «Немига — проток в Минске и город недалеко от Орши».

Гипотеза о тождестве Немиги в летописях и «Слове о полку Игореве» с Немигой в Минске, впервые выдвинутая Ходаковским и не только не отвергнутая до настоящего времени, но, наоборот, неоднократно подтвержденная другими исследователями, наилучшим образом свидетельствует как о самостоятельности мысли, так и о глубине исторических познаний Зориана Доленги-Ходаковского.

В заключение изложим здесь подсказываемый «Словарем» Ходаковского вывод в отношении «монастыря на Дудутках». В свое время Е. В. Барсов, останавливаясь на этом названии, писал: «Все без исключения комментаторы и переводчики „Слова“ повторяют в данном случае мнение того же Карамзина, что Дудutki — местечко близ Новгорода, где и теперь монастырь, так называемый на Дудутках. Где это местечко и что это за монастырь — до сих пор никто не проверил. Неволин в своих „Новгородских пятинах“ не сделал на то ни малейшего намека».⁴²

Полезно заметить, что никакого намека на «монастырь на Дудутках» близ Новгорода не сделал также и митрополит Евгений, автор «Исторических разговоров о древностях Великого Новгорода», изучавший последние не только по книгам, но и практически, исполняя в течение ряда лет (1804—1808) должность викария новгородского. К тому же, как известно, история и местоположение монастырей всегда были предметом особого интереса митрополита Евгения. Тем не менее когда в 1814 г. К. Ф. Калайдович обратился к нему за разъяснением нескольких трудных слов из Песни Игоревой (а одним из трудных слов Калайдович считал и «Дудutki»), то Евгений ответил Калайдовичу отказом.

Несмотря, однако, на всю шаткость гипотезы Карамзина в отношении Дудуток, на протяжении ста с лишним лет, насколько нам известно, только два исследователя «Слова о полку Игореве»

⁴² Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III, с. 222.

высказали о Дудутках точку зрения, отличную от карамзинской. Первый из них, В. Г. Анастасевич, полагал, что Дудutki — это «Будutki», или «Будутина весь», — село княгини Ольги, упоминаемое в Никоновской летописи. Анастасевич полагал, что это село находилось под Псковом.⁴³ Второй из названных исследователей, И. Д. Беляев, отождествлял Дудutki «Слова» с нынешним селением Дудичи, расположенным к югу от Минска.⁴⁴

В первом томе «Словаря» Ходаковского под словом «Дуда» собрано около сорока названий типа Дудичи, Дуды, Дудки. Среди них названия селений, монастырей, ручьев и даже мельниц. Однако все они удалены от Новгорода территориально, и, может быть, отчасти поэтому запись Ходаковского на л. 328 — «Дудutki в „Слове о полку Игоря“» — осталась нерасшифрованной.

Ходаковский был знатоком новгородских древностей. Во время своего путешествия 1820—1821 гг. он посещал Новгород и к этому посещению тщательно готовился, получая многочисленные наставления и сведения о Новгороде от любителей старины, в том числе и от митрополита Евгения.⁴⁵ Под Новгородом в 1820 г. Ходаковский раскапывал так называемую «могилу Гостомысла». Здесь же неутомимо собирал он сведения о новгородских древностях от местного населения. В особой рукописи (ГПБ, собр. Погодина, № 2018), куда Ходаковский вносил бытующие у славянских народов названия различных растений, животных и предметов домашнего обихода, Новгород стоит на первом месте: мы находим там около сотни разных названий, записанных от жителей Новгородского уезда. Новгородская топонимика самым исчерпывающим образом представлена также и в «Историко-географическом словаре» Ходаковского. Вот почему отсутствие в этом «Словаре» расположенного близ Новгорода «монастыря на Дудутках» свидетельствует о том, что принятый на веру комментаторами «Слова» «монастырь на Дудутках» является печальным недоразумением, порожденным случайной ошибкой знаменитого историографа.

Таковы те несколько замечаний и мнений о «Слове о полку Игореве», которые нам удалось извлечь из двух черновых рукописей, некогда принадлежавших Зориану Доленге-Ходаковскому. Злоключения, которым подвергалось литературное наследство этого даровитого и самобытного ученого, не позволяют заключить, были ли у него работы, специально посвященные древней поэме. Тем не менее можно не сомневаться, что приведенные нами высказывания, заметки и замечания Ходаковского являются лишь

⁴³ Об этом см.: Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1950, с. 296 и след.

⁴⁴ Беляев И. Д. О географических сведениях в древней России, с. 165.

⁴⁵ См. письмо митрополита Евгения к В. Г. Анастасевичу от 9 августа 1820 г. из Пскова: Русский архив, 1889, № 7, с. 364.

небольшой частью того, что было в разное время и по разным поводам сказано им в отношении «Слова о полку Игореве».

Совершенно очевидно, что внимание Ходаковского было приковано к древнему памятнику на протяжении многих лет. Насколько велико было восхищение Ходаковского «Словом», настолько же сильным было его желание объяснить темные места древней поэмы. Если в этой работе Ходаковский и допускал иногда ошибки, объясняемые как условиями времени, так и несовершенством его собственного метода, то в основном в истолковании «Слова» он стоял на правильном пути, проверяя и проясняя произведение не только памятниками древней письменности, но также данными исторической географии и — что для того времени было особенно важно — произведениями народного поэтического творчества.

В работе над комментированием «Слова о полку Игореве» Ходаковскому удалось разъяснить или приблизиться к разъяснению нескольких темных мест древней поэмы. В процессе этой работы он все более убеждался, что в поэме об Игоревом походе достоверно отображается древнерусская жизнь XII в. Понятно поэтому, что возгласы скептиков, независимо от того, чем они были продиктованы — заведомой ли предвзятостью, недомыслием или нежеланием углубляться в изучение предмета, — понуждали Ходаковского к страстной защите «Слова».

Об этих устных выступлениях Ходаковского в защиту «Слова» мы можем судить лишь на основании косвенных данных: по некоторым местам в исторических трудах Погодина и главным образом на основании мнения о Ходаковском Пушкина. Источником сведений великого поэта о Ходаковском был, как следует полагать, М. А. Максимович, который знал Ходаковского при жизни и с уважением относился к его ученым занятиям. Пушкин мог услышать характеристику Ходаковского от Максимовича еще при встрече с ним в 1829 г. Для Максимовича, усматривавшего преемственную связь между древней поэмой и украинскими историческими песнями, воспоминание о Ходаковском при встрече с Пушкиным было вполне уместным. Мнение свое о «Слове о полку Игореве» и его «поэтическом однородстве» с украинскими народными песнями Максимович доводил до сведения Пушкина, вероятно, еще до 1834 г., когда эти суждения в новом издании песен Максимовича были закреплены печатно (см. письмо Максимовича к П. А. Вяземскому от 17 февраля 1833 г.).⁴⁶ Здесь же будет уместно указать и на то, что экземпляр своего нового издания украинских народных песен, в котором содержатся неоднократные ссылки на Ходаковского, в 1834 г. Максимович подарил Пушкину.⁴⁷

⁴⁶ Старина и новпязна. 1901, кн. IV, с. 192—193.

⁴⁷ См.: Лернер Н. Из истории занятий Пушкина «Словом о полку Игореве». — В кн.: Пушкин. 1834 год. Л., 1934, с. 93—109.

Некоторые сведения о Ходаковском Пушкин мог получить также и от Гоголя, державшего у себя в 1833—1834 гг., как сказано выше, собрание песен Ходаковского и обсуждавшего в это же время вместе с великим поэтом вопросы, связанные с украинской народной песней.⁴⁸ Но в том и в другом случае первоисточником сведений Пушкина о Ходаковском выступает М. А. Максимович. Между взглядами М. А. Максимовича на древнюю поэму об Игореvem походе и аналогичными взглядами Ходаковского существовала несомненная общность. В этой связи значительный интерес представляет следующее место из письма митрополита Евгения к В. Г. Анастасевичу от 12 июля 1820 г.: «Жадничаю узнать, выхлопотал ли что ему (Ходаковскому, — *Ф. П.*) министр при отъезде государя. А я гадаю, что он ему объявит, что на сие (экспедицию, — *Ф. П.*) не последовало благоволения, к сожалению, как и часто так объявляют. Пусть лучше потрудится нам перетолковать по-своему Игореvu песнь собранными им песнями».⁴⁹ Относившийся без всякого восторга к планам Ходаковского в отношении исследования славянских городищ, митрополит Евгений весьма благожелательно отнесся к тому, чтобы Ходаковский занялся объяснением «Слова о полку Игореve» «по-своему», т. е. путем сличения поэмы с русскими и украинскими народными песнями. Совершенно очевидно, что в названном письме митрополит Евгений высказывал не свое собственное желание, а излагал ставший ему известным замысел Ходаковского. Об этом замысле митрополит Евгений мог узнать при встрече своей с Ходаковским 1 октября 1819 г., о которой двумя днями позднее он сообщал тому же Анастасевичу: «Третьего ж дня сел было отвечать вам, но в 12-м часу ночи нечаянно явился ко мне Ходаковский и до 7 часу вечера занимал меня чтением своих теорий, на другой день тоже доканчивал и едет к вам тем же занять вас: приготовьтесь к терпению».⁵⁰

Таким образом, мы имеем основание утверждать, что уже в 1819 г. Ходаковский ставил перед собой задачу объяснения и доказательства достоверности «Слова о полку Игореve» путем сличения его с памятниками народного песенного творчества и что свои замыслы в этом отношении он настойчиво излагал друзьям и заинтересованным лицам.

Указание митрополита Евгения об этом замысле Ходаковского позволяло надеяться, что в рукописях ученого, которые не были использованы при написании настоящей статьи, в будущем удастся разыскать не известные нам его замечания о древней поэме. Все эти замечания должны быть собраны и изучены. Даже в тех случаях, когда наблюдения Ходаковского над «Словом

⁴⁸ Об этом см.: Русская старина, 1879, апрель, с. 776; Вестник Европы, 1874, март, с. 477.

⁴⁹ Русский архив, 1889, т. 30, с. 357.

⁵⁰ Там же, с. 218.

о полку Игореве» и не дают уже ничего нового по сравнению с тем, что было сказано о нем последующими поколениями исследователей, замечания его сохраняют свою историческую ценность, как материал, характеризующий место и значение древнего памятника в общественной и литературной жизни начала XIX в.

Несмотря на то что наши представления о Зориане Доленге-Ходаковском как об исследователе «Слова о полку Игореве» еще далеки от требуемой полноты, даже изложенные выше материалы убеждают нас в том, что ссылка Пушкина на Ходаковского, как на знатока «Песни о полку Игореве», не являлась чем-то случайным. Ходаковский действительно был одним из первых и для своего времени выдающимся исследователем древнейшего памятника.

Глава шестая

Г. Р. ДЕРЖАВИН И «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Вскоре после издания «Слова о полку Игореве», в то время, когда русская филологическая наука делала только робкие попытки на путях подлинно научного изучения древнейшего памятника русской поэзии, заимствованные из него отдельные понятия, выражения и стилистические формулы уже успели прочно войти в обиход русской литературной жизни, а упоминание о древнем поэте-певце Бояне, по справедливому выражению Белинского, стало «риторической фразой» русской поэзии начала XIX в.¹

Образ Бояна получил широкое распространение в поэзии 1810-х годов; нередко с ним сравнивали крупнейших представителей русской поэзии XVIII в. — Ломоносова, Хераскова, Державина.

Сравнение Державина с Бояном мы можем найти, например, в напечатанном в 1808 г. в «Русском вестнике» стихотворении некоего К. З., озаглавленном «Державину, по прочтении его перевода Пиндаровых од»:

О песнопевец! Ты возрождаешь
Гений почивших племен.
Лирой Бояна песням дорийским
Ново бессмертье даешь.²

В журнале «Русский вестник» за тот же 1808 год мы находим и другое поэтическое уподобление Державина Бояну, принадлежавшее неизвестному автору, проживавшему в слободе Малыковке (ныне гор. Вольск) Саратовской области.³

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., 1955, с. 366.

² Русский вестник, 1808, ч. II, с. 80.

³ Там же, ч. V, с. 316—323 (стихотворение «Державин», подписанное инициалами N. N.).

Приблизительно в это же время автор изданного в 1808 г. стихотворного переложения «Слова о полку Игореве» на русский язык Александр Палицын проводил параллель между Державиным и Бояном в следующих стихах:

Летите тщетные из мыслей вон мечтанья,
Восторга моего плоды, воспоминанья
О детстве и всегда мне милой стороне.
Не жить мечтательно в той славной старине,
Где древле пел Боян, где ныне песни громки
Державин предаст щастливее в потомки!⁴

Сравнение Державина если и не с Бояном, то с автором Игоревой песни находим мы и у А. С. Шишкова.⁵

Вряд ли авторы приведенных выше аналогий подразумевали какую-либо общность идей или поэтических систем двух столь отдаленных друг от друга поэтов; вряд ли они стремились уподобить, скажем, гражданский пафос поэзии Державина героическому характеру древнерусской поэзии, хотя некоторые основания для такого рода уподобления несомненно существовали. Скорее всего здесь сказывалось стремление сопоставить огромное значение славы Бояна, с одной стороны, и Державина — с другой.

Как бы то ни было, приведенные выше сравнения ценны для нас главным образом как свидетельство повышенного внимания современников Державина к древнерусской поэзии, ее темам, ее изобразительным средствам.

Количество примеров, свидетельствующих о большом интересе к «Слову о полку Игореве» современников Державина, в том числе и лиц, принадлежащих к близкому окружению знаменитого поэта, можно было бы значительно увеличить. Однако это не входит в нашу задачу, и поэтому мы ограничимся здесь лишь упоминанием имени А. Н. Оленина, с которым Державин в своей поэтической деятельности был тесно связан на протяжении длительного времени и интерес которого к древнейшему памятнику русской поэзии уже отмечался в специальной литературе.⁶

«Слово о полку Игореве» привлекло к себе внимание и самого Державина. В литературе, посвященной древней поэме, уже отмечалось несколько кратких высказываний о ней Державина, заключенных в его «Рассуждении о лирической поэзии» (1811—1816), равно как и вызванные этим «Рассуждением» замечания о «Слове» митрополита Евгения Болховитинова.⁷ Настоящее со-

⁴ Вестник Европы, 1809, ч. 47, с. 200 (стихотворение «Гавриилу Романовичу Державину»).

⁵ См.: Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе, ч. VI. СПб., 1824, с. 22.

⁶ См.: ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, с. 39—48.

⁷ См.: Слово о полку Игореве. Библиографический указатель, под ред. С. К. Шамбинаго. М., 1940, с. 16, № 10—12.

общение ставит перед собой задачу определить отношение Державина к «Слову о полку Игореве» не только по его высказываниям, но также и на примерах творчества поэта.

Державин познакомился со «Словом о полку Игореве», вероятно, сразу же после его издания. Не исключена возможность, что оно было известно ему и ранее, в списке или даже в подлинной рукописи, которая, как известно, некоторое время находилась в руках Н. М. Карамзина и ряда других знакомых А. И. Мусина-Пушкина. Как бы ни решался этот вопрос, бесспорно то, что поэт познакомился с поэмой об Игоре в походе в период полной своей творческой зрелости — почти на исходе жизни. Само собой разумеется, что эстетические принципы, на которых был воспитан Державин, имели мало общего с поэтической системой «Слова». Художественные нормы древней поэмы плохо уживались как с канонами классицизма, так и со стилем утверждавшегося сентиментализма, и поэтому даже подсказываемые чувством национальной гордости восторги перед автором «Слова о полку Игореве» и Бояном в литературной среде начала XIX в. не всегда сопровождались приятием поэтики этого шедевра древнерусской письменности.

Так, например, мы не находим никаких отзвуков Игоревой песни в поэтическом творчестве В. В. Капниста, хотя его восторженное отношение к древней поэме и глубокий научный интерес к ней нам хорошо известны (см. настоящее издание, с. 85). Безразличное или даже отрицательное отношение к поэтике древнерусской поэмы ясно выражено в двух стихотворениях В. Л. Пушкина. В одном из них, в послании к В. А. Жуковскому, полемизируя с поклонниками древнерусского «слога», В. Л. Пушкин писал:

Славянские слова таланта не дают,
И на Парнас они поэта не введут.

Поэма громкая, в которой плана нет,
Не песнопение, но сущий только бред.

Отечество люблю, язык я русской знаю,
Но Тредьяковского с Расином не равняю,
И Пиндар наших стран тем слогом не писал,
Каким Боян в свой век героев воспевал.⁸

Державина вряд ли можно отнести к числу строгих ревнителей классицизма. Поэту выдающемуся и самобытному, ему в сильной степени было свойственно и чувство жизненной правды, и глубокое для своего времени понимание вопросов народности, проявлявшейся в его творчестве, по определению Белинского, «не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в гибели ума русского, в русском образе взгляда

⁸ Цветник, 1810, № 12, с. 358—359.

на вещи».⁹ Этими особенностями Державина-поэта и был обусловлен и его отход от некоторых традиций классицизма, и его далеко не случайный интерес к «Слову о полку Игореве», и извостное приятие им поэтики древней поэмы.

Серьезный интерес к русской истории и многовековой героической борьбе русского народа со своими врагами, а также обращения Державина к фольклору — все это не могло не пробуждать в поэте желаниа разобраться с загадками Игоревой песни.

Освоение идейного и художественного богатства памятников древнерусской литературы и русского народного творчества было для Державина процессом сложным и противоречивым. «Слово о полку Игореве» ассоциировалось в сознании поэта не только с произведениями русского былинного эпоса и народными песнями, но даже с такими явлениями, как псевдославянская мифология, скандинавский эпос и поэзия Оссиана. В своих поэтических произведениях Державин переносит скандинавских скальдов в древний Новгород, он признает существование в древней Руси «рунических письмен» и, считая псевдославянские мифологические имена подлинно русскими, смело и порой неосмотрительно вводит их даже в такие свои произведения, как например анакреонтические песни. Примером подобного неразборчивого отношения Державина к поэтическим средствам может служить его «Пролог на рождение на Севере цорффорородного отрока» (1799). Уже один перечень действующих лиц этой «оперы», объединяющей персонажи как древнерусской, так и псевдославянской и скандинавской мифологии (Зимцерла, Лель, Валка, Дажбог, Ветряны, Земляны, бог Один и северные боги, пирующие в Валкале, кикиморы, русалки и т. д.), красноречиво свидетельствует о том, каким сложным и трудным путем шел Державин в своих попытках художественного воссоздания русского исторического прошлого.

Истинную причину подобного смешения у Державина русской и «северной» мифологии мы правильно определим, если вспомним, что и крупнейший для той поры знаток русских древностей Евгений Болховитинов замечал в былинах Кириши Данилова «порывы северной скандинавской лирической поэзии»¹⁰ и что, скажем, А. Н. Радищев в своих «Песнях, петых на состязаниях в честь древним славянским божествам» (1801) также весьма некритически пользовался арсеналом псевдославянской мифологии. Лишь немногие из современников Державина, как например Н. А. Львов, который, кстати сказать, и в глазах автора «Водопада» олицетворял собой «дух поэзии русской, древней»,¹¹ ука-

⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 50.

¹⁰ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. VII. СПб., Изд-во Акад. наук, 1872, с. 617.

¹¹ Там же, т. II, с. 461 (стихотворение «Память другу», посвященное Н. А. Львову).

зывали на полную неуместность «норвежского богословия» в произведениях Державина на русские темы.¹²

Условиями времени и связанной с ними ограниченностью исторических и филологических познаний Державина следует объяснить и его некритическое отношение к фальсификации А. И. Сулакадзева, так называемому «Гимну Боянову». Как известно, написанное в стиле баллады стихотворение «Новгородский волхв Злогор» (1813) было создано Державиным под сильным воздействием «открытых» Сулакадзевым подложных «нескольких произречений пятого столетия новгородских жрецов».¹³ В своем восторженном отношении к «Гимну Боянову» Державин стал жертвой излишней доверчивости и собственной палеографической и филологической неосведомленности, хотя более опытные и проницательные в этом отношении его современники, как А. Н. Оленин например, и заверяли его уже тогда в подложности рукописей Сулакадзева.¹⁴

Можно было бы указать и на ряд других заблуждений и ошибок Державина в понимании и определении древнерусской истории и поэзии, в частности на ошибочные положения в его «Рассуждении о лирической поэзии». К последним прежде всего следовало бы отнести его убежденность в том, что происхождение торжественной лирической поэзии связано с религиозным культом, его утверждение о близости «Слова о полку Игореве» к поэзии северных скальдов и Оссиану, уверенность в том, что жанры торжественной лирики «площадных или простонародных слов себе не дозволяют», и т. д.¹⁵

Важно отметить, однако, не ошибки Державина, которые, как уже сказано, во многом объясняются условиями времени, а сильную сторону в оценке Державиным основных особенностей древнерусской поэзии и в определении им той роли, которую эта поэзия наряду с былинным эпосом и фольклором в целом должна была занять в литературной жизни эпохи.

В «Рассуждении о лирической поэзии» Державин наряду с ошибочным положением о религиозно-культовом происхождении торжественной лирики высказывает ряд правильных и ценных суждений об огромном общественном значении поэзии у различных народов начиная с самых ранних ступеней их общественного развития, о появлении поэзии «на стогнах народных» и «народных собраниях», а также о переходе ее в «круги семейств».¹⁶ Подразумевая «Слово о полку Игореве», он пишет: «Славянорусский баян изображает ратное воспитание и рев-

¹² Там же, с. 276.

¹³ Там же, т. III, с. 181—186. См. также: Пыпин А. Н. Подделки рукописей и народных песен. — Памятники древней письменности, 1898, вып. 127, с. 1—22.

¹⁴ Сочинения Державина..., т. VIII, с. 903—904.

¹⁵ Там же, т. VII, с. 516—522, 592.

¹⁶ Там же, с. 520—521.

ность свою к службе князя, что на конце копья он взлелеян, доспехами повит и вычерпает шлемом своим быстрые реки. Словом, всякий древний народ, а особливо северные, воспевая свои подвиги и свои упражнения, изъяснялись, относительно чувств своих, в их гимнах и одах своим образом; ставили славу свою в героических своих песнях, гордились ими, и, не имея их, почитали себя несчастливými». ¹⁷

В этом отрывке содержится не только верное указание на героический характер древней поэмы об Игоровом походе, но также и указание на ее самобытность (всякий древний народ «изъясняется» в песнях «своим образом»).

В «Рассуждении о лирической поэзии» весьма любопытным является также место, в котором Державин затрагивает вопрос о том, какую пользу может извлечь современный ему писатель из древнерусской поэзии, к которой поэт применял неудачное, но широко распространенное в то время название «славянское баснословие».

«У нас, — пишет Державин, — из славянского баснословия, сказок и песен древних и народных, писанных и собранных господами Поповым, Чулковым, Ключаревым и прочими в так названных книгах: Досугах, славянских сказках и песенниках, много заимствовать можно чудесных происшествий. Сочинитель опер и трагик могут одно и то же содержание обрабатывать, представляя знаменитые действия, запутанные противоборющимися страстями, которые окончиваются какими-либо поразительными развязками торжественных или плачевных приключений». ¹⁸

В дальнейшем ходе рассуждения Державин объясняет также и то, почему автор опер в заимствованиях из народного эпоса поставлен в более свободное и выгодное положение по сравнению с автором трагедии.

Таким образом, мы можем сказать, что в своем стремлении оживить литературу здоровыми элементами, заимствованными как из древней, так и из современной народной поэзии, Державин обнаружил широту взгляда, не имеющую ничего общего с чопорностью и ограниченностью эстетических воззрений приверженцев классицизма.

Об особом внимании к «Слову о полку Игореве» и готовности пользоваться им в качестве образца для собственного творчества свидетельствует также и отношение Державина к «Повести о Мстиславе I, великом князе новгородском» П. Ю. Львова, изданной в 1808 г. Произведение П. Ю. Львова представляло собой попытку создания русской исторической повести, национальной не только по теме, но также по языку и стилю. Автор ее смело и часто обращается к языку и стилю «Слова о полку Игореве» и былинного эпоса. Несмотря на свой откровенно подражательный

¹⁷ Там же, с. 522.

¹⁸ Там же, с. 603.

характер (на целый ряд заимствований из «Слова» сам автор указал в специальных примечаниях) и не всегда удачное и органическое соединение элементов, заимствованных из «Слова» и народной поэзии, повесть Львова, появившаяся в обстановке слепого подражания иностранным образцам, была безусловно положительным явлением в литературе.

«Повесть о Мстиславе I» пользовалась огромным успехом у читателей. Зориан Доленга-Ходаковский видел в ней правдивое и образцовое воспроизведение событий, правов и языка древней Руси. А. С. Строганов устраивал специальные вечера и собрания, на которых происходило чтение повести П. Ю. Львова.¹⁹ А. С. Строганову принадлежал также и замысел перевода повести на французский язык. Восторгался «Повестью о Мстиславе I» и Державин. Сам автор повести рассказывал об этом следующее: «Гавриил Романович Державин был крайне доволен сею повестью. Похваляя оную, неоднократно говаривал он сочинителю, что ему хочется переложить ее в стихи и что он займется сим на просторе, когда будет у себя на Званке (в Новгородской, любимой его деревне, где провождал он летнее время). Но частые болезненные припадки и приметное изнеможение не дозволили ему заняться сим ничтожным делом».²⁰

Особый интерес Державина к «Повести о Мстиславе I» свидетельствует о пристальном внимании поэта одновременно и к «Слову о полку Игореве», и к литературным произведениям современности, создаваемым в стиле древней поэмы. В этом отношении любопытно, на наш взгляд, стихотворение Державина «Утро», написанное в 1800 г. и впервые напечатанное в 1802 г. Изобразив в нем летающих по воздуху пернатых и насекомых, Державин дополняет эту картину следующими стихами:

Те в злате, те в серебре, те в розах, те в багрянцах,
Те в светлых заревах, те в желтых, сизых глянцах
Гуляют по цветам вдоль рек и вокруг озер;
Над ними в высоте ширяется орел!²¹

Слово «ширяться» не зарегистрировано ни в первом (1789), ни во втором (1806—1822) издании «Словаря Академии Российской. по азбучному порядку расположенного». Не зарегистрировано ни одного случая употребления слова «ширяться» в литературе XVIII в., если не считать только первого издания «Слова о полку Игореве». Державин употребляет слово «ширяться» в таком же значении и сочетании, в каком встречается оно в «Слове о полку Игореве»: «Яко сокол на ветрех ширяся». Поэтому не будет ошибкой заключить, что это слово было заимствовано поэтом непосредственно из древней поэмы, хотя ни содержанием, ни темой стихотворение «Утро» и не связано с последней.

¹⁹ См.: Отечественные записки, 1826, ч. 27, № 77, с. 428—429.

²⁰ Там же, с. 429—430.

²¹ Сочинения Державина..., т. II, с. 320.

Любопытно, что в таком же значении и сочетании слово «ширяться» встречается у Державина еще в двух случаях. Первый — в стихотворении «На отправление в армию фельдмаршала гр. Каменского», написанном в 1806 г.:

Взлетел мастистый Орл — парит,
Ширяется меж звезд крылами,
Свист бурь, блеск молний под когтями;
И змей, во мгле клубясь, шипит.²²

Второй — в стихотворении 1814 г. «На отбытие великих князей из Петербурга к армии»:

Ужель пришла и вам чреда
Парить, ширяться в поднебесной.²³

Займствованное Державиным из «Слова о полку Игореве» слово «ширяться» в значении «парить» (а если сказать точнее — займствованный образ парящего орла) получило право гражданства в литературном языке. Мы встречаем его у А. Ф. Мерзлякова («Ломоносов — орел, ширяющийся в небесах медленно, стройно и важно»),²⁴ у молодого Пушкина («Воспоминания в Царском Селе»: «Вознесся памятник. Ширяясь крылами, Над ним сидит орел молодой»), Рылеева («Святослав»: «Он там, где пыл войны кипит, Орлом ширясь перед строем»), Гнедича («Илиада», песнь XII), Некрасова, Фета, Панаева, Короленко, Фофанова и ряда других прозаиков и поэтов XIX в.

Значительное количество вполне нас убеждающих примеров займствования лексики и стиля «Слова о полку Игореве» можно найти и в других, прежде всего в драматических, произведениях Державина, так как в них, согласно взглядам поэта, автор мог быть более свободен от соблюдения освященных временем эстетических норм и традиций.

Написанная в 1804 г. опера «Добрыня», названная Державиным «театральным действием с музыкою в пяти действиях», в этом отношении представляет исключительный интерес. Произведение это, несмотря на ряд недостатков, является ярким примером творческого новаторства Державина, поисков им путей к свободному от канонов и условностей классицизма искусству. В опере «Добрыня» Державиным были проявлены большой художественный такт и бережное отношение в использовании русского устного народного творчества. Характерно, что пьеса совершенно свободна от присущих более ранним произведениям Державина элементов скандинавской мифологии и обильно на-

²² Там же, с. 608.

²³ Там же, т. III, с. 190.

²⁴ Мерзляков А. Ф. Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии. — Труды Общества любителей российской словесности при Моск. ун-те, 1812, ч. I, с. 86.

сыщена русскими былинными и сказочными сюжетами, пословицами, поговорками и песнями, из которых не все были до этого известны в печати. Опера «Добрыня» явилась первой серьезной попыткой создания русской народной оперы. И. А. Крылов, написавший через два года волшебную оперу «Илья-Богатырь» (1806), во многом опирался на опыт Державина.

В опере «Добрыня» Державин дает образцы умелого использования народных обрядовых песен, о чем можно заключить даже по приводимому ниже небольшому отрывку из выступления хора в заключительном, пятом действии (явл. XI):

Катилось зерно по бархату,
Еще то ли зерно бурмицкое,
Прикатилось зерно ко яхонту:
Крупен жемчуг, яхонт светится.
Хорош жених со невестою,
Хорош Добрыня со Прелепою.²⁵

Исторический сюжет «Добрыни», мотивы борьбы древней Руси со степными кочевниками свидетельствуют об известной зависимости оперы Державина также и от «Слова о полку Игореве». Это можно показать хотя бы на двух примерах.

Во втором действии (явл. V) Прелепа произносит с досадою:

Так что же из того? Я петь ее хотела;
Отчетом никому я в чувствах не должна.
Боянова то песнь, известна всем она.²⁶

В третьем действии (явл. I) Прелепа напоминает об этой песни снова:

Какие странные сегодня приключенья
Во сне я видела! — Пожрал Добрыню змей!
Безвестный богатырь идет мне в услуженье!
Бояна песнь пропел чипчатский чародей!²⁷

Похищенная у Добрыни Тугарином песнь Бояна, выражающая и символизирующая чувство любви к русскому богатырю княжны Прелепы, играет видную роль в развитии сюжета оперы.

В словах, произносимых в третьем действии (явл. IV) хором богатырей:

Не сизы соколы по поднебесью,
Не белы кречеты под облаки,
Богатыри слетались русские
К великому князю ко Владимиру,²⁸

²⁵ Сочинения Державина..., т. II, с. 127.

²⁶ Там же, с. 72.

²⁷ Там же, с. 81.

²⁸ Там же, с. 86.

также можно предполагать отражение «Слова о полку Игореве», проявившееся как в характере самого сравнения, так и в архаической форме творительного падежа слова «облаки» — форме, не совсем обычной для народной поэзии и встречающейся в «Слове о полку Игореве» («пизым орлом под облаки»).

В отдельных мотивах оперы Державина (в бегстве Добрыни из плена, в завываниях зловещего филина), в некоторых ее фразеологических оборотах («Земля пустила стон от топота коней», «Сорока ж разве здесь в ночи не щекотала?» и т. д.) также нетрудно заметить влияние языка, стиля и образов древней поэмы об Игорево походе.

В 1808 г. Державиным была написана трагедия «Евпраксия», сюжет которой был заимствован автором из летописного «Сказания о нашествии Батыя на Русскую землю». В надежде избежать пагубного кровопролития рязанский князь Юрий отправляет к Батыю для переговоров своего сына Федора. Хан требует от молодого князя выдать ему в наложницы красавицу-жену Евпраксию. Федор отвечает отказом, и хан велит убить непокорного князя. Получив весть об убийстве мужа, Евпраксия вместе с младенцем бросается с колокольни и разбивается насмерть.

Напечатанное в «Русском временнике» (ч. I. М., 1790) «Сказание о нашествии Батыя» давало писателю лишь краткую канву событий, и в поисках изобразительных средств и творческих импульсов для реализации своего замысла Державин обращается к «Слову о полку Игореве». Уже в картинах, изображающих нашествие монголов, и в описании битвы в «Евпраксии» имеется немало общего с соответствующими картинами «Слова» (хотя традиционно регламентированный стиль произведения Державина заметно ослабляет указанное сходство). Для подтверждения нашей мысли приведем несколько примеров:

Печальный вранов крик, вой томный псов, волков
В уныние народ и ужас повергают,
Предчувствия меня несносные терзают.²⁹

Селенья стали уж и нивы пепелища,
Повсюду трупы, кровь — зверям и птицам пища.³⁰

Как черная гроза, летя с хребта ливанска,
На христианску рать неслась так бусурманска,
Пришла, ударила в передний полк челом;
Треск копий, звук мечей дол повторил и холм

Ток быстрыя потек кровавыя реки.
Как нивы злачные, ссекалися полки!³¹

Вслед столь кровавого звероподобна пиру...³²

²⁹ Там же, т. IV, с. 303.

³⁰ Там же, с. 307.

³¹ Там же, с. 339.

³² Там же, с. 346.

Гораздо большей и уже несомненно генетической близостью к «Слову о полку Игореве» отличаются те места трагедии «Евпраксия», в которых изображается разобщенность русских князей, а также речи Юрия и Федора, призывающие страну к единению и сопротивлению захватчикам:

Раздоры пагубны, трясут и твердо царство.
В них пользы черплют лишь хищенья и коварство.
И русская земля не будет ввек сильна,
Доколе бдеть о ней не будет власть одна.
Но власть верховная лишь веры и законов,
А не безумных чьих упрямств и произволов.³³

О Росс! воспрянь, вспомнь, что был, что ныне ты!
Звук славных дел твоих промчался как мечты;
Союзники тебе глумятся и соседы.
Где древние твои гремящие победы?

Встань, Игорь! Ярополк! Олег и Святослав!
И, души множества в ваш поздний род вдыхав,
Являйтесь нам в огнях на стогнах среди отчизны,
И жгите нас, поколь не сгладим укоризны,
Что стали мы из лвов стада днесь робких серн.³⁴

Не будет ошибкой полагать, что и обращение к первым русским князьям, и изображение страданий Русской земли в трагедии Державина восходят к историческим припоминаниям автора «Слова», итог которых подчеркивается в словах: «О стонати Русской земли, помянувшє пръвую годину и пръвых князей».

«Словом о полку Игореве», а точнее «Плачем Ярославны», вдохновлялся, на наш взгляд, Державин и при создании образа жены рязанского князя Федора Евпраксии, предпочитающей погибнуть вместе с младенцем-сыном, чтобы не отдать себя на погубание врагам:

Увы! так нет тебя уже, Феодор мой?
Любезнейший супруг! Расстался ты со мной;
Расстался ты навек с твоею Евпраксией,
И на груди твоей поддержанная выей
Уж дланей я твоих не буду к персям жать,
И сладостей любви из уст твоих вкушать!

Ах не увидишь нас! прости, прости навеки!
О горестная мысль! стремитесь, слезны реки,
И можете коль вы проникнуть ону тму,
Где дух его теперь, — проникните к нему,
И пламенной струей косясь его, троните,
Из крепка, смертна сна вновь к жизни возбудите,
Да встанет он меня в последний раз обнять,
Последние мои лобзанья воспринять.
Но что я говорю? Мечты сии пустыя,

³³ Там же, с. 306.

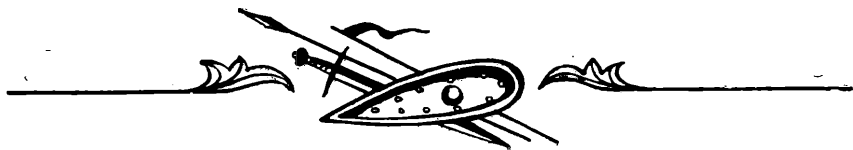
³⁴ Там же, с. 328—329.

Пойду облобызать вокруг язвы кровавыя
Я сердца моего, — пойду...

.....
Я только лишь пред ним, упавши, поклонюся
И сердца хладного, остылых уст коснуся;
Обозрю раны все, слезами умащу,
Чело мое с его челом я совмещу.³⁵

Воспитанный на образцах и в традициях классицизма, Державин познакомился с поэмой об Игоре в походе почти в шестидесятилетнем возрасте. Поэт был далек от правильного понимания как исторических условий, в которых она возникла, так и ее глубокого идейного содержания и художественного своеобразия. При полной почти неизученности «Слова», в обстановке господства старых эстетических понятий восприятие Державиным художественных особенностей древнего произведения не было таким органичным, как у его младших современников — Катенина, Рылеева, Гнедича, Пушкина. И тем не менее, как художник огромного дарования и глубокого поэтического чутья, Державин сумел увидеть в Игоровой песни высокохудожественное и правдивое отображение исторического прошлого и сумел правильно оценить ее некоторые характерные особенности. Использование образов «Слова о полку Игоре в» в трагедии «Евпраксия» свидетельствует о том, что сознанию Державина были доступны и дороги не только отдельные яркие образы поэмы, подобные образу ширяющегося под небесами орла, но также и ее гражданские, патриотические мотивы. Понимавший ограниченность и устарелость эстетического кодекса классицизма, чувствовавший необходимость обновления искусства новыми элементами, уже на склоне своих лет Державин обнаружил готовность следовать лучшим традициям народного поэтического творчества и тесно связанного с ним гениального творения древнерусского художественного слова.

³⁵ Там же, с. 366—367.

Глава седьмая

ПЕСНЬ ИГОРЕВА В НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМ ЗАМЫСЛЕ Н. И. ГНЕДИЧА

Среди рукописей Н. И. Гнедича, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, в так называемом «Собрании автографов», находятся наброски трех художественных произведений, посвященных темам, взятым из истории Киевской Руси.

Первое из этих произведений — поэма «Святослав», представленная небольшим, размером в полстраницы, планом. «И стрела половецкая прервала биение бесстрашного великого сердца»¹ — уже эти слова, которыми заканчивает свой набросок плана поэт, дают яркое представление об основном замысле произведения — дать героический образ Святослава.

Наброски второго замысла Н. И. Гнедича не имеют авторского названия. Это произведение задумано как героическая трагедия, посвященная периоду, непосредственно предшествовавшему крещению Руси, и прежде всего князю Владимиру Святославичу («Святому»), его борьбе с внешними врагами. Однако основной конфликт трагедии был связан с событиями внутренней жизни Киевского государства, с борьбой между приверженцами двух религий: киевские жрецы и «вельможи» приносят в жертву языческим богам варяга-христианина Иоанна вместе с его отцом Феодором (л. 64—70).

Третий из названных замыслов Гнедича — поэма, также без названия, посвященная периоду феодальной раздробленности Киевского государства, кровавой междоусобной борьбе удельных князей в конце XI в. и связанному с ней эпизоду — ослеплению князя Василька Ростиславича (Теребовльского), которое было

¹ ГПБ, ф. 1000, Собр. автографов, Н. И. Гнедич, л. 65. (Далее при ссылках листы указываются в тексте).

совершено в 1097 г. с ведома великого князя Святополка Изяславича князем Давидом Игоревичем Волынским (л. 71—74). Этот последний замысел заслуживает особого внимания исследователей, поскольку в нем отчетливее, чем в первых двух, отражены исторические и общественно-политические взгляды Н. И. Гнедича.

Четыре листа с черновыми набросками названной поэмы дают наглядное представление о напряженной работе над нею автора, хранят следы многочисленных исправлений отдельных слов, стихов, целых строф. Замысел поэмы о Васильке Теребовльском Гнедича представляет, наконец, большой интерес еще и потому, что в нем нашли заметное отражение мотивы и образы «Слова о полку Игореве».

Ниже дается воспроизведение черновых набросков поэмы Гнедича о Васильке Теребовльском в той их последовательности, в какой они должны были, на наш взгляд, появиться в законченном произведении.

В публикацию введен лишь последний (незачеркнутый) слой текста. Отброшенные автором варианты воспроизводятся в исключительных случаях: во-первых, когда отброшенный текст представлен не отдельными словами или частями фразы, а завершенными в смысловом отношении фрагментами; во-вторых, когда зачеркнутому слову или фразеологизму автор по забывчивости не дал никакой замены. Зачеркнутые слова в таких случаях вводятся в основной текст и заключаются в квадратные скобки.

Круглые скобки в публикуемом тексте принадлежат Н. И. Гнедичу.

Звезда над Киевом горит,²
Кровавая по небу бродит,
Как бы бедой земле грозит
И с неба русского не сходит.
То божий гнев, то знак беды,
[Так думал народ]
Или усобица (князей),
Или набеги печенегов,
Иль мор, иль глад
Поразят наш град,
Иль хуже их — усобица князей.
Над градом Киевом звезда в ночи горит,
Ночь каждую с хвостом над градом бродит,
Недаром знаменье небесное грозит,
С небес оно злоещее не сходит.
И таинственный страх на сердце нам наводит.
То божий гнев, то кнут злоеший для князей
[Так говорил народ]

² На полях справа следующее замечание Н. И. Гнедича: «NB. Начало от поэта кратко — и даже тотчас ввести в действие народ, указывающий на комету и рассказывающий о других чудесах тихо-шепотом, и вдруг еще более пораженный извержением из Днепра чудовища. После чего народ тихо и уныло расходится. Ночь — шумный пир князей».

На их раздор, на ненависть меж братьий
[Они куют]
О Ярослав!..

(Л. 72)

Беда висит над землею русскою,
Беда грозит Киеву престольному,
Знаменья зловещие не сходят с неба.
Недаром знаменья горят
И с неба русского не сходят.
То звезды косматые над нами бродят,
То солнце среди дня бледнеет как луна,
То Волхов, замутясь, бежит назад к исходу,
То Днепр река волнуется без ветра,
Из пучин своих искидывает страшилищ,
Искидков естества.
И раз увидел вдруг народ,
На берег Днепра упал с волною
Невиданный страшилище урод,
Труп с человеческой главою,
Но с членами не на местах,
С присоспими к главе ногами.
— Не быть добру, — говорили киевляне, —
Беды нам угрожают...³

(Л. 71)

Бог казнит нас за грехи князей русских, за вражды и крамолы [коиими они куют], за ненависть и раздоры, какими они разделили свои семьи и землю русскую и [предали их поганству половецкому] наводят на нас поганых половцев. [Благоденствие древней Руси умерло с Ярославом]. О Ярослав, ты свел во гроб счастье земли русской. Ты разделил Россию. Дети твои зажгли вражду, которая выльется только в крови народа. [Уже Ярославичи оросили берега Немени] (Из Песни Игоря) [Всеслав, т. II, с. 71, Кровожадный Всеслав] Уже свирепый Всеслав воюет Псков, Новгород, грабит святую Софию и берега Немени [обогрился кровию христианскою] убелил костями русскими. Свирепые

³ Приводим один из первоначальных вариантов этого же отрывка:

Так думал, так вещал народ,
На страшную комету глядя,
И вдруг из волн Днепровых вод
С волною на берег что-то страшное хлестнуло,
И видят: мертвый, невиданный урод —
Голова человеческая и с человеческими членами

не на местах, безобразно разметанными по телу. Народ столпился, глядел на него и ужасался — что это за диво? — Это земля русская, — молвил старец-варяг в толпе бывший, — ее члены не соединены единым разумом, единой властью. Горе, горе стране, где властвуют многие. Сказал и умолкнул. Вещий глас его «властнее» врезался в сердца умных киевлян: но толпа бросила урода опять в волны. — Это выродок Перунов, — говорили они. — Это его наваждение, он страшит нас. Все потянулись по берегу (л. 74).

половцы уже разделяют наше отечество. Горе, горе земле русской, горе стране, где властвуют многие. Она погибнет, варвары ослабляют ее. [Так говорили] киевляне, смотря на комету, еще пламеневшую по ночам над Киевом, так говорили. Так думали и предавались унынию. Но не так думал князь киевский, двор его гремел музыкой» (л. 71).

Гремят гусли на дворе Святополка,
Мед пенится в золотых кубках,
И круговая чаша ходит между радостных гостей,
Святополк возвратился из Любеча.
В Любече все князья русские были на сборе.

Сидя на одном ковре, они рассуждали, что отечество гибнет от их несогласия, что пора прекратить междоусобие, унять половцев и водворить мир и любовь. Каждый целовал святой крест и говорил: — Да будет земля русская общим отечеством, а кто восстанет на брата, на того мы все восстанем. Так они клялись, обнялись братски и, возвратясь, предались радости. [Но народ не разделял их радости]. Святополк объявил народу... Но киевляне не радовались с Святополком. Мрачные презнаменования, страшные предчувствия волновали их души и они сбылись. Священный союз князей был в одно время заключен и разорван самым гнуснейшим злодейством, какого еще не совершалось на земле русской⁴ (л. 71 об.).

И брат на брата острил нож,
Давид на Василья ковал крамолу,
Он наговаривал Святополку...⁵

3

— Куда ты едешь, — говорил отрок князю,
Давид тебя ловит в сети, Давид
На тебя злобен: он завидует твоей
Славе и, прикрывая злость, уверяет,

⁴ Приводим первоначальный вариант этого отрывка:

Беды, беды грозят нам,
Так думал народ,
Но не так думал князь киевский.
В мраке ночи двор Святополка светится огнями,
Шумят гусли, князь веселится,
Он был на Любече, целовал крест
И празднует союз с князьями.
Князь зовет на именины к себе
Василья...

(Л. 74 об.)

⁵ На полях справа следующее замечание Н. И. Гнедича: «Князь Тереволь. Василек. Василий Тереволья князь. (Описание его характера, храбрости, побед — и сим возбужденной зависти в Давиде)». Нумерация следующего отрывка принадлежит Н. И. Гнедичу.

Что ты враг их, что ты убийца Ярополка. Как я
Убийца? Ты помнишь, ты убийца
Был принят в Перемышле?
Но его принял Рюрик, не я, я невинен:
Но Давид тебя (*1 слово нрзб.*)⁶

(Л. 71 об.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так несчастный князь в стенах темницы
Открывал душу свою иноку, и голос его,
Достойный героя, услышали мы, и певец,
Проникающий взорами тьму времен певец
Между теней царственных, обгаренных
Кровию своих подданных, увидел и твою
Тень, покрытую своею кровию.
И благословят тебя, страдалец-герой,
Но проклянут твоих убийц, убийц всего благородного
И великого, рабов низости, унизивших дух народа,
На Россию накликавших рабство.

Или так:⁷

И запылал с тех пор раздор,
На землю русскую сошла беда,
Земля русская поросла бедою,
И часто убийственный топор
В руках сынов над отчей головою...
И пала Россия под иго варваров
И сделалась рабою.

(Л. 73)

В приведенных выше набросках поэмы о Васильке Теребовльском некоторые «главы» ее никакого развития не получили. Образ и характер самого героя поэмы, равно как и характеры Давида и Святополка, не раскрыты в этих набросках. Совсем не показана в них и сцена насильственного ослепления героя. Это обстоятельство затрудняет определение как состава поэмы, так и ее идейной направленности. Но сколь бы ни была далека от завершения поэма Гнедича, рассматриваемые отрывки позволяют высказать о ней несколько бесспорных утверждений.

⁶ Приводим первоначальный вариант этого отрывка:

— О, не езд, — говорил ему юноша,
[Союз ваш будет разорван
Злодейством, какого...]
Давид на тебя злоумышляет...
— Но мы целовали крест.

Юноша излагает подозрение Давида в убийстве Васильком их брата. NB: Здесь должен быть в разговорах юноши изложен весь характер Василька, храброго, настоящего и тем возбудившего зависть (л. 74 об.).

⁷ Это указание («или так») на возможность иного, сразу же за указанием следующего варианта заключения поэмы сделано Н. И. Гнедичем.

Прежде всего скажем о том, что работу Гнедича над перечисленными нами тремя замыслами следует отнести к 1818—1820 гг. Подобную датировку мы даем исходя из следующих соображений: на двух листах с набросками драмы из времен Владимира Святославича (л. 66 и 67) имеется водяной знак 1818 г.; следовательно, работу не только над этой драмой, но, вероятно, и над остальными двумя замыслами Гнедич начинает не ранее 1818 г. Возможно, что непосредственным поводом для обращения Гнедича к темам из древнерусской истории послужили выход «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и вызванные ею споры в литературных кругах. С другой стороны, с начала 20-х годов Гнедич целиком уходит в работу над переводом «Илиады» и его обращение к написанию названных нами набросков после 1820 г. вряд ли было возможным.

Заметим здесь же, что, вероятно, к этому же периоду, т. е. к 1818—1819 гг., относится и одно место в «Записной книжке» Гнедича, проясняющее вопрос о том, как оценивал поэт начальный период Киевского государства: «Днепр — сия величественная река, повествует, протекая, громкие деяния времен древних, и тени Святославов и Владимиров, кажется, скитаются по ее берегам».⁸

Названные наброски дают возможность установить также и источники, которыми пользовался автор. Часть из них указана им самим на полях или же в самом тексте набросков (л. 67 и 70). Это — Летопись Нестора, «Временник русский», «Книга степенная» Г.-Ф. Миллера, «Ядро российской истории» А. И. Манкиева, «История российская от древнейших времен» М. М. Щербатова. Не называя имени Карамзина, Гнедич ссылается и на него простым цифровым обозначением («т. II, с. 71» и «т. II, с. 105») на листах 71 и 74 об. своих набросков. Открывая второй том «Истории государства Российского» Карамзина на 71-й странице под годами 1061—1064, находим описание именно тех событий, которые волновали поэтическое воображение Гнедича: «С сего времени, — пишет там Карамзин, — начинаются бедствия России, и Летописец сказывает, что небо предвестило их многими ужасными чудесами; что река Волхов шла вверх пять дней; что кровавая звезда целую неделю являлась на западе, солнце утратило свое обыкновенное сияние и восходило без лучей, подобно месяцу; что рыболовы киевские извлекли в неводе какого-то удивительного мертвого уroda, брошенного в Днепр». С указанной Гнедичем 105-й страницы второго тома «Истории государства Российского» начинается изображение событий, послуживших непосредственной темой для поэмы Гнедича. Некоторые выражения Карамзина переходят в произведение Гнедича в неизменном виде.

⁸ См.: Тиханов П. Николай Иванович Гнедич. Несколько данных для его биографии (по неизданным источникам). СПб., 1884, с. 73.

Что касается центрального образа поэмы, Василька Теребовльского, то на представлениях о нем Гнедича, помимо соответствующих мест у Карамзина, не могло не отразиться также подробное, в приподнятом тоне сделанное описание жизни этого князя историком М. Щербатовым. «Повествование о сем ослеплении, — писал этот историк, — в Летописце преподобного Нестора весьма обстоятельно есть и смешенно с толикими ужасными обстоятельствами, что чувствительное сердце с трудом может его читать: и тако для сохранения единственно самой верности, и для непрощения никаких обстоятельств истории здесь его предложу».⁹

В своих занятиях русской историей, так же как и в работе над переводом «Илиады», Гнедич испытывал сильное воздействие оленинского кружка. И А. Н. Оленин и в еще большей мере А. И. Ермолаев начиная с 1815 г. святили десятилетия работы над изданием русских летописей. Заметим кстати, что в копии Лаврентьевской летописи, принадлежащей к архиву Олениных, рукою А. И. Ермолаева сделаны два замечания о Васильке Теребовльском, свидетельствующие об особом внимании к этому сюжету первого русского палеографа и выдающегося знатока древней русской истории.¹⁰

Таким образом, разрабатывая свои замыслы из древнерусской истории, Гнедич имел возможность прибегать и, вероятно, прибегал к весьма разносторонним источникам. По изучаемым наброскам видно, что поэт стремился строить свои произведения на прочной базе тех сведений, историческая достоверность которых представлялась для него бесспорной. Лишь в немногих случаях у Гнедича наблюдаются известные отступления от исторической истины и фактографической точности, как например употребление выражения «стрела половецкая» вместо «стрела печенежская» в плане поэмы «Святослав». Другие «неточности» следует объяснять эстетическими соображениями автора. Поэтическому замыслу подчинены, например, картины тех «предзнаменований», которыми Гнедич обильно насыщает поэму о Васильке Теребовльском, изображая их как нечто реальное, без той даже оговорки, которая встречается, скажем, у Карамзина: «Летописец сказывает». Введение «предзнаменований» в поэму давало автору возможность создать символический образ тех ненормальных, уродливых и бессмысленных форм жизни, которые были порождены княжескими усобицами. Неслучайно в одном из вариантов той сцены, где изображается толпа, рассматривающая выброшенного волной уroda, Гнедич вводит фигуру вещего старика, сравнивающего чудовище с государством, расчлененным князьями на части, «без единого разума и единой власти» (л. 74).

⁹ Щербатов М. История российская от древнейших времен, т. II. СПб., 1805, с. 59—60.

¹⁰ ГПБ, ф. 542 (архив Олениных), № 635, с. 174, 236.

Рассмотренный нами вопрос об источниках поэмы о Васильке Теробовльском при анализе ее не является, конечно, главным. Главное состоит в определении того, как осмысливает Гнедич используемый им исторический материал, какие исторические взгляды он выражает, какую идею проводит. Следует сказать, что в рассматриваемой поэме автор дает несколько необычную для своего времени трактовку событий русской истории, трактовку, которую он не мог заимствовать ни у Щербатова, ни тем более у Карамзина. Если поэт и сходится с Карамзиным в том, что «древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие»,¹¹ то в оценке последующих периодов русской истории Гнедич, несмотря на то что он дважды ссылается на Карамзина, в известном смысле противостоит ему. В отличие от Карамзина автор поэмы о Васильке Теробовльском не только осуждает самовластие и деспотизм князей, но и противопоставляет интересам последних интересы народной массы. Народу, по замыслу автора, как об этом он заявляет сам в замечании на полях, отводилось главное место в поэме. Не случайно народ у Гнедича осуждает князей («Так думал народ <...> но не так думал князь киевский»; «То гнев, то кнут зловеший для князей за их раздор<...> так говорил народ...»). Исторические и общественно-политические взгляды самого автора выражены им довольно ясно в набросках и особенно в заключении поэмы, где певец, «проникающий взорами в тьму времен», видит «обогренные кровью своих подданных» «царственные тени» и где автор устами потомков древних героев проклинает «рабов низости, унизивших дух народа, на Россию накликавших рабство».

Анализируя наброски поэмы о Васильке Теробовльском, нельзя не заметить также и непоследовательности в общественных взглядах автора. Наряду с возвеличением народа Гнедич допустил в своей поэме известную идеализацию Василька Теробовльского, который, кстати сказать, мало чем отличался от своих притеснителей. Проявленная Гнедичем склонность оценивать междоусобицы князей с отвлеченно-этической точки зрения принуждала его в самой княжеской среде искать насильников и насилуемых, добрых и злых; возвеличивая, однако, образ «страдающего» князя, автор ограничил для себя возможность противопоставить интересы князей «общественному благу», интересам Киевского государства и тем более народным интересам.

В исторических и политических взглядах Гнедича нетрудно обнаружить черты сходства с идеологией декабризма. В сходстве этом нет ничего неожиданного, в особенности если учитывать при этом, что в 1818—1819 гг. Гнедич состоял членом «Зеленой лампы», на заседаниях которой вопросы русской истории горячо обсуждались. В идеализации Василька, как жертвы самовластия,

¹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. II. Изд. 2-е. СПб., 1818, с. 68.

также, вероятно, следует усматривать личное отношение к этому образу не только Гнедича, но и декабристских кругов в целом. И может быть не случайно десятилетием позже (1827—1830 гг.) к этому же историческому сюжету будет привлечено внимание поэта-декабриста кн. А. И. Одоевского, в поэме которого «Василько», так же как и в рассматриваемых набросках Гнедича, обнаруживаются, кстати сказать, мотивы «Слова о полку Игореве».

На исторических воззрениях Гнедича в том виде, в каком они отразились в рассматриваемых набросках и в его «Записке об истории Малороссии» (л. 64), сказалось влияние не столько декабристской идеологии вообще, сколько конкретного произведения, а именно записки «Мысли об „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина», написанной декабристом Н. М. Муравьевым.¹² Полемизируя с Карамзиным, который в своем посвятельном письме сказал знаменитую фразу: «История народа принадлежит царю», Н. М. Муравьев начинает свои «Мысли» не менее четкой формулой: «История принадлежит народам».

Аналогичным образом начинает «Записку об истории Малороссии» и Н. И. Гнедич. «История есть изображение деяний народа или его правителей», — говорит он и разъясняет далее, что «деяния правителей» история вынуждена изображать только в тех случаях, когда у народа нет истории, когда «его деяния не суть выражение его собственной воли».¹³ Не считая подробный разбор исторических взглядов Н. М. Муравьева задачей настоящего сообщения, скажем в заключение, что как «Записка об истории Малороссии», так и наброски поэмы о Васильке Тербовльском Н. И. Гнедича перекликаются со взглядами Н. М. Муравьева о необходимости для историка изобличать насильство и деспотизм самодержавия, «воспламенять гражданскую добродетель» и будить граждан от «нравственного сна квиетизма». При наличии дружеских отношений у Н. И. Гнедича с Н. М. Муравьевым подобное сходство их общественно-политических и исторических взглядов легко объяснимо.

Гнедич не только усваивал декабристские взгляды на историю России, но был в какой-то мере и их распространителем. Когда в самом начале 1820-х годов Гнедич писал находившемуся в южной ссылке Пушкину: ¹⁴ «Тень Святослава скитается невоспетая», то он приглашал этим молодого поэта взять тему из

¹² См.: Медведева И. Н. Записка Никиты Муравьева «Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина». — Литературное наследство, т. 59. М., 1954, с. 570—598.

¹³ См.: Декабристы и их время. Материалы и сообщения. М.—Л., 1951, с. 119—120.

¹⁴ Хотя это письмо до нас и не дошло, но мы знаем о нем по цитате из него, которую приводит Пушкин в своем письме к Гнедичу от 23 февраля 1825 г. (Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XIII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937, с. 45).

древней русской истории и рассчитывал, вероятно, на то, что Пушкин напишет о Святославе в родственном ему, Гнедичу, духе, а не с позиций казенного патриотизма.

Историческая концепция Гнедича могла оказать воздействие и на других молодых поэтов того времени, в частности на Рылеева и его «Думы». Сближение Рылеева с Гнедичем относится к началу 1820-х годов. Когда в своей думе «Державин» Рылеев воздавал Гнедичу хвалу за умение «воспламенять в младых сердцах к общественному благу ревность», то он, вероятно, имел в виду не только раннюю гражданскую лирику Гнедича, но и непосредственное общение последнего с молодыми литераторами, перед которыми он выступал сторонником «общественного блага» и умел показать «ревность» к нему на примерах из русской истории.

Общественно-политическими взглядами Гнедича определялось также и его отношение к «Слову о полку Игореве». Важно отметить, что Гнедич смотрел на «Слово» как на произведение, проникнутое духом подлинной народности. Во введении к «Простонародным песням нынешних греков» (1825 г.) Гнедич писал: «Род сих сравнений отрицательных, неизвестный древней поэзии греческой, составляет отличительное свойство нашей древнейшей поэзии, и высшей, и простонародной; начиная со „Слова о полку Игореве“¹⁵ до новейших песен простонародных эти сравнения встречаются в них беспрерывно».¹⁶

В этом же введении Гнедич указывал на наличие в «Слове о полку Игореве» и другой отличительной особенности песенного творчества русского народа (и отчасти народов славянских). Он писал: «Соловьи, гуси, утки, ласточки, кукушки составляют действующие лица наших песен, любимейшие сравнения древнейших произведений поэзии, начиная со „Слова о полку Игореве“».¹⁷

Как произведение народного духа оценивает «Слово о полку Игореве» Гнедич и в своей «Записной книжке». Здесь же поэт ратовал за осторожный и вдумчивый подход к «Слову» при его изучении и использовании, выступал против механического перенесения его образов в современную поэзию.

«Наши старинные повести, — писал Гнедич, — стихотворения, наши народные песни, которых богатством и истинно народным поэтическим духом мы можем перед другими народами хвалиться, а особенно гениальная, своеобразная Песнь о полку Игореве, во многих отношениях важны исторически; сии песни, без сомнения, суть хотя слабый и неопытный отголосок поэзии

¹⁵ В примечании Гнедич приводит две цитаты из «Слова»: «Не буря соколов занесла через поля широкие: слетаются галки стадами к Дону великому (...). Не сороки стрекочут, ездит по следам Игоревым Гзак и Кончак».

¹⁶ Гнедич Н. И. Соч., т. I. Изд. т-ва М. О. Вольф. СПб., 1884, с. 232.

¹⁷ Там же, с. 234.

прежних времен, достойных самого рачительного внимания и сбережения, требуют обрабатывания осторожного и благоразумного». ¹⁸

Мало сказать, однако, о том, что поэт рассматривал «Слово» как произведение народное; важно уточнить, как понимал народность Гнедич. Наброски поэмы о Васильке Теробовльском позволяют, как нам кажется, заключить, что Гнедичу было свойственно глубокое для его времени понимание проблемы народности. Последняя не сводилась для автора к усвоению народных оборотов речи или даже к изображению народного быта. Называя «Слово о полку Игореве» произведением народным, поэт видел в нем не одно только отражение народного языка и народных преданий, но и выражение народной любви к свободе. Ясно и то, что представления о «народе» и «свободе» у Гнедича, как и у писателей-декабристов, были ограничены условиями времени, отвлеченны и сбивчивы.

Народ в поэме Гнедича осуждает князей языком «Слова», и высокий гражданский и обличительный пафос древнего поэтического памятника превращался под пером поэта в инвективу против самодержавия. В идейном замысле и образах «Слова» Гнедич находил богатый материал для подтверждения своей исторической концепции и своих общественно-политических взглядов. Подобное отношение к поэме об Игоревом походе заставляет нас снова обратиться к «Мыслям об „Истории государства Российского“» Н. М. Муравьева и приведенной в них одной цитате из «Слова». Касаясь междоусобной борьбы русских удельных князей, Муравьев цитирует по этому поводу известный стих Горация «*Quid-quid delirant regis, plectuntur Achivi*» и делает к нему следующее примечание: «Та же почти мысль выражена в Песне Игореве: „В княжихъ крамолахъ вѣщи челоуѣкомъ скратишась“. В приведенном тексте «Слова» Муравьев видел прямое противопоставление князей простым людям. Несколькими строчками ниже, нападая на Карамзина за неправильное истолкование междоусобной борьбы киевских князей и явно имея в виду приведенную цитату из «Слова», Муравьев пишет: «Здесь слуги дрались по прихотям господ своих».

Почти во всех переводах «Слова» «челоуѣкомъ» в названной цитате переводится просто как «людям», и с точки зрения строго филологической такой перевод ближе к тексту древнего памятника, чем его прочтение Н. М. Муравьевым. Однако это не значит, что автору «Слова о полку Игореве» Муравьев приписывал декабристское понимание русской истории. В своем истолковании произведения он исходил не из буквального значения слова «челоуѣкомъ», а из смысла и духа всего отрывка, в котором оно встречается. Идущий за приведенной Муравьевым цитатой из древней поэмы текст («Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ

¹⁸ Тиханов П. Николай Иванович Гнедич... с. 57—58.

кикакуть, нъ часто врани граяхуть») давал достаточное основание для того, чтобы слово «человѣкомъ» прочитать как «простым людям».

Таким образом, если Н. М. Муравьев и не приписывал декабристское понимание русской истории автору «Слова о полку Игореве», то он находил в последнем материал, опору и источник для развития своих взглядов. Трудно судить, насколько распространен был в декабристских трудах подобный взгляд на поэму об Игоре в походе, но совершенно очевидно, что в своем понимании ее как произведения, в котором запечатлены жестокость и деспотизм князей, не желающих считаться с нуждами народа, Н. М. Муравьев не был одинок. Пример отношения к «Слову» Н. И. Гнедича, как нам кажется, убедительно подтверждает это.¹⁹

Зависимость Гнедича от «Слова» при написании поэмы о Васильке Теревовльском была значительной. Можно сказать, что самая тема его поэмы была в какой-то степени подсказана «Словом». Исторические воспоминания автора «Слова» охватывают тему Гнедича и хронологически, и по существу. Один из наиболее ярких образов древнего памятника, князь Всеслав, переходит в поэму Гнедича, правда, в несколько переосмысленном виде. Гнедич определяет Всеслава как «свирепого», «кровожадного» князя, носителя принципов деспотизма. В то же время в набросках поэмы о Васильке Теревовльском нет прямых заимствований из Игоревой песни; откладывая совершенствование формы на будущее, поэт стремился воссоздать прежде всего дух народности и патриотизма древнего памятника, служившего ему образцом. Заявляя в своей «Записной книжке» о необходимости «осторожного и благоразумного» обрабатывания «Слова», Гнедич несомненно выступал против тех поэтов, которые из богатой сокровищницы идей и образов древнего памятника использовали только его фразеологию. Несмотря на то что в поэме Гнедича значительное место отводится и пиру князей, и гуслирам, и даже певцу, поэт несколько не соблазняется фигурой Бояна в той его

¹⁹ Любопытно отметить, что задолго до Н. М. Муравьева приведенная им цитата из «Слова» была прочитана приблизительно так же, как читал ее Муравьев, писцом, оставившим (открытую в 1813 г. К. Ф. Калайдовичем) цитату-приписку из «Слова» на последней странице псковского Апостола 1307 г. Московской синодальной библиотеки: «При сих князѣх сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, в князѣх которы и веци скороташася человеком». Писец развил содержащееся в цитате из «Слова» противопоставление князей «людям», подразумевая при этом под последними не людей вообще, а только тот социальный слой, вероятно бесправный, жизнь которого «гинула». Кстати сказать, совершенно не отражают этого противопоставления князей «людям» те переводчики «Слова», которые выражение «в княжихъ крамолахъ вѣци челвѣкомъ скраташася» переводят как «в крамолах княжеских век человеческий сокращался» (В. А. Жуковский и следующие за ним М. Деларю, С. Басов-Верхоанцев, Г. П. Штурм и др.). В названных переводах исчезает присутствующее в оригинале противопоставление князей простым людям.

условно-сентиментальной и поверхностной трактовке, которая начиная с выхода в свет «Пантеона российских авторов» (1801) Н. М. Карамзина стала весьма популярной в литературе начала прошлого века. Задуманный Гнедичем образ певца-инока — глубоко оригинальный образ скорбящего за судьбы отечества певца-гражданина.

Гнедич вдохновляется не только содержанием и идейным замыслом древнего памятника, но и его формой. Любопытно то, что задуманная как поэтическое произведение поэма с Васильке Теробовльском не укладывается в рамки какой-либо определенной метрической системы. Форма стиха в набросках все время меняется, поэт как бы ищет ее. В рассматриваемых набросках в двух только случаях встречаются рифмованные строфы, остальная часть набросков написана белым стихом, неравносложным, неоднородным ритмически, — стихом, переходящим в отдельных местах в прозу.

Поэма Гнедича должна была явиться примером «осторожного и благоразумного» обрабатывания древних памятников поэтического творчества. И тем не менее целый ряд ее слов и выражений был непосредственно подсказан «Словом о полку Игореве». И небесные знамения, и солнце, как луна, бледнеющее среди дня, и князя, кующие крамолы, и образ земли Русской, поросшей тугой и печалью в одном случае и бедою — в другом, не говоря уже об образе «берегов Немени, убеленных костями русскими»,²⁰ — все это идет от замечательных сравнений и образов древнего памятника.

Причину незавершенности поэмы о Васильке Теробовльском следует искать не только в особенностях творческой биографии Гнедича. Издание «Слова о полку Игореве», как и появление в 1818 г. первых восьми томов «Истории государства Российского» Карамзина, обогащало современников массой новой информации о жизни Киевской Руси и древнего Новгорода и открывало перед литературой заманчивые перспективы. И вместе с тем художественное освоение исторической темы для писателей первых двух десятилетий XIX в. было сопряжено с огромными трудностями и сопровождалось ощущением известной растерянности. В сложившихся условиях, когда эстетические устои классицизма были изрядно распатаны новыми течениями (сентиментализм, предромантизм и др.), писать на историческую тему в духе «Владимира Возрожденного» (1785) М. М. Хераскова выглядело бы анахронизмом. Русская литература той поры, и в особенности

²⁰ Ср.: «Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костми Рускихъ сыновъ» из «Слова о полку Игореве» (с. 36). Согласно сложившейся в его время традиции, Гнедич вместо «Немига» употребляет «Немень». См.: *Слово*, с. 36, примеч. См. также исследования Н. Ф. Грамматина (Песнь воинству Игоря. СПб., 1821, с. 56, 112), Д. Дубенского («Слово о полку Игореве», объясненное по древним письменным памятникам. М., 1844, с. 194) и др.

поэзия, была занята поисками новых методов освоения действительности, новых жанров, новых форм стиха и т. д. В силу этого незавершенными оказались и стихотворная повесть Карамзина «Илья Муромец» (1794), и поэма о Владимире Киевском и его богатырях (1814) Жуковского, и поэма «Вадим» (1822) Пушкина, и ряд поэтических замыслов на историческую тему Грибоедова.

В замысле поэмы о Васильке Теребовльском, как уже сказано, содержалось нелегкое для преодоления внутреннее противоречие, отражавшее противоречивость общественно-политического сознания поэта. Надо помнить также и о противоречии другого рода — конфликте, который был у Гнедича с официальной идеологией его времени. «Я никогда не хотел бы быть писателем, если б мне дали делать, — говорил Гнедич. — И кто захочет писать, если он может действовать? Но кто и кому даст действовать у нас?». Не только в общественной, но и в литературной деятельности Гнедич испытывал сковывающее влияние режима самодержавия. И вместе с тем писатель не в состоянии был порвать с официальной средой и представителями официального мира, которые в лице А. Н. Оленина, С. С. Уварова и других лиц пытались всячески привлечь его на свою сторону. Это обстоятельство могло послужить дополнительной причиной, затруднившей в 1818—1819 гг. выполнение намеченного Гнедичем художественного плана.

Однако даже в незавершенном виде перечисленные нами замыслы Гнедича заслуживают внимания историков литературы не только как материал для творческой биографии поэта, но и как поэтические опыты, стоящие в большом ряду тех явлений русской литературы первой трети XIX в., которые возникали под благотворным воздействием гениального «Слова о полку Игореве».

Глава восьмая

ПУШКИН И «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Пушкин, — писал Белинский в 1841 г., — воспитал свою музу не на материнском лоне народной поэзии, а на европейской почве, был приготовлен не „Словом о полку Игоревом“, не сказочными поэмами Кириши Данилова, не простонародными песнями а <...> писателями и поэтами подражательными и нисколько не национальными, за исключением одного Крылова, которого басни, будучи национальными, все-таки не суть вполне самобытное явление, ибо их образцы найдены Крыловым не в народной поэзии, а у француза Лафонтена».¹ Хотя в этих словах и содержится зерно истины, они дают все же одностороннее представление о предмете. Критик охарактеризовал здесь не всю совокупность источников, питавших творчество великого поэта, а лишь один из них — источник западноевропейский. Между тем уже в лицейский период своей жизни Пушкин остро ощущал необходимость приобщения к источникам национальной художественной культуры.

Касаясь вопроса о развитии русского национального самосознания, историк В. О. Ключевский приходил к выводу, что «скептицизм западников конца XVIII века мешал им быть историками, и они не оставили важных трудов в русской историографии. Причина этого понятна. Отечественная история занимала их очень мало: у России еще нет исторического прошедшего, а есть только будущее».²

Однако уже в то время писатели, не утратившие чувства национального достоинства, начинают все настойчивее отстаивать мысль, что усвоение западноевропейской культуры не должно подавлять самобытность проявления национальной духовной жизни. Утверждению национально-самобытных начал русской литературы отдали немало сил Г. Р. Державин, А. Н. Радищев,

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. V. М.—Л., 1954, с. 329.

² Ключевский В. О. Соч., т. 8. М., 1959, с. 413.

И. А. Крылов. Этому же процессу как нельзя лучше способствовало и издание «Слова о полку Игореве» (1800) и «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова (1804).

Известный минимум представления об Игоревой песни Пушкин вынес, разумеется, уже из лицейского курса лекций по истории русской словесности. Кроме того, интересу Пушкина к русским древностям, в том числе и к «Слову о полку Игореве», бесспорно способствовал оленинский кружок, с которым молодой поэт сблизился вскоре после окончания Лицея.

В письме из Каменки от 4 декабря 1820 г. к Н. И. Гнедичу Пушкин благодарил А. Н. Оленина за «его любезную благосклонность»³ — участие в художественном оформлении издания «Руслана и Людмилы». Интерес оленинского кружка к этому произведению, насыщенному «преданиями старины глубокой», далеко не случаен: А. Н. Оленин и А. И. Ермолаев увлеченно трудились в это время над подготовкой к изданию русских летописей; два других члена кружка — Н. И. Гнедич (замысел поэмы о Васильке Теребовльском) и А. Х. Востоков («Светлана и Мстислав», «Певислад и Зора» и др.) — в поэтическом творчестве своем обращались к традициям древней поэмы об Игоревом походе.

Позднее исторические взгляды Пушкина совершенствовались под воздействием В. Ф. Раевского и других декабристов, с которыми в период южной ссылки поэт был тесно связан. Отпечаток исторической концепции декабристов лежит, в частности, на «Песни о вещем Олеге» и замысле поэмы о Владимире Новгородском. Какое же место занимала Игорева песнь в пушкинской интерпретации исторической темы? «„Слово о полку Игореве“, — писал в 1843 г. С. П. Шевырев, — Пушкин помнил от начала до конца наизусть и готовил ему объяснение. Оно было любимым предметом его последних разговоров».⁴

Исключительный интерес Пушкина к величайшему памятнику древнерусской литературы не нуждается в доказательствах. Неясно одно: когда именно возникает у поэта самозабвенная увлеченность этим памятником? В статье 1938 г. «Пушкин и „Слово о полку Игореве“» М. А. Цявловский пришел к выводу, что «Пушкин до второй половины 1820-х годов был равнодушен к „Слову“».⁵ Даже имя Бояна, рассуждал этот исследователь, Пушкин воспроизводил в «Руслане и Людмиле» не в соответствии с текстом первого издания «Слова», а искаженно — «Баян», т. е. в духе тех переосмыслений этого образа, которыми грешили многочисленные популяризаторы древнего памятника.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XIII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937, с. 28. (Далее при ссылках на это издание в скобках указываются том (римская цифра) и страница (арабская цифра)).

⁴ См.: Майков Л. Н. Пушкин. Биографические материалы, историко-литературные очерки. СПб., 1899, с. 354 (воспоминания С. П. Шевырева).

⁵ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 209.

Иного мнения на сей счет придерживался И. А. Новиков, занимавшийся не комментированием и обобщением сохранившихся высказываний великого поэта о древнем памятнике, а изучением воздействия, оказанного «Словом» на пушкинское творчество. Наиболее сенсационным был результат наблюдений исследователя над ранней поэзией Пушкина: отражение «Слова» было обнаружено Новиковым в пяти стихотворениях поэта («Воспоминания в Царском Селе», 1814; «К Жуковскому», 1816; «Жуковскому», 1818; «Городок», 1815; «Сраженный рыцарь», 1815), предшествовавших написанию «Руслана и Людмилы».⁶

О результатах наблюдений Новикова в специальной литературе появились довольно сдержанные отзывы,⁷ что в известной мере объясняется недостаточностью приведенной исследователем аргументации. Так, с нашей точки зрения, неубедительной представляется аргументация влияния «Слова» на пушкинские стихотворения «Жуковскому», «Городок», «Сраженный рыцарь» и поэму «Полтава». Что же касается стихотворений «Воспоминания в Царском Селе» и «К Жуковскому», то здесь с мнением Новикова нельзя не считаться, хотя оно и нуждается в дополнительной аргументации.

В первом из этих двух стихотворений — «Воспоминания в Царском Селе» — в таких выражениях, как «Струнами громкозвучных лир», «Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком», ратники «летят на грозный пир», «И праздный в поле ржавит плуг» и др., Новиков не без оснований находил отражение образно-стилистического строя «Слова о полку Игореве». Более того, перечень приведенных исследователем параллелей можно продолжить. Так, в пушкинских стихах:

Ты видел, как Орлов, Румянцеv и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали —

(I, 80)

логично видеть реминисценцию следующего места из Игоревой песни: «преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ» (*Слово*, с. 27).

Пушкинские слова «России двинулись сыны» (I, 80) явно перекликаются с «руськими сынами» «Слова».

В особом комментарии нуждается следующий фрагмент пушкинского стихотворения, недостаточно убедительно поясненный Новиковым:

Вознесся памятник. Ширяся крылами,
Над ним сидит орел молодой.

(I, 79)

⁶ См.: Новиков И. А. Пушкин и «Слово о полку Игореве». М., 1951.

⁷ См., например: Лапццкий И. П. «Слово о полку Игореве» в оценке А. С. Пушкина. — В кн.: Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 259.

Исследователь, к сожалению, не указал, что до издания поэмы об Игоре в русском литературном языке не было глагола «ширяться». Во всяком случае лексикографические пособия XVIII в. не знают этого слова. Насколько нам известно, в русскую книжную поэзию впервые ввел его Державин (см. настоящее издание, с. 136). Есть все же веские основания полагать, что молодой Пушкин заимствовал это колоритное слово-образ не у Державина, а из первоисточника.

Для обоснования воздействия «Слова» на пушкинское стихотворение «К Жуковскому» (1816) Новиков опирается главным образом на следующие, обращенные молодым поэтом к Карамзину и Жуковскому строки:

Отважной верою исполнилася грудь.
Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья! . .
Вы цель мне кажете в туманах отдаленья,
Лечу к *безвестному* отважною мечтой,
И, мнится, гений ваш промчался надо мной!

(I, 195)

Выделенное самим Пушкиным слово «безвестному» пушкинистами, если не считать Новикова, не прокомментировано. Новиков же видит в этом загадочном слове указание на безвестного автора бессмертной поэмы об Игоре в походе. У нас нет достаточных данных для поддержки принятого исследователем отождествления. Вместе с тем эта исключительно смелая гипотеза Новикова заслуживает, на наш взгляд, всяческих дальнейших проверок «на прочность», поскольку приведенный выше отрывок действительно стилистически соприкасается с Игоровой песнью, в чем нас убеждает употребленный в нем в особом значении глагол «казати», «казать» («указывать»). Глагол восходит безусловно к эпохе общеславянского единства — вспомним, например, сербское «казати пут» — «указывать дорогу». Сравни в «Слове о полку Игореве»: «Игореву князю богъ путь кажетъ из земли Половецкой на землю Рускую» (*Слово*, с. 39); «... дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ» (с. 43). В таком же значении употребляет этот глагол Пушкин — не только в рассмотренном выше стихотворении, но и в «Борисе Годунове» (слова Лжедмитрия: «... я в красную Москву Кажу врагам заветную дорогу!...» — VII, 67) и в «Сказке о мертвой царевне» («Пес бежит и ко двору Путь им кажет» — III, 551).

Но если мы обратимся к академическому «Словарю современного русского литературного языка» (т. 5), то в нем слово «казать» в значении «указывать» зачислено в разряд устаревших. Когда же успело устареть, по крайней мере в языке письменности, данное значение интересующего нас слова? В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (1890) среди шести значений слова «казати» есть и значение «указывать», подкрепленное единственным примером из «Слова» («дят-

лове кажутъ»). В двух изданиях (конца XVIII и начала XIX в.) «Словаря Академии Российской» значение «указывать» для слова «казать» не зарегистрировано вовсе.

Таким образом, слово «казать» в рассматриваемом значении закрепиться в русском литературном языке не успело. Пушкин заимствовал его, скорее всего, из древней поэмы об Игорево м походе. Заметим кстати, что интересующий нас глагол встречается в той части «Слова», которая особенно восхищала Пушкина. В статье его «Песнь о полку Игоре м» (1836), как известно, сказано, что русские писатели XVIII в., за исключением Державина, «не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства» (XII, 148).

Анализируя пушкинское словоупотребление в стихотворении «К Жуковскому», в «Борисе Годунове» и «Сказке о мертвой царевне», мы приходим к выводу, что динамическая картина бегства Игоре м, созданная автором «Слова», производила на Пушкина неотразимое впечатление начиная с лицейских лет.

Под обаянием батальных картин русских летописей, с одной стороны, и Игоре м песни — с другой, изображал Пушкин сцены «кровавого пира» в поэме «Руслан и Людмила»:

Щиты, как зарево, блистают,⁸
В полях наездники мелькают,
Вдали подьемля черный прах,⁹
Идут походные телеги,¹⁰
Костры пылают на холмах,
Беда: восстали печенеги!

(IV, 79)

Соплились — и заварился бой,
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони;¹¹
Со свистом туча стрел взвилась,¹²
Равнина кровью залилась.

(IV, 82)

Гусляр Баян в поэме «Руслан и Людмила» упоминается неоднократно. «Певцом героев и забав» (IV, 42) назван он в одном месте. Но читатель воспринимал Баяна прежде всего как певца забав и свадебных пиров. Здесь, по-видимому, сказалась успешная уже сложиться традиция, которой отдавали дань даже такие самобытные поэты, как Державин. В его опере «Добрыня

⁸ Ср.: «щите же их яко заря бе...» (Ипатьевская летопись. — Полное собрание русских летописей, т. II. М., 1962, с. 813).

⁹ Ср.: «земля тутнетъ <...> пороси поля прикрывають» (Слово, с. 12).

¹⁰ Ср.: «крячатъ тѣлѣгы полунощы» (Слово, с. 9).

¹¹ Ср.: «гремлеши о шеломы мечи харалужными»; «гримлють сабли о шеломы» (Слово, с. 13, 17).

¹² Ср.: «итти дождю стрѣлами съ Дону великаго» (Слово, с. 12).

героиня для выражения своих любовных чувств прибегает к песне Баяна.

Самый жанр поэмы «Руслан и Людмила», написанной в духе шутливо-сказочных поэм Ариосто, не вполне соответствовал суровому гражданскому пафосу и идейной устремленности «Слова о полку Игореве».

Из переписки 1820-х годов Пушкина с Н. И. Гнедичем известно, что последний, жалуясь на то, что «тень Святослава скитается не воспетая», требовал от молодого поэта художественного отображения героических страниц Киевской Руси. При этом Гнедич был для Пушкина представителем не только олеинского кружка, но и выразителем мнений оппозиционно настроенной части общества. Современными пушкинистами достаточно обстоятельно освещена роль Гнедича в формировании фольклористической концепции Пушкина.¹³ Что же касается исторических взглядов Гнедича, то они также занимают далеко не последнее место в том комплексе декабристских идей, которые были творчески восприняты и усвоены молодым поэтом в период его южной ссылки.

В 1822 г. Пушкин создает «Песнь о вещем Олеге», в которой в словах волхва-кудесника ощущается дух республиканского вольнолюбия:

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.

(II, 243)

Здесь волхв уподоблен древнему певцу. Он также духовный наставник своего народа, внимающий лишь «воле небесной», как внимает лишь «божественному глаголу» народный певец.

Само название стихотворения «Песнь о вещем Олеге» могло быть подсказано названием перевода древней поэмы при первом ее издании: «Песнь о походе Игоря, сына Святославова, внука Ольгова». К «Слову» же восходят и некоторые другие образы пушкинского стихотворения. Разве не напоминает, например, пушкинское «Князь по полю едет на верном коне» (II, 243) знаменитый экзорцизм «Слова»: «Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю» (*Слово*, с. 8). Важное место в ритуале княжеских походов занимало вступление в стремя, о чем Игорева песня напоминает неоднократно: «Олегъ <...> ступает в златъ стремя въ градъ Тмутороканѣ» (с. 15); «Вступита, господина, въ злата стремя за обиду сего времени, за землю Русскую» (с. 29—30).

¹³ См.: Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.—Л., 1960, с. 185—211.

И в этих повторениях ритуальной формулы сказывается поэтическая природа произведения. Летописец, изображая отправление в поход того или иного князя, прибегал к стилю неукрашенной деловой речи: «Иде Олег на Греки», «Иде Игорь на Древляны», «Иде Святослав на Козары», и т. д.¹⁴ Автор же «Слова» относился с большим вниманием к внешней ритуальной стороне дружинно-воинского быта. И опираясь на поэтику «Слова», Пушкин почти буквально воспроизводит формулу вступления князя в стремя:

Теперь отдыхай; уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.

(II, 244)

Прямая линия преемственности от древней поэмы об Игоре-вом походе идет к пушкинскому «Борису Годунову» (1825). Выше уже было сказано о том, что слова Самозванца «Кажу врагам заветную дорогу» (VII, 67) — это своеобразная реминисценция из Игоревой песни. К сюжету пушкинской трагедии старинный речевой оборот отношения не имеет; он был нужен поэту как элемент стиля, призванного создать иллюзию давнопрошедшего времени. Гораздо ближе к проблематике трагедии другая реминисценция из «Слова», также вложенная в уста Лжедмитрия, — его слова, обращенные к Борису Годунову:

И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от божьего суда.

(VII, 23)

Разве не напоминают они «припевку» Бояна, обращенную к Все-славу Полоцкому: «Ни хытру, ни горазду <...> суда божия не минути» (*Слово*, с. 37). Не исключена возможность, что слова Шуйского «Быть грозе великой!» (VII, 40), как бы предваряющие начало «великой смуты», также являются своеобразным эхом знаменитых пророческих изречений безвестного автора древней поэмы: «Быти грому великому!» (*Слово*, с. 12) и т. п.

Близость Игоревой песни и «Бориса Годунова» не только стилистическая, их объединяет также общность темы. Как здесь, так и там вопрос о взаимоотношениях государственной власти и народа освещается в наиболее драматический момент в жизни последнего. Показательна в этом отношении реплика от лица народа в черновом фрагменте второй сцены («Красная площадь»):

Как устоит — подымется раздор
А хищный хан набег опять готовит
И явится внезапно под Москвой
Кто отразит поганую орду

¹⁴ Полное собрание русских летописей, т. II. М., 1962, с. 21, 31, 53, 62, 69.

Подобно тому как своими «крамолами» русские удельные князья XII в. открывали дорогу на Русскую землю степным кочевникам, местнические предрассудки, политическая близорукость и раздоры русского боярства периода Смутного времени делали страну беззащитной против иноземного нашествия. О всеобщей разобщенности и «поникнувшем веселии» Киевской Руси повествовал автор «Слова» (с. 22). «Комедией о настоящей беде Московскому государству» (VII, 290) назвал свою трагедию Пушкин.

Масштабность замысла, воодушевлявшего автора древней поэмы, обусловила ее композиционное и тематическое многообразие. В поле зрения автора входили вся Русская земля, от Галицкого княжества до берегов Волги и от новгородских владений до далекой Тмутаракани, жизнь и быт всех населявших ее людей, не только князей, но и защищавших ее рубежи кметей и создававших ее материальное благополучие ратаев. Пытаясь раскрыть причины неустройства современной ему Русской земли, автор «Слова» сопоставлял ее минувшее с настоящим, противопоставлял истинных устроителей родной земли ее незадачливым правителям.

Преднамеренной композиционной «разбросанностью» характеризуется также и трагедия Пушкина. И он ориентировался при этом не только на народную драму Шекспира, но и на «Слово о полку Игореве». Потребность отображения жизни целого народа в один из переломных моментов его исторического бытия, воссоздания ее сложности и нарастающего драматизма, контрастности составляющих ее элементов — все это обусловило пренебрежительное отношение поэта к общепринятым эстетическим канонам. Создавая панораму национальной жизни, Пушкин вводит в трагедию свыше 20 картин, перенося действие из Кремлевских палат в Новодевичий монастырь, из палат патриарха на соборную площадь, из замка польского воеводы Мнишека в Самборе в лагерь мятежников под Севском, и т. д.

В процессе работы над трагедией Пушкин внимательнейшим образом изучал летописные источники, государственные акты, публицистику конца XVI—начала XVII в. Мог ли поэт, реализуя свой грандиозный план, не обратиться к такому опорному пункту для понимания русского средневековья, как «Слово»?

Историков литературы с давних пор интересовал вопрос: какими книжными источниками пользовался Пушкин, создавая образ монаха-летописца? «Начертать характер Пимена мог он только по глубоком изучении духа и языка наших летописей», — писал в свое время С. П. Шевырев.¹⁵

¹⁵ См.: Майков Л. Н. Пушкин..., с. 354.

По справедливому заключению И. А. Новикова, речь Пимена «бесконечно далека от бесстрастного летописного стиля. Сам образ Пимена на наших глазах как бы преобразается; мы слышим его поэтически взволнованную речь».¹⁶

Пушкин действительно наделяет Пимена самыми широкими функциями: он не только монах, но и вития. И описывает он не только данные события, но и историю народа в целом. Недаром же Григорий так и не мог дознаться, о чем он пишет:

О темном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новгородском вече?

(VII, 18)

Описывая события текущего дня, он в то же время вглядывается в прошлое, пытается постигнуть связь времен. Этот историзм Пимена подчеркивается также его собственной автохарактеристикой:

Минувшее проходит предо мною,
Волнуясь как море-окиян.

(VII, 17)

В этом Пимен сближается с автором «Слова», задавшимся целью определить причинную связь событий «от старого Владимира до нынешнего Игоря». Добавим к этому, что самого Пушкина в его работе над «Борисом Годуновым» прельщала мысль изобразить Смутное время как закономерный итог предшествующего исторического развития.

Стихотворный отрывок «Как счастлив я, когда могу покинуть...» (1826—1828) позволяет поставить вопрос о воздействии «Слова о полку Игореве» на пушкинскую «Русалку» (1829—1832). Как бы ни отделяли некоторые исследователи оба пушкинских произведения друг от друга, их взаимосвязь бесспорна. Главный сюжетный узел как первого, так и второго произведения восходит, с чем согласны решительно все, к опере Н. Краснопольского «Днепровская русалка» (1803), прообразом которой в свою очередь послужила драма «Дунайская фея» («Das Donauweibchen») венского драматурга Генслера.

Действие оперы Краснопольского было отодвинуто в раннее русское средневековье. Полоцкий князь Видостан, собирающийся жениться на черниговской княжне Милославе, встречается в лесу во время охоты с днепровской русалкой Лестой и ее маленькой дочерью Лидой. Выясняется, что Леста — это та красавица-крестьянка, которую когда-то обольстил Видостан, а Лида — его дочь. Уже по одному этому началу оперы Краснопольского можно заключить, что именно она явилась стимулирующим фактором как для первого, так и для второго пушкинских замыслов.

¹⁶ Новиков И. А. Пушкин и «Слово о полку Игореве», с. 84.

Стихотворение «Как счастлив я, когда могу покинуть...» напоминает «Днепровскую русалку» не только сюжетной канвой, но и средневековым историческим колоритом. С сердцем, замирающим от любви, ждет лунной ночью герой, когда «она» поднимется с речного дна, как рыбка золотая:

А речь ее... Какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца первый лепет,
Журчанье вод иль майский шум небес,
Иль звонкие Бояна Славьи гусли.

(III, 37)

Со звоном Бояновых гуслей сравниваются звуки русалочьей речи не только героем стихотворения, но и самим автором. Патриархальный мир, олицетворяемый мельником, его дочерью, внучкой, свадебщиками, ассоциировался в сознании поэта с песнопениями Бояна, а значит и автора «Слова о полку Игореве». Поражает свобода, с которой пользовался Пушкин фольклорной поэтикой в «Русалке», где действие, возникнув под кровлей реальной деревенской избы, находит свое естественное продолжение в подводном царстве. Весь мир этой первобытно-патриархальной тишины и народной фантазии оскверняется и омрачается при соприкосновении с гибельным миром сословно-феодальных, крепостнических и товарно-денежных отношений.

Сравнение с Бояном Пушкин вкладывал в уста героя (князя), надо полагать, современного или почти современного Бояну. Другими словами, действие отодвигалось в седую старину. Но в окончательную редакцию «Русалки» текст «Как счастлив я, когда могу покинуть...» войти не мог, поскольку Пушкин постепенно насыщал драму современной проблематикой, освобождая действие от признаков глубокого средневековья. Так, например, в сцене «Светлица», написанной до осени 1830 г., речь идет о соколиной охоте князя, о тризнах, характерных для раннесредневекового быта, а в сцене «Берег Днестра. Мельница», написанной позднее осени 1830 г., изображается обычная псовая охота («травить лисиц и зайцев»).¹⁷ Несмотря на указанную эволюцию замысла, рудименты «архаического» стиля в «Русалке» все же остаются. Вот каким языком говорит, например, мамка с княгиней:

Ты всем взяла. Красою ненаглядной,
Обычаем и разумом. Подумай.¹⁸

(VII, 202)

¹⁷ Мы опираемся на тексты и комментарий С. М. Бонди в следующем издании: Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. VII. Драматические произведения. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1935, с. 188, 201, 326.

¹⁸ В черновых вариантах было:

Ты всем-то взяла, всем-то хороша:
Лица красотой, умом-разумом,
Лебединою походочкой,

Таким образом, в основном тексте Пушкин освобождает слово «обычай» от пояснительных слов, хотя и сохраняет за ним положительное содержание. В русском языке нам известен лишь один пример употребления слова «обычай» в смысле «прекрасный обычай» — это в «Слове о полку Игореве» (о князе Всеволоде): «забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милья хоти, красныя Глѣбовны свычаи и обычаи» (*Слово*, с. 13—14).¹⁹

Восходящий к «Слову» фразеологизм «свычаи и обычаи» с известным оттенком иронии был использован Пушкиным в «Капитанской дочке» (глава 1).²⁰ Основная функция этой устойчивой стилистической формулы состоит, однако, не в иронии, а в воссоздании речевого своеобразия давно прошедшего времени.

Итак, на начальных этапах своей работы над «Русалкой» (стихотворение «Как счастлив я, когда могу покинуть...») поэт обращался к образу Бояна далеко не случайно. С одной стороны, это обращение к Бояну (а под этим именем подразумевался нередко и безвестный автор «Слова») способствовало установлению хронологических рамок действия, а с другой — служило характеристике эстетических и нравственных норм Киевской Руси XII—XIII вв.

В сознании героя стихотворения (которое во многом автобиографично) речь русалки не просто ассоциируется, но отчасти отождествляется с первым лепетом младенца, с журчаньем вод и со звоном Бояна Славья гуслей. Общими свойствами для каждого из перечисленных предметов (явлений) являются непосредственность, естественность, поэтичность. Отсюда нетрудно заключить, что как содержание, так и сама образность Игоревой песни помогали Пушкину воссоздать национальную старину и проникнуть в область древних народных преданий.

Замысел полуфантастической драмы Пушкина эволюционировал в сторону сближения ее с современной поэту действительностью. Хронологические рамки действия расширяются, под воз-

Соловьиной поговорочкой,
Тихим ласковым обычаем.

(VII, 336)

Ты всем взяла: и светлой красотой,
Обычаем веселым и смиренным.

(VII, 343—344)

¹⁹ В украинском языке слово «звичай» (=обычай) употребляется в положительном смысле довольно часто. Например, у Шевченко: «Чи ти діточок непевних звичаю не вчила» («Розрита могила»). См. также: *Словарь украинского языка*, т. I. Ред. Б. Д. Гринченко. Киев, 1907, с. 130.

²⁰ Матушка Петруши Гринева знала все «свычаи и обычаи» своего мужа. В исследовательской литературе на источник данного фразеологизма первым указал Н. О. Лернер, см.: Лернер Н. О. Из истории занятий Пушкина «Словом о полку Игореве». — В кн.: Пушкин. 1834. Л., 1934, с. 108—109.

действием власти денег разлагаются патриархальные нравы, излишним оказывается для автора образ Бояна, и князь уже не справляет тризн, хотя сущность социального конфликта остается прежней. Зависимость пушкинской драмы от «Слова», однако, не исчезла. В известной общности этих двух произведений убеждает, в частности, сопоставление образа Ярославны в древней поэме и главной героини драмы «Русалка». При всем их индивидуальном отличии образы эти воплощают в себе идеал женской красоты и благонравия в понимании людей «времен Бояна».

Остановимся еще на одном стихотворении, в котором ошутима, правда косвенная, связь со «Словом о полку Игореве», — на пушкинском шедевре 1833 г. «Сват Иван, как пить мы станем...». Стихотворение представляет собой монолог — обращение к своему свату русского простолюдина, замыслившего помянуть усопших близких и уже заплетающимся языком настаивающего на сугубом поминовении сказочницы Пахомовны:

Мастерица ведь была
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..

(III, 308)

Любопытнейшее во многих отношениях стихотворение это в данном случае интересно для нас тем, что в нем слово «былина» впервые употреблено для обозначения определенного вида фольклорных произведений. Дело в том, что ни в одном из словарей русского языка допушкинской и пушкинской эпохи слово «былина» не зарегистрировано. Как слово книжное оно появилось впервые в 1800 г., в первом издании «Слова о полку Игореве», получив там не вполне соответствующее его нынешнему значению истолкование. Так, словам «начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню» (*Слово*, с. 1—2) был дан следующий перевод: «Начать же сию песнь по бытиям того времени, а не по вымыслам Бояновым». Таким образом, участники первого издания древнего памятника никакого жанрового обозначения за словом «былина» не признавали. Некоторые исследователи отказывали этому слову в «гражданских» правах на протяжении всего XIX в. Так, например, Вс. Миллер полагал, что слово «былина», в том значении, в котором употребляется оно ныне, было придумано И. П. Сахаровым.²¹ При этом все «отрицатели» как древности, так и фольклористичности слова «былина» не хотели считаться с фактами.

Бывший в конце 1830-х—начале 1840-х годов профессором Вологодской духовной семинарии и совмещавший эту официаль-

²¹ Миллер В. Очерки русской народной словесности. М., 1897, с. 29.

ную должность с любительским собиранием фольклора, П. Савваитов писал: «Из всех слышанных мною рассказов самые интересные и оригинальные нашел я в Вельском уезде. Здесь все они, без исключения, называются былинами и рассказываются нараспев. Песни поются везде. Русский пьет и поет на радостях и с горя. Но чем дальше от Вологды эти песни, тем они замечательнее и по выражению и по самому содержанию <...> Я успел собрать несколько здешних былин и песен».²²

Бытование слова «былина» как фольклористического термина среди населения Архангельской губернии можно подтвердить выписками из трех авторитетных источников.

1. «*Былина*. Старинная сказка. (Шенкурские областные слова, собранные уездного училища штатным смотрителем Шипуновым)».²³

2. «*Былина*. Именем этим называют сказки вообще и богатырские сказки в особенности. Архангельск, Шенкурск».²⁴

3. «*Былина* — былина. Повсеместно».²⁵

Во время посещения осенью 1832 г. Московского университета возбужденный Пушкин в споре с Каченовским и сочувствующей последнему группой студентов спрашивал у них, что значат в «Слове» такие слова, как «харалужный», «стрикусы», «кметь» и другие, и, не получив ответа, сказал: «То-то же, никто не может многих слов объяснить, и не скоро еще объяснят».²⁶

По-видимому, к лексическим загадкам древней поэмы причислял Пушкин и слово «былина», смысл которого не был ясен первым издателям памятника. Выражение «по былинам сего времени» (*Слово*, с. 2) получило у них невразумительный перевод: «по бытиям того времени». Перевод этот не удовлетворял великого поэта. По-видимому, в Михайловском, а может быть, в Болдине ему посчастливилось услышать из народных уст слово «былина», обозначающее определенную разновидность фольклорных произведений, причем в том произношении, в каком оно спустя некоторое время было употреблено в стихотворении «Сват Иван, как пить мы станем» («былина́»).

Прерывая на время наш экскурс в историю употребления Пушкиным слова «былина», к которой мы вернемся несколько

²² Савваитов П. Вологодские песни. — Москвитянин, 1844, ч. II, № 3, Смесь, с. 271.

²³ Опыт областного великорусского словаря. Изд. II отделения Академии наук. СПб., 1852, с. 19 (ср. с. V).

²⁴ Дополнение к опыту областного великорусского словаря. Изд. II отделения Академии наук. СПб., 1858, с. 16.

²⁵ Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Собрал на месте и составил Александр Подвысоцкий. Изд. II отделения Академии наук. СПб., 1885, с. 13.

²⁶ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860 годах. Вступит. статья и примеч. М. А. Цявловского. М., 1925, с. 49—50.

ниже, обратимся к подготовительной работе поэта по изданию и комментированию «Слова о полку Игореве» (1833—1836).

В бумагах Пушкина сохранилась ценнейшая записка А. Х. Востокова, скопированная рукой самого поэта, — записка, в которой дается датировка рукописи древней поэмы и оценены ее палеографические данные. Востокову, как гласит эта записка, «сказывал знаток (покойный А. И. Ермолаев), видевший рукопись до истребления в 1812 году, что почерк ее был полуустав XV века. Что касается до наречия ее, будто бы несогласного ни со славянскими, ни с нашими областными, несходство сие касается только до некоторых неизвестных слов, как-то: *харалуг*, *стрикус* и проч., вообще же в ней наречие то же самое, какое и в летописях наших и в других древних памятниках языка русского, чисто русское, а не польское, ниже какое-либо другое наречие».²⁷

«Подлинник этой записки, — писал в свое время М. А. Цявловский, — в настоящее время неизвестен, как неизвестно, у кого и когда Пушкин снял свою копию».²⁸ Исследователь высказал предположение, что владельцем подлинника записки Востокова мог быть М. А. Максимович, так как в работе последнего, опубликованной в 1836 г., о рукописи «Слова» говорится примерно то же, что и в записке Востокова. С предположением Цявловского нельзя, однако, согласиться, поскольку задолго до Максимовича сведения о рукописи «Слова», полностью совпадающие с запиской Востокова, были опубликованы А. Глаголевым.

Для подтверждения нашего мнения приведем второй отрывок из записки Востокова и сравним его с книгой Глаголева.

Записка Востокова: «Окончание глаголов *шет* и *шесть* вместо *ше* и *хуть* вместо *ху* <...> не в одном „Слове о полку Игореве“, но и в других старинных памятниках языка встречается. Напр., в Лаврентьевском списке Временника Несторова, л. 98: „и дар си от бога прия, да егда в церкви внидет, и слыша пение, и абие слезы *испущашеть*“ — *Одевахте* есть, вероятно, описка, вместо *одевахуть*».²⁹ Книга Глаголева: «Равным образом окончания прошедшего времени глаголов: в един. числе *шетъ* вместо *ше* и в 3-м лице множ. числа *хуть* вместо *ху* — встречается также и в других старинных памятниках языка, как-то: в Лаврентьевском списке Временника Несторова, л. 98. „И дар си от бога прия, да егда в церковь *внидшеть*, и слыша пение, и абие слезы *испущашеть*“. *Одевахте* есть, вероятно, описка вместо *одевахуть*».³⁰

²⁷ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 585. Полный текст записки А. Х. Востокова см. на с. 102 настоящего издания.

²⁸ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 216.

²⁹ Рукою Пушкина, с. 585.

³⁰ Глаголев А. Умозрительные и опытные основания словесности, ч. IV. СПб., 1834, с. 24 (цензурное разрешение от 24 октября 1832 г.).

Добавим к сказанному, что в книге Глаголева присутствует также ссылка как на А. И. Ермолаева, «видевшего рукопись до истребления ее в 1812 году — полуустав XV века», так и на Востокова («О сем удостоверяет А. Х. Востоков»).³¹

Мы не хотим тем самым сказать, что пушкинская копия списана с глаголевского оригинала, хотя не исключено и это. Возможно и другое: как пушкинская, так и глаголевская копии восходят к общему источнику.

Занимаясь подготовкой к научному изданию «Слова», Пушкин проявлял интерес к Востокову и как филологу, приступившему к изучению древней поэмы еще в период, когда существовала ее рукопись, и как археографу, близко стоявшему к относительно немногочисленному кругу самовидцев «Слова». В своей незавершенной статье о самом выдающемся памятнике древнерусской письменности Пушкин писал: «Но ни Карамзин, ни Ермолаев, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности Песни о полку Игореве» (XII, 147). Востоков был первым ученым-славистом, установившим различие между живым древнерусским и книжным церковнославянским языками. И филологические труды этого ученого подтверждали несостоятельность аргументации скептиков, пытавшихся обосновать недостоверность «Слова» несоответствием его языка лексике и синтаксическому строю богослужбных книг. Со взглядами Востокова явно перекликается следующее место из названной статьи Пушкина: «Ломоносов жил не в XII столетии. Ломоносова оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала перед ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирийских, ни болгарских, ни молдавских и других наречий славянских» (XII, 148).

Язык Ломоносова, справедливо считал Пушкин, — это русский язык XVIII в. с примесью книжного церковнославянского языка, в то время как язык «Слова» — древнерусский язык XII в., находившийся в гораздо большей близости, чем русский язык нового времени, ко всем современным ему языкам славянского корня.

Читателей не должно смущать то обстоятельство, что Пушкин в свой черновой перечень славянских языков включает язык молдавский. Романское происхождение последнего безусловно было хорошо известно поэту. Однако некоторые слова (славянского происхождения) Игоревой песни, вытесненные глоттогоническим процессом из состава современного русского языка (например, слово «сулица»), сохранились в языке молдавском.

«Великий скептик Шлецер, — писал в той же статье Пушкин, — не видав Песни о полку Игореве, сомневался в ее подлинности, но, прочитав, объявил решительно, что он полагает ее

³¹ Там же, с. 25.

подлинно древним произведением, и не почел даже за нужное приводить тому доказательства; так очевидна казалась ему истина!» (XII, 147).

С «Нестором» Августа-Людвига Шлецера Пушкин был знаком по русскому переводу, выполненному Д. Языковым и изданному в 1809 г. в Петербурге. Прочитав в «Spectateur du Nord» (1797, октябрь) сообщение Н. М. Карамзина об открытии рукописи древнерусской поэмы, Шлецер действительно усомнился в ее подлинности. Позднее же, ознакомившись с первым изданием произведения на русском языке, Шлецер написал в первом прибавлении к «Нестору» следующее: «Что это творение в поэтической прозе есть древнее, теперь я более не сомневаюсь; но верно ли оно везде переведено на новый русский язык и наполнено ли *Оссиановским* духом, пусть судят другие».³² Начиная с 90-х годов XVIII в. и по первую треть XIX в. включительно Карамзин, Херасков, Державин, Капнист и многие другие писатели и журналисты для оказания чести безымянному автору «Слова» уподобляли его Оссиану. Считая такое уподобление неоправданным, Пушкин не прибегал к нему ни разу. В его восприятии автор Игоровой песни был «певцом героев и забав» (IV, 42), творцом «живых и быстрых описаний» (XII, 152), певцом войны и мира, эпических событий и внутренней жизни человека.

Пушкин по достоинству оценил демократическую направленность «Слова». Это выпукло обозначилось в истолковании поэтом слова «кметь». В распоряжении Пушкина было не менее пяти самых различных определений этого понятия (дружинник, всадник, староста и т. п.). Пушкин останавливается лишь на одном из них. «Кметь, — замечает он, — значит вообще крестьянин, мужик» (XII, 152). Для понимания идейного содержания древней поэмы «кметь» — понятие ключевое, так как именно кмети-куряне устаиваются самой высокой похвалы не только князя Всеволода, но и автора произведения. Не исключена возможность, что в пушкинском истолковании слова «кметь» сказалось свойственное декабристским писательским кругам стремление подчеркнуть гуманистическую сущность древней поэмы (см. настоящее издание, с. 152).

Истолкованием «кметей» заканчивался комментаторский раздел статьи Пушкина, начинался же он цитированием двух первых речений памятника: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича. Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню» (*Слово*, с. 1—2).

Прочитывая этот отрывок, поэт переходил к доказательству мысли, что в языках и особенно в поэзии славянских народов

³² Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Людовиком Шлецером. Ч. 1. Перевел с немецкого Д. Языков. СПб., 1809, с. 385.

частица *ли* зачастую лишена вопросительного смысла, который приписывали ей все переводчики. В черновиках к статье приводится с этой целью два примера: «Уж талан ли мой, талан таков; Во саду ли в огороде etc» (XII, 389).

Добавим от себя, что немало подобного рода примеров поэт мог бы заимствовать не только из лирических, но и исторических песен, например: «У того ли-то Ивана Великого Завсегда звонят во царь-колокол» («Гришка Расстрига»); «Я ли посла Василья проведу — заставлю его из туга лука стрелять» («Ставер-бойрин») и т. п. Поэт, однако, не умножал перечень этих примеров — может быть вследствие незавершенности его статьи, а возможно и не считал это необходимым, поскольку в тексте самой поэмы он нашел пример более чем убедительный. Пушкин пишет: «В другом месте Слова о полку *ли* поставлено так же, но все переводчики перевели не вопросом, а утвердительно. То же надлежало бы сделать и здесь» (XII, 149).

Пушкин бесспорно имел здесь в виду следующее место поэмы: «Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя <...> князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ» (*Слово*, с. 42). Поэт обращает наше внимание не только на то, что в данном случае переводчики не придали вопросительного смысла отрывку, но и на то, что частица *ли* поставлена здесь так же, как и в начале поэмы, т. е. в следующем порядке: отрицательная частица *не*, затем наречие, затем эвфоническая энклитика *ли* (не лепо ли, не тако ли).

Настойчивое стремление Пушкина доказать эвфоническую, а не вопросительную функцию частицы *ли* в первом речении древней поэмы было подсказано естественным желанием поэта устранить действительное противоречие, возникающее в сознании читателя, если придать частице *ли* в указанном случае вопросительный смысл. Пушкин пишет: «Во-первых, рассмотрим смысл речи: по мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же песнь по былинам сего времени (то есть по-новому) — а не по замышлению Боянову (то есть не по-старому). Явное противуречие!» (XII, 149).

Несмотря на оригинальность и логическую стройность пушкинского толкования первых строк древней поэмы, оно не было принято ни одним из последующих ее переводчиков. В исследовательской же литературе о нем встречаются порой (у М. А. Цявловского, например) похвальные отзывы, которые, впрочем, не получили одобрения в среде специалистов по древнерусской письменности. Видный исследователь древнерусской литературы Н. К. Гудзий определил пушкинское толкование вступления к поэме как «очень сомнительное».³³

³³ См.: Гудзий Н. К. Пушкин в работе над «Словом о полку Игореве». — В кн.: Пушкин. Сб. статей под ред. А. М. Еголина. М., 1941, с. 157.

Следует все же сказать, что критический отзыв Н. К. Гудзия не сопровождался даже минимальной аргументацией. К тому же исследователь ошибочно полагал, что под «другим местом» (аналогичным выражению «Не лепо ли») Пушкин подразумевал фразу «Чи ли въспѣти было вѣщей Бояне» (*Слово*, с. 7), а не выражение «Не тако ли, рече, рѣка Стугна». Таким образом, пушкинское толкование вступления к «Слову», не принятое наукой, в то же время до сих пор и не опровергнуто. Логическая стройность и фундаментальность рассуждения Пушкина заслуживает обстоятельного и глубокого рассмотрения.

Статья Пушкина «Песнь о полку Игореве» позволяет ответить на вопрос, как намеревался поэт прокомментировать употребленное автором древней поэмы слово «былина». Как говорилось уже выше, в пушкинском стихотворении «Сват Иван, как пить мы станем» слово «былина» применено для обозначения определенной разновидности произведений народного творчества. Такого мнения придерживаемся не только мы, но и академический «Словарь русского литературного языка». Однако в статье «Песнь о полку Игореве» Пушкина, как полагают авторы названного «Словаря», слово «былина» обозначает реальное событие, то, что было в действительности. Следуя за участниками первого издания древней поэмы, так истолковывает слово «былина» и подавляющее большинство ее переводчиков и комментаторов. Между тем у нас есть веские основания считать, что, согласно взгляду Пушкина, автор бессмертной поэмы называл былинами не события (бытия) как таковые, а какие-то предания или даже песнопения об этих событиях. В примечаниях к интересующей нас статье, объясняя в шутовском тоне, почему Шишков заставил автора древней поэмы повествовать о походе Игоря в духе «старых словес», Пушкин пишет: «Ему, сочинителю „Рассуждения о древнем и новом слоге“, было бы неприятно видеть, что и во время сочинителя *Слова о полку Игореве* предпочитали былины своего времени старым словесам» (XII, 149). Противопоставлять «старым словесам» события (бытия) сего (нового) времени бессмысленно, так как последние можно было воспеть и «старыми словесами»; им логично было противопоставлять лишь былины (песнопения) сего времени, т. е. песни нового склада, еще не образовавшие прочной традиции. И развивая свою мысль, Пушкин пишет далее: «Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец *Слова о полку Игореве* не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна» (XII, 149). «Петь по замышлению Бояню» — это значит действительно ученически подражать, следовать освященному временем образцу, высокому, хотя, может быть, и несколько обветшавшему. Петь «по былинам сего времени» — это петь бесхитростно и неприятно, не преклоняясь перед каким-либо одним-единственным

образом, т. е. петь так, как пел народ слагаемые им бы-
лины.

Оригинальным и до сих пор недооцененным специалистами является комментарий Пушкина к следующему месту «Слова»: «Иже истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, напльнився ратного духа» (*Слово*, с. 5). Пушкин комментирует: «(Истянул — вытянул, натянул, изведаль, испробовал. *Пожарский*: опоясал. Первые толкователи: напругиши ум крепостию своею). Истянул, как лук, изострил, как меч, — метафоры, заимствованные из одного источника» (XII, 150).

Автор «Слова о полку Игореве», по Пушкину, не монах и не просто мирянин, а дружинник, на психологии и эстетических понятиях которого лежит неотразимая печать сурового воинского быта. Создатель древней поэмы, подобно кметям-курянам, был под трубами повит, под шеломами взлелеян, с конца копья вскормлен. И свои суждения, и средства изображения он черпает преимущественно из одного источника, из круга воззрений и понятий воинской среды.

Не менее пронизательно было истолковано великим русским поэтом также и следующее место древней поэмы: «Хощу бо, рече, копие приломити конецъ поля Половецкаго съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону» (*Слово*, с. 6). Отечественные скептики, увидев в словах «копье преломити» перевод французского выражения «*tompre une lance*», составлявшего один из параграфов рыцарского кодекса чести, пытались использовать приведенные слова князя Игоря для дискредитации древнего памятника. Пушкин, отбрасывая это предположение скептиков как досужий вымысел, передал общий смысл своего понимания клятвы Игоря словами: «Или сломится копье мое, или напыюсь из Дону. Тот же смысл, как и в пословице: либо пан, либо пропал» (XII, 152).

Долгое время на этот комментарий Пушкина исследователи не обращали должного внимания. Пронизательность пушкинской догадки была оценена в полной мере лишь в исследованиях последнего времени. Выражение «копье преломити» в значении «сражаться до последнего» оказалось не одиноким в древнерусской письменности.³⁴ Встречается оно в таком же значении в памятниках южнославянского юнацкого эпоса.³⁵

В задачу настоящей главы не входил обстоятельный обзор комментаторских заключений и замечаний великого русского поэта по «Слову о полку Игореве». Приведенные нами примеры и соображения имели главной целью показать, что еще далеко не все суждения Пушкина об Игоровой песни учтены и что иссле-

³⁴ См.: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, с. 195.

³⁵ См.: Карађић и Ђукић Стеф. Српске народне pjesme, т. II, Београд, 1976, с. 223; т. III, с. 255.

довательские усилия в этом направлении должны быть продолжены.

Работа Пушкина над задуманным им комментированным изданием древней поэмы оборвалась на ее начальном этапе, и представление о ней мы получаем не только по сохранившимся фрагментам статьи поэта, но и по отдельным его заметкам, пометам на полях книг, по переписке, свидетельствам современников и т. д. Сведением этих разрозненных материалов воедино занимался в свое время Я. И. Ясинский, автор замечательной статьи «Работа Пушкина над лексикой „Слова о полку Игореве“». ³⁶ Однако за 40 лет, прошедших со времени ее появления, обнаружен целый ряд новых данных, позволяющих не только дополнить наблюдения, но и прокорректировать выводы ее автора. В специальном исследовании подобного рода современное пушкиноведение испытывает острую потребность.

Поиски пушкинских художественных созвучий «Слову» еще долгое время также будут продолжаться, и правомерность их никаких сомнений не вызывает. Однако речь должна идти не только об установлении новых переключек со «Словом», но и о критической оценке ранее накопленного в этой области материала, об отделении достоверного от гипотетического и ошибочного. Лишь по осуществлении этого нелегкого труда можно будет дать обстоятельный и убедительный ответ на вопрос, как отразилась поэма об Игоре в походе на историко-литературных взглядах и творчестве Пушкина. И тем не менее предварительный ответ на этот вопрос можно дать уже сейчас, опираясь на вполне достоверные и многозначительные факты.

Интерес Пушкина к «Слову о полку Игореве» — это не кратковременный эпизод, а проходящее через всю сознательную жизнь поэта увлечение, стоящее в одном ряду с пушкинским увлечением народной поэзией. Отрицая самобытность русской литературы XVIII в., возникшей «без предков и родословной» (XI, 184), и обращая свой взгляд на старинную отечественную письменность, Пушкин писал в 1830 г.: «За нами темная степь — и на ней возвышается единственный памятник: Песнь о полку Игореве» (XI, 184). От Игорева песни, как и от народной поэзии вообще, великий поэт вел родословную самобытной русской литературы. В 1836 г. Пушкин скажет: «Петр создал войско, флот, науки, законы, но не мог создать словесности, которая рождается сама собою — от своих собственных начал» (XI, 495). Неопенимым средоточием «собственных начал» и было для великого поэта «Слово о полку Игореве».

В эпоху Пушкина «Слово» пользовалось достаточно широкой известностью в образованных слоях русского общества. Однако научное освоение древнего памятника находилось на низком

³⁶ Статья опубликована в кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. VI. М.—Л., 1941, с. 338—374.

уровне. Московский университет, самое крупное высшее учебное заведение страны, был в эту пору своеобразной цитаделью сторонников скептического взгляда на древнюю поэму (М. Т. Каченовский, И. И. Давыдов, И. Беликов и др.). Мало способствовала этому освоению и академическая наука. Президент Российской Академии А. С. Шишков, причислявший себя к числу защитников «Слова», еще в 1805 г. опубликовал свой перевод его и пространный комментарий, которые, однако, особыми научными достоинствами не отличались.³⁷ Шишков ревниво относился ко всем другим изданиям и стихотворным переложениям древней поэмы, если замечал какие-то расхождения со своим переводом и толкованиями.

Плачевное положение с научным освоением замечательного памятника и заставило Пушкина предпринять собственное издание «Слова». О комментариях к нему Шихкова Пушкин отзывался с иронией. Ссылаясь на сделанное Шихковым сравнение Игоревои песни с поэмой «Авель» второстепенного немецкого писателя XVIII в. Геснера, Пушкин спрашивал: «Но что есть общего между манерной прозой господа Геснера и поэзией Песни об Игоре?» (XII, 150). Великий поэт был преисполнен стремления дать в руки русского читателя книгу, которая бы наносила удар скептикам и раскрывала идейно-эстетическую значимость и неповторимость «Слова о полку Игоре».

Посетивший Пушкина в конце 1836 г. А. И. Тургенев писал проживавшему в Париже брату Николаю Ивановичу: «Он (Пушкин, — Ф. П.) хочет сделать критическое издание сей песни, вроде Шлецерова Нестора, и показать ошибки в толках Шихкова и других переводчиков и толкователей <...> Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: все основано на знании наречий славянских и языка русского».³⁸

Пушкин решил для себя немало сложных вопросов, связанных с комментированием и изданием поэмы, но к непосредственной работе над статьей «Песнь о полку Игоре» и комментарием к поэме приступил не ранее начала 1836 г., т. е. в обстановке, которая мало способствовала спокойному завершению начатого труда. Фольклорист И. П. Сахаров, вместе с поэтом Л. А. Якубовичем посетивший Пушкина в конце января 1837 г., писал: «Пред смертью Пушкина приходим мы, я и Якубович, к Пушкину <...> Это было в воскресенье; а через три дня уже Пушкин стрелялся. Здесь Пушкин горячо спорил с Якубовичем и спорил дельно. Здесь я слышал его предсмертные замыслы

³⁷ Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею, ч. I. СПб., 1805.

³⁸ См.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. М.—Л., 1928, с. 278.

Александрю Сергеевичу
Пушкину

Васильевичу
В

П Е С Н Ъ

О П О Л Ч Е Н И Ю

И Г О Р Я С В Я Т О С Л А В И Ч А

К Н Я З Я Н О В Г О Р О Д Ъ С В Е Р С К А Г О .

Обложка книги А. Ф. Вельтмана «Песнь ополчению Игоря Святославича»
(1833 г.) с дарительной надписью автора А. С. Пушкину.

о: „Слове Игореве полка“ — и только при разборе библиотеки Пушкина видел на лоскутках начатые заметки».³⁹

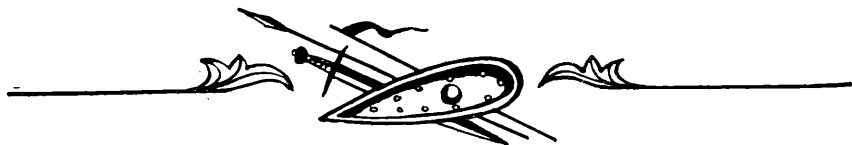
Работа Пушкина по переводу и истолкованию «Слова о полку Игореве» была прервана его трагической смертью. Завершение этого труда явилось бы огромным шагом вперед в развитии отечественной литературы и филологической науки. К сожалению, даже та часть труда, которую поэт успел осуществить, дошла до нас далеко не в полном виде.

Уцелевшие фрагменты статьи «Песнь о полку Игореве» впервые были опубликованы в 1855 г. П. В. Анненковым в первом томе «Собрания сочинений» Пушкина. По этой публикации читатель середины прошлого века не мог, разумеется, оценить всю грандиозность и целенаправленность пушкинского замысла. Но читатель получал представление об огромном пиетете великого поэта перед древней поэмой и знакомился с его пронизательными суждениями.

Еще при жизни Пушкина о его работе над «Словом» были хорошо осведомлены Жуковский, Гоголь, Вяземский, Лажечников, Кеппен, Востоков, А. И. Тургенев, Шевырев и др. Будучи опубликованной, статья его «Песнь о полку Игореве» немало способствовала повышению интереса к величайшему памятнику в писательской среде, в общественном сознании, в школьном преподавании и т. д.

В наши дни, когда животворность традиций древнерусской литературы, в особенности традиций «Слова о полку Игореве», доказана самой жизнью, нас не может не удивлять глубина постижения гениальным поэтом закона преемственных связей в истории национальной культуры. Как никто из его современников, Пушкин предугадал ферментирующую роль «Слова» в литературном процессе нового времени. В пушкинском интересе к древней поэме сказалось не только его «необыкновенное чутье изящного» (XI, 58), но и присущий поэту историзм.

³⁹ Записки И. П. Сахарова. (Сообщено П. И. Саввайтвым). — Русский архив, 1873, № 6, с. 955.

Глава девятая

ПОЭМА ОБ ИГОРЕВОМ ПОХОДЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ГОГОЛЯ

Широкая известность, которую приобрело «Слово о полку Игореве» в литературной жизни первой половины XIX в., не только позволяет, но и делает необходимой постановку вопроса об отношении Н. В. Гоголя к древней поэме. Этому не противоречит отсутствие прямых упоминаний о «Слове» в произведениях и письмах писателя. О напряженном интересе к «Слову о полку Игореве» Капниста, Жуковского и ряда других писателей XIX в. мы ничего не знали бы до сих пор, если бы не случайно сохранившиеся архивные документы, опубликованные через много лет после того, как творчество этих писателей стало всеобщим достоянием. Личная исключительная требовательность Гоголя к своему творчеству и как следствие этого большое количество уничтоженных писателем собственных набросков и даже законченных произведений не могли способствовать сохранению многих как устных, так и письменных его высказываний.

Не может возникнуть, однако, никаких сомнений в том, что текст древней поэмы и первые попытки ее истолкования были известны Гоголю еще в период пребывания его в Нежинском лицее.¹ Несомненно, что в 1830-е годы Гоголь как писатель, увлеченный поэтическим воссозданием исторического прошлого

¹ Заметим, что в письмах к матери от 15 августа и 30 сентября 1825 г. Гоголь настоятельно просил прислать ему «Опыт о русском стихосложении» А. Х. Востокова — книгу, в которой была дана первая попытка объяснить поэтическую природу «Слова». См.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. X. [Л.], Изд-во АН СССР, 1940, с. 60—61 (далее при ссылках на это издание в тексте указываются том (римская цифра) и страница (арабская цифра)). Свидетельством исключительного интереса юноши Гоголя к древнерусской истории являются его относящиеся к 1825 г. и до нас не дошедшие литературные опыты: повесть «Братья Твердиславичи» и поэма «Россия под игом татар».

своей родины, как собиратель и исследователь народного песенного творчества и как историк, питавший особый интерес к средним векам, также не мог пройти мимо древней поэмы об Игоре в походе.

В 1830-е годы «Слово о полку Игореве» не только вызывало глубокий научный интерес ряда выдающихся русских филологов и писателей, но и стало предметом самых беззастенчивых нападок со стороны так называемых скептиков. Общение Гоголя с петербургской и московской литературной средой должно было в немалой мере способствовать усилению интереса писателя к древнему памятнику. Особое значение в этом отношении могло иметь знакомство Гоголя с М. А. Максимовичем.

Максимовича более, чем кого-либо из ученых первой половины XIX в., можно назвать восторженным поклонником «Слова о полку Игореве». Восхищение древней поэмой Максимович не уставал высказывать на протяжении всей своей сознательной жизни, как устно, так и в статьях и письмах.² В 1830-е годы им был написан ряд работ, посвященных обоснованию весьма плодотворной мысли об «однородстве» «Слова о полку Игореве» с украинской эпической поэзией. Еще в 1833 г. в рецензии на сделанный А. Ф. Вельтманом перевод «Слова» Максимович писал: «А кто сроднился с духом песен и дум украинских и вдумался в красоты „Слова о полку Игореве“, тому не покажется странным, если сказать, что „Слово о полку Игореве“ есть начало той южнорусской эпопеи, которая потом звучала и звучит еще в думах бандуристов и во многих песнях украинских, и что песнь Ярославны есть, так сказать, тема, которая распеваётся в дышащих любовью женских песнях украинских».³

Любопытно, что еще до того, как упомянутая рецензия появилась в печати, Максимович сообщал о ней в письме от 17 февраля 1833 г. П. А. Вяземскому и просил последнего узнать мнение Пушкина о взгляде на «Слово» как на начало украинского народного эпоса.⁴

Более глубокое знакомство с фольклорными источниками заставило Максимовича пересмотреть свой взгляд на «Слово о полку Игореве» и включить в число родственных древнему памятнику явлений также и русский былинный эпос. «Это, — заявлял о «Слове» Максимович в 1835 г. в одной из своих лекций, читанных в Киевском университете, — первообраз самобытной русской эпической поэзии, и в духе, и в формах».⁵

Концепция «однородства» украинского исторического эпоса со «Словом о полку Игореве» возникла у Максимовича в резуль-

² Об этом см.: Данилов В. В. М. А. Максимович в работе над «Словом о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 283—293.

³ Молва, 1833, № 24, 25 февраля, с. 94.

⁴ См.: Старина и новизна, 1901, кн. 4, с. 192—193.

⁵ Журнал Мин-ва народн. просвещения, 1836, № 4, апрель, с. 2.

тате его работы над вторым изданием «Украинских народных песен» (1834). Широкую подготовку к нему Максимович начал не позднее 1829 г.⁶ К 1829 г. относится и начало его знакомства с Гоголем, хотя период тесного сближения между ними начинается немного позднее; после их московской встречи осенью 1832 г. Гоголь, как будет показано ниже, принимал самое непосредственное участие во втором издании «Украинских народных песен», и естественно поэтому предполагать, что взгляды Максимовича на украинские исторические песни и их древнерусский «первообраз» были Гоголю хорошо известны.

До нас не дошли, к сожалению, письма Максимовича к Гоголю, и о содержании их переписки мы можем судить лишь по ответным письмам Гоголя, в которых, правда, многие интересующие нас вопросы затронуты мимоходом. Так, например, в одном из писем к Максимовичу, написанном 28 мая 1834 г., вскоре после получения от него корректурных листов «Украинских народных песен», Гоголь писал: «Ты извини меня, что я не толкую с тобою ничего о песнях. Право, душа не в спокойном состоянии. Перо в руках моих как деревянная колода, между тем как мысли мои состоят теперь из вихря. Когда увижусь с тобою, то об этой статье потолкуем вдоволь; потому что, как бы ни было, а все-таки надеюсь быть в следующем месяце в Москве» (X, 318—319).

Приблизительно такую же мысль и по такому же поводу высказывал Гоголь Максимовичу и в письме от 20 апреля 1834 г.: «Я бы тебе много кой-чего хотел еще сказать, но, право, чертовски скучно писать о том, что можно переговорить гораздо с большею ясностью и толком. Да притом это такая длинная материя: зацепи только — и пойдет тянуться» (X, 310—313).

Тем не менее и в этих письмах, несмотря на их лапидарность, можно найти ценные данные и для выяснения вопроса об отношении Гоголя к «Слову о полку Игореве».

Вероятно, еще при встрече с Максимовичем осенью 1832 г. Гоголь воодушевился планом нового издания «Украинских народных песен» и обещал их составителю свое содействие и помощь. В конце 1832 г. Гоголь занимался в Петербурге поисками художника для изготовления виньетки для готовящегося издания и после постигшей его в этом неудачи выражал свое сочувствие Максимовичу.⁷

В 1833 г. Гоголь отправляет Максимовичу из своего собрания около ста пятидесяти песен, совершенно неизвестных последнему.⁸ Вместе с тем, узнав от Максимовича о приобретении им богатого собрания песен Ходаковского, Гоголь изъявляет же-

⁶ См. об этом: Галатея, 1829, т. II, ч. 3, № 14, с. 168.

⁷ Там же, с. 249.

⁸ См. письмо Гоголя к И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г. (X, 298—300). Часть полученных от Гоголя песен Максимович включил в свое издание, не забыв указать на это в предисловии к последнему (с. IV).

лание познакомиться с этим собранием и вскоре получает его в свое временное пользование.

Обсуждая в конце 1833—начале 1834 г. план совместного с Максимовичем переезда на Украину, Гоголь пишет ему в письме от 12 марта 1834 г.: «Песни нам нужно издавать непременно в Киеве. Соединившись вместе, мы такое удерем издание, какое еще никогда ни у кого не было» (X, 300—302).

Насколько дорожил Максимович участием Гоголя в издании «Украинских народных песен», видно из того, что по мере получения из типографии отдельных корректурных листов книги он отправлял их Гоголю в Петербург для замечаний. Еще до выхода книги, познакомившись с нею лишь частично, в корректурных листах, Гоголь дважды доброжелательно упомянул о ней в своей статье «О малороссийских песнях», напечатанной в апрельском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1834 г.

Из писем Гоголя к Максимовичу видно, что последний знакомил своего друга со всеми планами и замыслами, связанными с изданием песен, и спрашивал всякий раз у Гоголя его одобрения. В письме от 26 марта 1834 г., находя предложенную Максимовичем рубрикацию песен излишне дробной, Гоголь в то же время, считая, что «разделение — вещь последняя», изъявлял готовность принять участие в комментировании книги (X, 305—307).

В письме к Максимовичу от 20 апреля 1834 г. Гоголь, высказав несколько частных замечаний, относящихся к подстрочному переводу, дал одновременно весьма высокую оценку как книге в целом, так и комментариям к ней составителя (X, 311—312). О положительной оценке Гоголем второго издания «Украинских народных песен» свидетельствует также и письмо его к Максимовичу от 29 мая 1834 г.: «Кстати: ты просил меня сказать о твоём разделении истории. Оно очень натурально и, верно, приходило в голову каждому, кто только слишком много занимался чтением и изучением нашего прошедшего. У меня почти такое же разделение, и потому я не хвалю его, считая неприличным хвалить то, что сделалось уже нашим — и твоим, и моим вместе» (X, 319—320).

Гоголь упоминает здесь несомненно о подразделении Максимовичем украинских дум в соответствии со сложившейся в его сознании периодизацией истории украинского казачества: 1) «думы о временах козачества доуниатских»; 2) «думы о временах козачества от восстания против унии до смерти Богдана Хмельницкого»; 3) «думы о временах козачества после Богдана Хмельницкого».

Большое участие, которое принимал Гоголь во втором издании «Украинских народных песен», и его одобрительное отношение к последнему представляют для нас интерес главным образом потому, что Максимович продолжал в нем отстаивать и

пропагандировать свою концепцию «однородства» украинских исторических песен с древней поэмой об Игоре в походе. В полном соответствии с названной концепцией украинские думы были даны в обрамлении цитат из «Слова о полку Игореве».

Первые три отдела книги, в которые вошли украинские думы, относящиеся к намеченным Максимовичем «трем периодам истории», открывались следующими эпиграфами из «Слова».

1-й отдел: «Съ зарания до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копия харалужныя въ поле незнаемѣ, среди земли половецкыи. Чръна земля подѣ копыты костью была посѣяна, а кровию польяна — тугою въздыша по Руськой земли...» (*Слово*, с. 17).

2-й отдел: «Уже бо, братие, не веселая година вѣстала: встала обида въ силахъ Дажь-Божа внука <...> Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузе скована, а в буести закалена <...> Мужаимѣся сами! переднюю славу сами похитимѣ, а заднюю ся сами подѣлимѣ <...> А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птиць възбываетъ не дасть гнѣзда своего въ обиду! <...> Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти!» (*Слово*, с. 5, 19, 26—27).

3-й отдел: «Ту кровавого вина не доста! ту пир докончаша храбрыи Русичи, сваты попоиша, и сами полегоша за землю Руськую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось» (*Слово*, с. 18—19).

Общий для трех перечисленных отделов книги эпиграф был взят Максимовичем также из «Слова о полку Игореве»: «Боянъ же, братие, не десять соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нъ своя вѣщия персты на живая струны вѣскладаше — они же сами княземъ славу рокотаху!» (*Слово*, с. 4):

Такой подбор и размещение эпиграфов имели целью обратить внимание читателя на преемственную связь между «Словом о полку Игореве» и украинскими думами. Непосредственное указание на эту связь сделал Максимович и во введении ко второй части издания. «„Слово о полку Игореве“, — читаем мы там, — есть драгоценный памятник южнорусской поэзии XII века, имеющий, по моему мнению, поэтическое однородство с думами и песнями украинскими».⁹

Получив от Максимовича первые корректурные листы книги с думой о Федоре Безродном, где, заметим кстати, были помещены две цитаты из «Слова» и две ссылки на него,¹⁰ Гоголь в письме от 20 апреля отвечал Максимовичу: «Отпечатанные листки меня очень порадовали. Издание хорошо. Примечания с большим толком <...> Ты каждое слово так удачно и хорошо растолковал, что кладешь его в рот всякому, кто захочет понять песню» (X, 310—313).

⁹ Максимович М. А. Украинские народные песни. М., 1834, с. 68 (упоминания о «Слове» встречаются также и на с. VI, 4, 8, 67).

¹⁰ Там же, с. 1, 3, 4, 8.

Подобно Максимовичу Гоголь разделял убеждение, что истоки как русского былинного эпоса, так и украинских дум восходят к глубокой древности. В «Учебной книге словесности» (1844—1845) Гоголь писал: «Дума есть род стихотворений не заимствованных ниоткуда, но образовавшийся у славян» (VIII, 476).

Таким образом, одобрительное отношение Гоголя к составленному Максимовичем комментарию к «Украинским народным песням» мы вправе рассматривать как косвенное свидетельство того, что великий писатель в принципе разделял мнение Максимовича об «однородстве» «Слова о полку Игореве» с русским и украинским народным эпосом.

Летом 1835 г. Гоголь получил, наконец, долгожданную возможность встретиться с Максимовичем и вместе с ним «потолковать вдоволь» об украинских песнях вообще и о втором издании «Украинских народных песен» в частности. Возвращаясь из Васильевки в Петербург, Гоголь заехал к проживавшему в Киеве Максимовичу и пробыл у него около пяти суток. Если вспомнить при этом, что весной этого года Максимович закончил чтение в Киевском университете своего знаменитого цикла лекций о древней поэме, то правомерно будет заключить, что как песни, так и «Слово» не могли не стать предметом живейшего обсуждения при его встрече с Гоголем.

В апрельском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1836 г., т. е. за несколько месяцев до отъезда Гоголя за границу, была напечатана первая часть университетских лекций Максимовича о «Слове». Гоголь внимательно следил за научной и литературной деятельностью Максимовича, и поэтому трудно себе представить, чтобы и с этой замечательной работой своего приятеля он не был знаком.

Обсуждение различных вопросов, относящихся к древней поэме об Игоревом походе, безусловно было неизбежным элементом общений Максимовича с Гоголем. Судить об этом позволяет, в частности, и записанный П. А. Кулишом рассказ самого Максимовича о его поездке вместе с Гоголем летом 1850 г. из Москвы на Украину.

«В дороге, — рассказывает Кулиш, — один только случай явственно задел поэтические струны в душе Гоголя <...> Проснувшись на заре, наши путешественники услышали неподалеку от постоялого двора какой-то странный напев, звонко раздававшийся в свежем утреннем воздухе.

— Поди послушай, что это такое, — просил Гоголь своего друга: — Не купальные ли песни? Я бы и сам пошел, но ты знаешь, что я немножко из-под Глухова.

Г-н Максимович подошел к соседнему дому и узнал, что там умерла старушка, которую оплакивают поочередно три дочери. Девушки причитывали ей импровизированные жалобы с редким искусством и вдохновлялись собственным своим плачем <...>.

Проплакав всю ночь, девушки до такой степени наэлектризовались поэтически-горестными выражениями своих чувств, что начали думать вслух тоническими стихами. Раза два появлялись они, то та, то другая, на галерейке второго этажа и, опершись на перилы, продолжали свои вопли и жалобы, а иногда обращались к утреннему солнцу, говоря: „Солнышко ты мое красное!“, и тем „живо напоминали мне (говорил г. Максимович) Ярославну, плакавшую рано, Путивлю городу на заре. . .“.

Когда он рассказал обо всем виданном и слышанном поэту „из-под Глухова“, тот был поражен поэтичностью этого явления и выразил намерение воспользоваться им при случае в „Мертвых душах“.¹¹

Для правильного понимания приведенного рассказа важно заметить, что не вид самих плакальщиц (Гоголь их не видел), а осложненное образом Ярославны восприятие их Максимовичем нашло отклик в поэтическом сознании Гоголя.

М. А. Максимовича нельзя обойти также и при выяснении вопроса о том, какое отношение имел Гоголь к занятиям «Словом о полку Игореве» Пушкина. Как это установлено уже исследователями, Максимович в известной мере содействовал в 1834 г. усилению интереса Пушкина к древней поэме.¹² Выдвинутый Максимовичем взгляд об «однородстве» украинских дум со «Словом о полку Игореве» несомненно заинтересовал великого поэта. И может быть, не без воздействия Пушкина в 1835 г. Максимович пересмотрел свою концепцию и уточнил ее, включив, как сказано об этом выше, в число родственных «Слову» произведений русский былинный эпос. Важно отметить, что в 1833—1834 гг. Гоголь выступал в роли своеобразного посредника между Пушкиным и Максимовичем. В конце 1833 г. Гоголь просит Пушкина принять участие в издававшемся Максимовичем альманахе «Денница» (X, 288—289 — письмо Гоголя к Максимовичу от декабря 1833 г.). В марте 1834 г. Гоголь обращается к Жуковскому и Пушкину с просьбой оказать Максимовичу содействие в переводе его в Киевский университет (X, 305—307 — письмо Гоголя к Максимовичу от 26 марта 1834 г.).

Получив в корректуре первый лист «Украинских народных песен», Гоголь пишет Максимовичу 20 апреля 1834 г.: «Я еще никому не успел показать его, но понесу к Жуковскому и похвастаюсь Пушкину и мнения их сообщу тебе поскорее» (X, 310—313). 18 июля 1834 г. Гоголь сообщает ему же: «Я получил

¹¹ Кулиш П. Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. II. СПб., 1856, с. 237—238.

¹² См.: Лернер Н. Из истории занятий Пушкина «Словом о полку Игореве». — В кн.: Пушкин. 1834. Л., 1934, с. 99—104; Цявловский М. А. Пушкин и «Слово о полку Игореве». — Новый мир, 1938, № 5, с. 263.

твои экземпляры песен и по принадлежности раздал кому следовало. Препровождаю к тебе благодарность получателей. Жуковский читал некоторые: они произвели эффект» (X, 332—333). Среди лиц, которым раздавал Гоголь экземпляры «Украинских народных песен», был и Пушкин: в библиотеке поэта сохранился экземпляр названного издания с дарительной надписью Максимовича.¹³

К лету 1834 г. относится сделанная Пушкиным на записке к нему Гоголя выписка первого куплета из галицкой песни «Черна земля заорана». Согласно общему мнению исследователей (Лернера, Цявловского, Ясинского), выписка эта была сделана великим поэтом для языковых и стилистических сопоставлений ее со «Словом о полку Игореве». Песня «Черна земля заорана» вошла в сборник «Украинских народных песен» 1834 г. Это несколько не противоречит, однако, выводу Ясинского, основанному на текстологических наблюдениях, о том, что названная выписка была сделана Пушкиным из сборника песен Вацлава Залесского и что поэт получил этот редкий сборник от Гоголя.¹⁴ Гоголь действительно владел экземпляром сборника песен Вацлава Залесского и еще в письме от 7 января 1834 г. к Максимовичу советовал ему использовать их в задуманном им издании (X, 291—292).

Пушкин мог получить от Гоголя и сведения о Ходаковском, которого он причислял к выдающимся знатокам «Слова о полку Игореве». Печатные сведения о занятиях Ходаковского древней поэмой отсутствовали, следовательно Пушкин должен был пользоваться какими-то устными преданиями. Максимовичу, хранившему часть архива Ходаковского, более чем кому-либо другому был известен круг интересов этого ученого. Однако после 1831 г. ни непосредственного общения, ни переписки с Максимовичем у Пушкина не было. Здесь, как и в других аналогичных случаях, посредником между ними, скорее всего, мог выступать Гоголь: известно, что именно в это время Гоголь с увлечением изучал полученное им от Максимовича богатейшее собрание песен Ходаковского.

В 1835 г., как свидетельствует «Отчет по Санкт-Петербургскому учебному округу» за этот год, Гоголь готовил к печати труд «О духе и характере народной поэзии славянских народов: сербов, словаков, черногорцев, галичан, малороссиян, великороссиян и прочих».¹⁵ Эта работа показывает, что Гоголя в 30-е годы серьезно занимали вопросы истории устной поэзии у славянских народов.

¹³ См.: Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1940, с. 61, № 227.

¹⁴ См.: Ясинский Я. И. Из истории работы Пушкина над лексикой «Слова о полку Игореве». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. VI. М.—Л., 1941, с. 343—344.

¹⁵ См.: Машинский С. Гоголь. М., 1951, с. 65.

Таким образом, можно смело утверждать, что Гоголю было хорошо известно увлечение древней поэмой не только Максимовича, но и Пушкина.

При отсутствии прямых высказываний Гоголя о «Слове» далеко не бесполезной будет попытка найти отражение древней поэмы об Игоре в походе в творчестве писателя.

Подобная попытка в пятидесятые годы была предпринята И. А. Новиковым в его книге «Пушкин и „Слово о полку Игореве“». Не останавливаясь на теме «Гоголь и „Слово“» сколько-нибудь подробно, Новиков указал на несколько фразеологических совпадений с древней поэмой в повести «Страшная месть». К числу таких совпадений, отражающих влияние «Слова», он относит воспоминания Данилы о минувших временах, описание битвы казаков с поляками и гибели Данилы, образ бандуриста, пальцы которого бегали по струнам с такою легкостью, что, «казалось, струны сами играли», и относящиеся к отцу слова Катерины: «У него сердце из железа выковано, ему выковала одна ведьма на печельном огне».¹⁶

Далеко не все перечисленные Новиковым сопоставления можно назвать удачными. Попытка его расценивать совпадения со «Словом о полку Игореве» в «Страшной мести» как результат «горячей писательской беседы» Гоголя с Пушкиным и Жуковским летом 1831 г. не подтверждена никакими документальными данными. Ценность наблюдений Новикова снижается еще и тем, что исследователь ограничил круг своих наблюдений одной небольшой повестью Гоголя. Тем не менее мнение, что на «Страшной мести» отразилось влияние «Слова о полку Игореве», следует признать вполне правдоподобным.

Полезной следует признать и другую попытку подобного же рода, предпринятую еще в 1902 г. проф. И. Мандельштамом в его исследовании «О характере гоголевского стиля», — попытку, которая Новикову осталась неизвестной. Ценность замечаний Мандельштама состоит в том, что в них указывается на связь между «Словом о полку Игореве» и «Тарасом Бульбой» — произведением, которое во всех отношениях стоит гораздо ближе к древней поэме, чем повесть «Страшная месть». Мы приводим ниже интересующее нас место из книги Мандельштама.

«Еще образ: „<...> Оглянулся он теперь вокруг себя: все новое на сечи, все перемерли старые товарищи. Ни одного из тех, которые стояли за правое дело, за веру и братство <...> все положили головы, все сгибли <...> Слышал он только, что был пир сильный, шумный пир; вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли: расхитили гости и слуги все дорогие

¹⁶ См.: Новиков И. Пушкин и «Слово о полку Игореве». М., 1951, с. 107—110.

кубки и сосуды, и смутный стоит хозяин дома, думая: «лучше бы и не было того пира»».

Кому не придет на мысль поэтический образ сравнения битвы с пиром в „Слове о полку Игореве“: „ту кровавого вина не доста, ту пир докончаша храбрий русичи: сваты напоиша, и сами полегоше за русскую землю“.

„... Уже успело ему углубиться под сердце копье... и хлынула ручьем молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли в стеклянном сосуде из погребца неосторожные слуги: поскользнулись тут же у входа и разбили дорогую сулею, все разлилось на землю вино“. Конец этого отрывка дополняет картину сравнения пира с боем: „и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший вино про лучший случай в жизни...“; а образам, идущим в „Слове о полку Игореве“ непосредственно за приведенными: „Ничить трава жалоцями, а древо с тугою к земли преклонилось“, — совершенно соответствует гоголевский образ, созданный им при описании бедствий, причиняемых Тарасом в отместку за казнь сына: „не уважили козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц <...> зажигал их Тарас <...> подымались к небесам крики, от которых подвинулась бы самая сырая земля и степовая трава поникла бы от жалости долу“¹⁷.

Указывая, однако, на сходство образов «Тараса Бульбы» и «Слова», Мандельштам нигде не говорит об их генетической зависимости. Многократно подчеркивая общность художественного сознания Гоголя и «народно-поэтической стихии», исследователь давал читателю основание воспринимать это сходство как умение писателя «перенестись в народно-поэтическое созерцание», первоначальным и необыкновенно высоким выражением которого, на взгляд исследователя, и являлось «Слово о полку Игореве».

Как бы ни была близка, однако, эстетическая «стихия» древней поэмы эстетической системе Гоголя, не будет ошибкой приведенные Мандельштамом примеры из «Тараса Бульбы» рассматривать как непосредственные реминисценции из «Слова о полку Игореве».

Народная поэзия дает немало примеров, где битва сравнивается с пиром, однако такого усложненного сравнения, какое встречается в «Слове» (битва — это пир, на котором приглашенным сватам-гостям недостает вина), в народной поэзии мы не встречаем. Не встречается в ней и образ дерева (травы), склоняющегося к земле от жалости к людям. Подобные образы могли проникнуть в художественное произведение только непосредственно из «Слова о полку Игореве».

¹⁷ Мандельштам И. О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс, 1902, с. 48—49. Мандельштам указывает (с. 49) и на третью параллель к «Слову» из творчества Гоголя — на образ играющего бандуриста из «Страшной мести», который отмечен также и в книге Новикова.

Помимо приведенных Мандельштамом примеров, в «Тарасе Бульбе» есть и другие совпадения с образами и стилем «Слова», причем некоторые из них нельзя назвать иначе, как заимствованиями. К ним следует, например, отнести фразеологизм «жемчужная душа». Это выражение встречается в авторской характеристике речи Тараса Бульбы, обращенной к казакам: «Знать видно много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудренного горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почувствовавшего молодую жемчужную душою на вечную радость старцам-родителям, родившим его» (II, 134).

Образ «жемчужной души» встречается, как известно, в «Слове о полку Игореве» в картине смерти сына Василькова Изяслава: «Единъ же изрони жемчужну душу из храбра тела чрьсь злато ожерелие» (*Слово*, с. 34). Этот образ отсутствует в устном народном творчестве, как отсутствует он, впрочем, и в литературе нового времени. Исследователи «Слова о полку Игореве» потратили немало усилий для того, чтобы хоть сколько-нибудь удовлетворительно объяснить этот сложный и несколько неожиданный для нашего восприятия образ. Д. В. Айналову, написавшему к обороту «изрони жемчужную душу» наиболее обстоятельный и удачный комментарий, удалось разыскать несколько аналогичных, хотя и не дословно совпадающих, оборотов в средневековой литературе, и в частности один из них («естество душевное видя, яко бисер блестящесея») — в хорошо известной древней Киевской Руси «Хронике Георгия Амартола». «Таким образом, — заключал Айналов, — выражение „изрони жемчужную душу“ не только книжного происхождения, но навеяно средневековыми представлениями о душе как о чистой, блестящей жемчужине».¹⁸

К числу вероятных заимствований из «Слова» относится и следующее место из «Тараса Бульбы», рисующее душевное состояние героя после поражения, понесенного казаками под Дубно: «... и уже давно поросла травкою когда-то кипевшая козацкая сила» (II, 148). Это место как по смыслу, так и по стилю родственно тому краткому, но предельно насыщенному чувством тексту из «Слова», в котором изображается душевное состояние русских людей после битвы на берегах Каялы: «Уже бо, братие, не веселая година вьстала, уже пустыни силу прикрыла» (*Слово*, с. 19).

К образам «Слова о полку Игореве», а конкретнее к образу Бояна, восходит в «Тарасе Бульбе» и образ «вещего духа» бан-

¹⁸ Айналов Д. В. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве». — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 177—178.

дуриста, произносящего во славу погибших казаков «густое, могучее слово» (II, 131—132).

Наличие отмеченных выше заимствований из «Слова о полку Игореве» в повести «Тарас Бульба» — факт в высшей степени знаменательный, так как связь двух этих произведений далеко не исчерпывается стилистическими и текстуальными совпадениями. Сколько бы ни были отличны друг от друга «Слово» и «Тарас Бульба», они имеют между собой много общего по своему жанровому типу, основному замыслу и лежащим в их основе эстетическим принципам. «Слово о полку Игореве» служило для Гоголя тем образцом национальной героической эпопеи, которому он во многом следовал при создании повести «Тарас Бульба».

В первой трети XIX в. заметное воздействие древней поэмы об Игореvem походе испытала на себе русская историческая проза. Уже у П. Ю. Львова, А. Ф. Вельтмана, М. Н. Загоскина, Н. А. Полевого и многих других писателей мы найдем многочисленные примеры заимствований из «Слова». Широко, хотя отнюдь не всегда удачно, использовался мифологический репертуар поэмы (Даждь-бог, Велес, Стрибог, Дева-обида, див), ряд героических образов, даже ее отдельные впечатляющие слова (былина, рокотать, ширяться и др., не говоря уже о ставшем нарицательным имени Бояна). В 1830-е годы «Слово» приобрело настолько широкую известность, что, по мнению исследователя, им пользовались для заимствований даже писатели, тематически с ним не соприкасавшиеся.¹⁹ Однако обращение к «Слову о полку Игореве» у большинства романистов и поэтов не выходило за пределы стилизаторства и подражательства.

О более плодотворном использовании «Слова о полку Игореве» можно говорить по отношению к писателям-декабристам. И Рылеева («Боян», «Рогнеда» и др.), и Бестужева-Марлинского («Андрей, князь Переяславский»), и А. И. Одоевского («Василько», «Дева 1610 г.»), и Ф. Н. Глинку («Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия»), и примыкавшего к декабристам Н. И. Гнедича (набросок поэмы о Васильке Теревовльском) увлекали прежде всего гражданский пафос и патриотические идеи древней поэмы. К декабристскому взгляду на поэму во многом был близок Пушкин.

Взгляды передовых русских писателей первой трети XIX в. на «Слово» были усвоены также и Гоголем. Даже по приведенным выше нескольким примерам можно заключить, что в поэтическом сознании Гоголя нашли отклик прежде всего гражданские и патриотические мотивы древнерусского памятника. Даже такой «экзотический» элемент поэмы, как «жемчужная душа», подчи-

¹⁹ См.: Сиповский В. В. Следы влияния «Слова о полку Игореве» на русскую повествовательную литературу первой половины XIX столетия. — Известия по русскому языку и словесности АН СССР, 1930, т. III, с. 256.

нен идее прославления ратных подвигов казаков. В отличие от многих современных ему прозаиков и поэтов, рисовавших развлекателя пиров, сладкопевца Бояна, Гоголь, следуя «Слову», создает «вещего духом» бандуриста, певца освободительной борьбы, слово которого уподоблено «гудящей колокольной меди».

Для правильного понимания связей, существующих между «Словом о полку Игореве» и повестью «Тарас Бульба», важно заметить, что все отмеченные выше заимствования из «Слова» отсутствуют в первом издании повести Гоголя. Это не значит, что в первой редакции «Тараса Бульбы» нет влияния древней поэмы: оно сказывается и в ней, хотя и в менее выраженной форме. Следует, однако, признать бесспорным тот знаменательный факт, что в 1839—1841 гг., при переработке «Тараса Бульбы», Гоголь вновь обращался к древней поэме об Игоревом походе.

Весь 1839 год проходит для Гоголя под знаком увлечения народной поэзией, отечественной историей, а также историей славянства. В мае этого года он с большим увлечением читает «Славянские древности» Шафарика, полученные им в подарок от автора. Проявляя живой интерес ко всем наиболее значительным трудам в области истории и этнографии, Гоголь вынашивает новые творческие планы. 25 августа 1839 г. из своего «венского уединения» он пишет Шевыреву: «Передо мною выясняются и проходят поэтическим строем времена козачества <...> Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навели их, или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается» (XI, 241—242).

Летом 1839 г. Гоголем были получены от Погодина «Песни русского народа» И. П. Сахарова. Первые две части этого издания вышли в свет еще в 1838 г., три последние — в 1839 г. Следует предполагать, что Погодин отправил Гоголю все пять частей «Песен русского народа». Чтение Гоголем этого издания представляет для нас большой интерес по той причине, что в его пятой части было напечатано «Слово о полку Игореве» с обширной вступительной статьей к нему, написанной составителем книги. Включая «Слово о полку Игореве» в свод песен русского народа, Сахаров как бы солидаризировался с Максимовичем и его концепцией «однородства». Гоголь дорожил изданием «Песен русского народа». Побывав в следующем году на родине и уезжая снова за границу, он в письме от 10 июня 1840 г. к С. Т. Аксакову просил К. С. Аксакова выслать ему — «если только вышло — компактное издание Русских песней Сахарова» (XI, 287). Очевидно, пять томов «Песен русского народа» были неудобны для пользования, в особенности для дорожного чтения, и, вспомнив какие-то слышанные им в Москве разговоры о готовящемся новом издании «Песен», Гоголь решил обратиться к Аксакову с этой просьбой.

«Компактным изданием» песен Сахарова, которое интересовало Гоголя, могло быть третье переработанное издание «Сказаний русского народа» (в двух томах), куда, заметим кстати, «Слово о полку Игореве» также входило. Издание это вышло в свет в 1841 г.

В одном из этих двух изданий Сахарова, вероятно, и перечитывал Гоголь «Слово о полку Игореве» в 1839—1841 гг., т. е. в период работы над новым изданием «Тараса Бульбы».

В своей новой редакции повесть «Тарас Бульба», по определению Белинского, «сделалась вдвое обширнее и бесконечно прекраснее». ²⁰ Перерабатывая повесть, Гоголь вводил в нее новые эпизоды, углублял характеристики героев, уточнял детали казачьего быта. Коренной переработке подвергся конец повести. И детализация описания битвы под Дубно, и введение речей Тараса к казакам преследовали цели эпического прославления безграничной отваги и удалства казаков, их беззаветного патриотизма. Переработка сказалась и на основном идейном замысле повести. Если в первой редакции повести казаки сражаются за Сечь, за Украину, то в новой редакции произведения их сознание возвышается до идеи защиты Русской земли, до идеи дружбы двух братских народов. Значительная часть изменений, внесенных Гоголем в повесть, была подсказана «Словом о полку Игореве».

В свое время, рассматривая отсутствующие в первой редакции повести Гоголя эпизоды битвы казаков под Дубно, В. Брюсов писал: «Очень вероятно, что бой под Дубно и написан не столько на основании изучения малороссийской старины, сколько под влиянием перевода Гнедича „Илиады“». ²¹ Анализируя такие «гиперболические образы» повести Гоголя, как «летят головы», «снопами валяются ляхи», «сабельный блеск» и т. п., Брюсов не находил в них «исторической и этнографической правды» и, не смущаясь, относил их к «мифическим временам похода под Троею».

Само по себе правомерное предположение о том, что при создании «Тараса Бульбы» Гоголь держал в поле своего зрения наряду с другими произведениями также и «Илиаду», получило как у Брюсова, так и у ряда других исследователей и комментаторов крайне неверную трактовку, не учитывающую ни глубокого изучения Гоголем «малороссийской старины», ни внимательного и чуткого отношения писателя к традициям русского национального эпоса.

Заметим кстати, что поразившие Брюсова своим несоответствием «исторической и этнографической правде» метафоры и «гиперболические образы» в повести Гоголя широко распростра-

²⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1955, с. 660—661.

²¹ Брюсов В. Испепеленный. М., 1909, с. 17.

нены как в русской, так и в украинской народной эпической поэзии.²² Гиперболические образы являются также неотъемлемой особенностью и поэтики «Слова о полку Игореве».²³

Народному эпосу, и в частности украинским историческим песням, Гоголь придавал огромное значение для постижения самой сущности исторических событий. «Историк, — писал Гоголь в статье «О малороссийских песнях», — не должен искажать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии» (VIII, 94).²⁴

Огромное значение для постижения прошлого и «стихий» русского национального характера должен был придавать Гоголь и древней «песне» об Игореvem походе.

Эпическая простота и вместе с тем далекая от спокойного и однообразного ритма древнегреческого эпоса патетическая взволнованность описаний битвы под Дубно была подсказана автору «Тараса Бульбы» прежде всего украинскими историческими песнями и «Словом о полку Игореве».

Идея защиты Русской земли от иноземного вторжения, эта основная идея «Слова», и определяет как его композицию, так и его изобразительные средства. Ни на один миг не отвлекается внимание автора древней поэмы от мыслей о Русской земле, ее чести и славе, ее страданиях и ее веселии. Чувство любви к родине заставляет автора обращаться к ее прошлому, скорбеть о ее настоящем, надеяться и верить в ее будущее. Слова и выражения «русский», «русичи», «Русская земля» и т. п. в небольшой по объему поэме употребляются в 29 случаях, и ни одно из этих упоминаний, усиливающих публицистическую направлен-

²² Достаточно будет указать хотя бы на следующие два места из «Думы про козачка Нечая», которая особенно нравилась Гоголю: 1) «Ой як візьме козак Нечай от башты до башты і став ляшків, вражих синів, як снопики класти»; 2) «Стрепенеться козак Нечай об полі руками: Сюды гліяне, туды гліяне — тече кров ріками» (Украинские народные песни, с. 97—100).

²³ Ср.: 1) Кровавые зори свет поведают; 2) Камо тур поскачаше, своим златым шеломом посвечивая, тамо лежат поганяны головы половецкие; 3) тоска розляися по Русской земли; 4) притопта хльми и яруги, взмути реки и озеры; 5) ваю храбрая сердца в жестоцем харалуже склована; 6) ты бо можеш Волгу роскропити, а Дон шелома выльяти; 7) Не ваю ли злачеными шелома по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают аки Тури? 8) Подпер горы угорский своими железными полкы; 9) На Немизе снопы стелят головами, молотят чеши харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела, и т. д.

²⁴ Статья впервые была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (1834, № 4, с. 17).

ность поэмы, не воспринимается как излишнее повторение. Самые волнующие и впечатляющие образы находит автор «Слова» для выражения любви к родине и ее сынам, погибающим за ее славу и честь на поле битвы.

Идея защиты родной земли, идея товарищества и общего дела легла также и в основу «Тараса Бульбы». Однако понятие общего дела в первой редакции повести, как уже сказано, связывалось с идеей казачьего братства. В новой редакции «Тараса Бульбы» с особенной силой прозвучала идея защиты всей Русской земли. Для воплощения этой идеи Гоголь подобно автору «Слова» смело пользуется средствами и приемами обнаженно публицистического, ораторского стиля.

Речи Тараса Бульбы с их непрерывными вопросительными и восклицательными интонациями и высокой патетикой, с их страстным призывом к защите Русской земли и апелляцией к прошлому, с их перечислением «обид» своего времени и осуждением казачьей старшины и ее «неспособности» заставляют нас вспомнить и золотое слово Святослава, и призывы самого автора древней поэмы вступить «в златъ стремень за обиду сего времени, за землю Русскую». Приведем в качестве образца отрывок из обращения Тараса к казакам накануне последней битвы под Дубно: «Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребях запечатанные меды их. Перенимают, черт знает, какие басурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а поскудная милость польского магната, который желтым чоботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства» (II, 134).

Так же как и в «Слове», в повести «Тарас Бульба» патристический пафос достигает своей вершины в картинах, изображающих битву и умирающих за отчизну героев. «Не о корысти и военном прибытке теперь думали они, не о том, кому посчастливится набрать червонцев, дорогого оружья, шитых кафтанов и черкесских коней; но загадались они — как орлы, севшие на вершинах обрывистых, высоких гор <...> Как орлы озирали они вокруг себя очами все поле и чернеющую вдали судьбу свою» (II, 131).

Здравицу в честь Русской земли произносит раненный на смерть казак Мосий Шило. Поднятый на четыре копыта Степан Гуска перед тем, как испустить «дух свой», произносит: «Пусть же пропадут все враги, и ликует вечныя веки Русская земля!» (II, 139). Бесстрашно расстается с жизнью раненный пулей и упавший с воза Бовдюг. «Пусть же славится до конца века Русская земля!» — его последнее слово. «И понеслась к вышнякам Бовдюгова душа рассказать давно отшедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как

умеют умирать в ней за святую веру» (II, 140). Со здравицами в честь Русской земли на устах умирают также и куренные атаманы Балабан и Кукубенко.

В русской литературе XIX в. трудно указать, помимо «Тараса Бульбы» Гоголя, другое произведение, в котором тема защиты Русской земли была бы поставлена с такой же широтой и публицистической смелостью, как в «Слове о полку Игореве».

Создавая «Тараса Бульбу», Гоголь кропотливо изучал историю украинского казачества XV—XVII вв., использовал при этом многочисленные фольклорные и письменные источники. К таким источникам следует причислить и «Слово о полку Игореве». Разумеется, древнюю поэму об Игоревом походе нельзя ставить в один ряд с такими чисто фактографическими источниками, как например «Описание Украины» Бошлана или «История о казаках запорожских» Мышецкого. Подобно Максимовичу, Гоголь рассматривал «Слово» как «первообраз» русского и украинского народного эпоса. И так же как и в украинских песнях, в «Слове о полку Игореве» Гоголь искал не «показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции», а художественное отображение русского национального характера, «дух минувшего века».

Отмеченные выше заимствования из «Слова», вкрапленные в художественную ткань «Тараса Бульбы», представляют собой лишь отдельные, наиболее заметные следы того огромного воздействия, которое оказала древняя поэма об Игоревом походе на повесть Гоголя.²⁵

²⁵ В 1954 г., когда девятая глава настоящей книги в виде статьи была впервые опубликована в ленинградском сборнике «Гоголь» под ред. М. П. Алексеева, в «Ученых записках Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина» (т. XXIV, вып. 3) вышла из печати статья Н. В. Водовозова «Н. В. Гоголь и „Слово о полку Игореве“», автор которой, используя другие источники и иную систему доказательств, пришел во многом к сходным с нами выводам.

Глава десятая

ОТЗВУКИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ПОЭЗИИ ЛЕРМОНТОВА

«Слово о полку Игоре» не упоминается в сочинениях М. Ю. Лермонтова, и, по-видимому, поэтому ни в исследованиях о его творчестве, ни в работах, посвященных связям древнерусской письменности с литературой XIX в., отношение поэта к поэме об Игоровом походе не рассматривается. И вместе с тем острейший интерес автора «Песни про царя Ивана Васильевича» к животрепещущим вопросам русской истории, начиная от ее «мифического» периода и кончая современностью, делает постановку вопроса об отношении писателя к гениальному памятнику древнерусской литературы не только целесообразной, но и необходимой.

В русской литературе прошлого века нет художника, который бы мог с такой же естественностью и достоверностью, как Лермонтов, воссоздавать мышление и чувствования людей самого отдаленного исторического прошлого, обладавших, подобно героям «Слова о полку Игоре», первобытно-пантеистическим мирозерцанием. Примером такого воссоздания могут служить строки лермонтовского стихотворения «Дары Терека», посвященные Каспию (1839):

И старик во блеске власти
Встал могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный,
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.¹

¹ Лермонтов М. Ю. Соч. в 6-ти т., т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954, с. 128. (Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра)).

Восхищала ли первозданная поэтичность «Слова» юного Лермонтова? По-видимому, да. Известно, что преподавателем словесности в Благородном пансионе при Московском университете, на 4-й курс которого поступил Лермонтов в 1828 г., был Д. Н. Дубенский, опубликовавший в этом же году «Опыт о народном русском стихосложении», где древняя поэма рассматривалась как произведение, написанное близким к гекзаметру «шестистопным дактило-хорейческим стихом». Дальнейшее изучение памятника Дубенским завершилось изданием в 1844 г. его капитального труда «Слово о полку Игореве», не утратившего своего научного значения и по сию пору.²

Преклонялся перед «Словом о полку Игореве» и А. Ф. Мерзляков, также преподававший словесность в Благородном пансионе и дававший, заметим кстати, юному Лермонтову частные уроки. Находивший в древней поэзии европейских народов отблески былой народной свободы, Мерзляков в одной из своих университетских речей провозглашал: «Да пробудятся наши Баяны, парящие соколом по поднебесью, серым волком по темным дубравам! Да оживится благолепное царствование Северного Соломона — Великого Владимира!». Призывая молодежь разыскивать следы древности в народном творчестве, Мерзляков патетически восклицал: «О! каких сокровищ мы себя лишаем! Собирая древности чуждые, не хотим заняться теми памятниками, которые оставили знаменитые предки наши. В русских песнях мы бы увидели русские нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть; в них бы полюбили себя снова и не постыдились так называемого первобытного своего варварства. Но песни наши время от времени теряются, смешиваются, искажаются и наконец совсем уступят блестящим безделкам иноземных трубадуров. Неужели не видим ничего более подобного несравненной песни Игорю?..».³

В этой же связи следует также назвать и Станислава Афанасьевича Раевского (1808—1876), поплатившегося, как известно, за распространение лермонтовского стихотворения «Смерть поэта» почти двухлетней ссылкой (март 1837 — декабрь 1839 г.).

Воспитанник Московского университета, родственник и многолетний друг Лермонтова Раевский, встречаясь с ним как в Москве, так и в Петербурге, принимал деятельное участие в его жизненных и творческих планах. По словам исследователя, «из петербургских товарищей Лермонтова за 1834—1837 гг., с кем поэт мог делиться в откровенном разговоре своими размышлени-

² См.: Головенченко Ф. М. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный и библиографический очерк. — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1955, т. 82. Кафедра русской литературы, вып. 6, с. 108—110.

³ Образцовые сочинения в прозе, собранные и изданные А. Ф. Воейковым. Ч. 2. М., 1841, с. 70, 71.

ями о режиме „Николая-Медузы“ (Николая I, — *Ф. П.*), можно назвать одного только Раевского, который <...> свободно раскрывал перед поэтом картины лучшего будущего, поддерживая в нем веру в торжество дорогих им обоим идей».⁴

Изучая народное творчество не только в теоретическом плане, но являясь собирателем фольклора и на практике, Раевский опубликовал в 12-м, 13-м, 19-м и 21-м «Прибавлениях к „Олонецким губернским ведомостям“» за 1838 г. (номера от 8 октября, 15 и 26 ноября, 17 декабря) свою статью «О простонародной литературе», в значительной части посвященную русским народным плачам. В ней автор впервые поставил Плач Ярославны в связь с причитаниями народных воплениц. Статья Раевского была итогом его длительных наблюдений. Опираясь данными Воскресенской, Софийской и Никоновской летописей, равно как и другими книжными источниками, автор продемонстрировал превосходное для своего времени знакомство с древнерусской письменностью. Не приходится сомневаться в том, что труд Раевского был хорошо известен Лермонтову.

В 1830 г. молодым поэтом была написана «Песнь барда» (опубликована лишь в 1889 г.). Название этого стихотворения носит на себе отпечаток оссианизма — литературного течения, возникшего еще в конце XVIII в. в недрах классицизма и продолжавшего мирное сосуществование с новыми литературными направлениями, следовавшими за классицизмом, — сентиментализмом и романтизмом.

Изданный в 1765 г. шотландским фольклористом Макферсоном под именем легендарного кельтского барда III в. Оссиана сборник старинных шотландских и ирландских народных песен, обработанных и доработанных издателем, получил со временем мировую известность. Державин, Жуковский, Батюшков, Гнедич, Пушкин, Кюхельбекер и многие другие русские поэты испытали на себе влияние песен Оссиана.

Изображение племенной вражды древних кельтов, их борьбы с иноземными захватчиками, меланхолические воспоминания о героическом прошлом, написанные в сентиментальном стиле сцены любви клановых вождей, величественные картины сумрачной северной природы, свободные от классицистской регламентации формы повествования — все это возбуждало умы и покорило сердца. Кельтское слово «бард» (в значении «древний певец») с момента появления первых переводов из Оссиана (конец 1780-х годов) проникло в русский литературный язык и продолжало бытовать в нем и после того, как получило известность и стало нарицательным имя легендарного древнерусского поэта Бояна (Баяна). Заметим, кстати, что под именем Бояна нередко подразумевали также и автора «Слова о полку Иго-

⁴ Бродский Н. Святослав Раевский, друг Лермонтова. — Литературное наследство, т. 45—46. М., 1948, с. 310.

реве», поскольку имя его история нашей письменности не сохранила. Само собою разумеется, что в момент, когда было написано стихотворение Лермонтова, слово «бард», обросшее чисто русскими ассоциациями, могло утратить в глазах соотечественников признаки своего шотландско-ирландского происхождения. Чисто русский облик придает своему барду и Лермонтов. И на гуслях, а не на оссиановской арфе играет он свои песни. Уроженец Киевской Руси, он многие годы провел на чужбине. Возвратившись на склоне лет на родину, седой певец потрясен кровавым торжеством завоевателей:

Сходились к брошенным костям
Толпы зверей и птиц лесных,
Затем что больше было там
Число убитых, чем живых.

(I, 145)

Нарисованные здесь поэтом ужасы монгольского нашествия сродни тем картинам страданий Русской земли, отданной князьями на растерзание половцам, которые следуют одна за другой в «Слове о полку Игореве»: «Тогда по Русской земле рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани грахуть, трупиа себѣ дѣляче...» (*Слово*, с. 17).

Песню, зреющую в душе седого барда, он сам называет «гибнущей свободы стоном». И обращаться с нею к землякам бессмысленно. Не только русский князь-вассал, пресмыкающийся в ногах у хана, но и простой народ, долготерпение которого не приносит ему никаких выгод, боится откликнуться на призыв певца:

Вдруг кто-то у меня спросил:
Зачем я часто слезы лью,
Где человек так вольно жил?
О ком бренчу, о ком пою?
Пронзила эта речь меня —
Надежд пропал последний рой;
На землю гусли бросил я
И молча раздавил ногой.

(I, 146)

Рассмотренное стихотворение Лермонтова необходимо поставить в связь с опубликованным в 1823 г. (Новости литературы, № 46) стихотворением Н. М. Языкова «Песнь барда во время владычества татар в России». Поэт снабдил свою песнь следующим эпиграфом из «Слова о полку Игореве»: «О! стонати Русской земле, помянувши первую годину и первых князей» (ср.: *Слово*, с. 37).

В стихотворении Языкова бард XIV в. воссоздает в своем воображении времена древнего Бояна, воспевавшего деяния своих воинственных предков:

И персты вещи летают
По звонким пламенным струнам,
И взоры воинов сверкают,
И рвутся длани их к мечам.

Но вот настали иные времена. На смену вольности пришла пора иноземного ига, «неутолимых страданий» и «рабского молчания»:

Теперь вотще младый баян
На голос предков запеваает:
Жестоких бедствий ураган
Рабов полмертвых оглашает;
И он, дрожащею рукой
Подняв холодные железы,
Молчит, смотря на них сквозь слезы,
С неисцелимою тоской!⁵

В стихотворении Языкова бард XIV в. рассказывает о событиях, совершавшихся три столетия назад. Структура лермонтовского стихотворения более компактна. Его бард повествует лишь о том, свидетелем чему был он сам:

Я долго был в чужой стране,
Дружин Днепра седой певец,
И вдруг пришло на мысли мне
К ним возвратиться наконец.

(I, 145)

Языковский бард пребывает в оковах, и лермонтовского барда ожидает примерно такая же участь, и он в отчаянии разбивает свои гусли.

Нетрудно убедиться в том, что «Песнь барда» Лермонтова была написана под сильным впечатлением выдающегося стихотворения Языкова. Этого эпитета оно заслуживает хотя бы потому, что начальные строки знаменитого «Ответа на послание А. С. Пушкина» А. И. Одоевского («Струн вещей пламенные звуки <...> К мечам рванулись наши руки») представляют собой перифраз приведенной выше языковской строфы: «И персты вещи летают <...> И рвутся длани их к мечам!».

«Песнь барда» Языкова несомненно обладала особым, декабристского толка подтекстом. Труднее ответить на вопрос: имела ли дополнительный, скрытый смысл лермонтовская «Песнь барда»? Вероятно, имела.

В юные годы Лермонтова восхищала не только «Песнь барда во время владычества татар в России», но и другие стихотворения Языкова «бояновского» цикла: «Песнь Бояна при начатии войны», «Боян русскому воину» и др. Нет никакого сомнения также и в том, что интересу к «бояновской струе» в литературе 1820-х годов сопутствовало углубленное изучение Лер-

⁵ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1964 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 89—90.

монтовым и ее первоисточника — самого «Слова о полку Игореве».

«Песнь барда» — одна из ранних лермонтовских попыток создать образ поэта-гражданина, поэта-борца. Языковский образ поэта, вдохновенное слово которого заставляло людей с честными сердцами хвататься за мечи, постоянно волновал творческое воображение Лермонтова. Волновал даже тогда, когда ему нужно было заклеить презрением «утративших свое предназначенье» певцов «изнеженного века», подтверждением чего является стихотворение «Поэт» (1836), этот шедевр лермонтовской гражданской лирики:

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

(II, 119).

Слово истинного поэта-гражданина уподобляется Лермонтовым клинку, вырванному из ножен для справедливого мщенья; оно равносильно пущенному в ход оружию. И языковский бард XIV в., и лермонтовский «седой певец» субъективно подготовлены к исполнению своей высокой миссии, хотя объективные обстоятельства и не благоприятствуют этому. В лермонтовском же стихотворении «Поэт» «осмеянный пророк» и сам не готов к исполнению своего предназначения. Лишь в силу особых, не столько внутренних, сколько внешних причин он сможет вырвать из ножен свой клинок. И вместе с тем лермонтовский идеал поэта-гражданина и там и здесь остается неизменным. Между двумя его стихотворениями, написанными в разное время (1830 и 1836 гг.) и тематически неоднородными, существует не только сходство, но и прочная генетическая связь.

Важно отметить и другое. Лермонтовский поэт-гражданин переполнен тревогами современности, но его родословная берет свое начало в далеком прошлом, столь богатым примерами высокой гражданственности:

Твой стих, как божий дух, носился над толпой,
И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

(II, 119)

В поэтическом творчестве Лермонтова встречаются и реминисценции из «Слова о полку Игореве», правда, в количестве незначительном, хотя частотность их не намного ниже частотности аналогичных реминисценций у Пушкина. Есть все основания отнести к ним, например, сравнение битвы с пиром в поэме «Боярин Орша»:

От войска русскаго гонцы
Во все помчались концы,
Зовут бояр и их людей
На славный пир — на пир мечей!

(IV, 30)

Бесспорной реминисценцией из «Слова» являются два лермонтовских стиха, рисующие вид Ильмень-озера, как воспринималось оно князем Олегом в одноименной лермонтовской поэме (1829):

Уж человека с давних пор
Волна глухая не лелеет.

(III, 58)

Глагол «лелеяти» в значении «укачивать», «убаюкивать», дважды употребляемый в Плаче Ярославны («О Днепре словутицю! <...> Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави носады до плъку Кобыкова» и т. д. — *Слово*, с. 39), выпал из языка русской письменности где-то в XIV—XV вв. и возвратился в литературную речь только с изданием поэмы об Игоре в походе.⁶

Своеобразной реминисценцией из «Слова» в лермонтовской поэме «Олег» является также образ Стрибога. В одном из наиболее ранних русских справочников по славянской мифологии об этом божестве (Стриба или Стрибов) было сказано: «И сей бог имел у киевлян капище; а что значил, о том нет известия».⁷

Можно было бы сослаться на М. И. Попова и других авторов, изучавших во второй половине XVIII в. славянскую мифологию, которые также отказывались определить функции Стрибога. Г. А. Глинка в самом начале XIX в. охарактеризовал Стрибога как «божество, наказывающее беззаконников в преисподней»,⁸ не ссылаясь при этом ни на какие источники. В крайне запутанный названными мифологами вопрос о Стрибоге поэма об Игоре в походе вносила известную ясность («Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы» — *Слово*, с. 12). А. С. Кайсаров, обучавшийся в Геттингене у знаменитого А. Л. Шлецера, в 1807 г. писал: «Долго не знали, какое божество Стрибог; но теперь мы знаем из Песни Игоре в войнству, что он был бог ветров, потому что их в сей песни называют внуками Стрибога».⁹

⁶ В языке Жуковского, Пушкина, А. И. Одоевского и других поэтов первой половины XIX в. употребление глагола «лелеять» в значении «укачивать» восходит непосредственно к «Слову о полку Игоре в», точнее, к Плачу Ярославны. О значении этого же глагола в других славянских языках см.: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. I. Сб. статей. Л., 1976, с. 58—60.

⁷ Описание древнего славянского языческого баснословия, собранного из разных писателей и снабженного примечаниями. СПб., 1768, с. 43.

⁸ Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава, 1804, с. 115.

⁹ Кайсаров А. С. Славянская мифология. М., 1807, с. 185.

В лермонтовской поэме Стрибог изображен как «дух озера», дух водных пространств:

И став у пенистого берега,
Он к духу озера воззвал:
«Стрибог! я вновь к тебе предстал;
Не мог ты позабыть Олега.
Он приносил к тебе врагов,
Сверша опасные набеги.
Он в честь тебя их пролил кровь.
И тот опять среди сих лесов,
Пред кем дрожали печенеги.
Как в день разлуки роковой,
Явись опять передо мной!».

(III, 59)

Лермонтов дает собственное оригинальное истолкование образа Стрибога, и тем не менее оно согласуется с характеристикой этого божества в Игоровой песни, поскольку в представлении ее автора местопребыванием Стрибога, управляющего ветрами, является море.

Поэма «Олег» осталась незавершенной, она дошла до нас лишь в трех небольших отрывках (28 строк, 52 строки, 41 строка). Можно все же предполагать, что в поэме намечалось изображение морского похода Олега на Византию. И, обращаясь к Стрибогу, князь-аргонавт хотел заручиться его поддержкой в задуманном предприятии:

И он искал на греков мести,
Презренным гордых раздражен...
Царь Византии был смущен
Молвой ужасной этой весте...

(III, 60)

Подчинив себе северные области («Почти от Пскова до Онеги Поля и веси покорил...») и обуреваемый жаждой могущества и славы, он уже на берегу подвластного ему Ильмень-озера замыслил новый поход.

Важно отметить, что поэтическая система и манера повествования поэмы «Олег» (насколько можно судить об этом по ее написанным отрывкам) были, если можно так выразиться, родственны «Слову о полку Игореве». Создавая свое произведение, Лермонтов перевоплощался в древнего певца, усваивая его образ мышления и чувствований, его анимизм, а отчасти и его поэтику. В этом убеждает нас созданный Лермонтовым образ Стрибога.

Русские поэты и прозаики начала XIX в., писавшие на исторические темы, для придания своим сочинениям национального колорита щедро наделяли их именами славянских божеств, перед кумирами которых заставляли молиться древних героев. Ме-

год изображения подобного рода нисколько не импонировал Лермонтову. Его Стрибог — это не кумир, высеченный из дерева или камня. Обращение Олега к Стрибогу напоминает обращение Ярославны к Днепру. Поэт не пытается даже возвести своего Стрибога в ранг божества. Он у него всего лишь «дух озера», совершенно недоступный пониманию тех авторов, которые довольствовались чисто внешними атрибутами славянского мифотворчества. Лермонтовский Стрибог — это сама водная стихия, приобретающая свойства и форму живого существа:

И шумно взволновались воды,
Растут свинцовые валы,
Как в час суровой непогоды,
Покрылись пеною скалы.
Восстал в середине столб туманный...
Тихонько вид меняя странный,
Ясней, ясней, ясней... И вот
Стрибог по озеру идет.
Глаза открытые сияли,
Подъялась влажная рука,
И мокрые волосы бежали
По голым персям старика.

(III, 59)

Не будет ошибкой утверждать, что этот «портрет» Стрибога, написанный Лермонтовым в 1829 г., предвосхищает созданный им же десятилетием спустя образ Каспия в «Дарах Терека».

Фрагменты поэмы «Олег» являют собой любопытнейший пример творческого постижения юным Лермонтовым художественной самобытности бессмертной поэмы об Игоре в походе.

Корректирующую функцию, на наш взгляд, сыграло «Слово о полку Игореве» также и в поэтическом истолковании Лермонтовым истории древнего Новгорода, в частности сюжета о легендарном Вадиме Храбром. Первоисточником сведений о нем служило краткое сообщение Никоновской летописи под 863 г.: «...оскорбишася Новгородцы глаголюще: яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета уби Рюрик Вадима храбраго, и иных многих изби Новгородцев, советников его».¹⁰

В сочувственном тоне по отношению к князю Рюрику, установившему в Новгороде варяжское «самодержавство» и подавившему восстание, поднятое защитниками вечевого строя во главе с Вадимом, писал в «Древней российской истории» М. В. Ломоносов.¹¹

С иных позиций те же события изобразил Я. Б. Княжнин в своей трагедии «Вадим Новгородский» (1789), преданной в 1794 г. изъятию и сожжению. Вадим предстает у Княжнина

¹⁰ Русская летопись по Никонову списку, ч. 1 (до 1094 г.). СПб., 1767, с. 16.

¹¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 6. М.—Л., 1952, с. 218.

в роли тираноборца и защитника древней «вольности». Сочувственно по отношению к Вадиму и другим, более поздним ревнителям севернорусских «народоправств» выступали А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев, В. Ф. Раевский и др. Собщая о жестоком подавлении республиканских «мятежей» Новгорода и Пскова Иваном Грозным, В. К. Кюхельбекер в своей лекции, прочитанной в Париже в июне 1821 г., провозглашал: «Но судьба, без сомнения, допустила это бедствие только для того, чтобы оплодотворить семенами свободы русский народ, так долго угнетенный. Эти воспоминания о независимости и народном правлении остались в народе Новгорода и стали достоянием всей Руси».¹²

Декабристская точка зрения на севернорусский вечевой строй была усвоена Лермонтовым не без участия С. А. Раевского. «Пытавшийся осмыслить декабрьскую драму 1825 г. и имея, подобно подростку Герцену, смутные идеи о причинах восстания, Лермонтов встретил в молодом Раевском того, кто мог помочь ему в уяснении происшедших событий, кто мог сообщить ему разнообразные факты современной политической жизни, освещая их с позиции, враждебной консервативному барству и политическому режиму самовластия».¹³

В стихотворении «Новгород» (написанное в 1830 г., оно было опубликовано впервые лишь в 1883 г.) шестнадцатилетний автор с предельной ясностью сформулировал свое политическое кредо:

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?... Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали! ..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит! ..
Есть бедный град, там видели народы
Все то, к чему теперь ваш дух летит.

(I, 169)

Новгородско-декабристская проблематика этого стихотворения не вызывает споров у исследователей. И тем не менее оригинальная лексика стихотворения нуждается в пояснениях. Откуда приходит к Лермонтову стилистическая формула «сыны снегов»? Скорее всего молодой поэт заимствовал ее из упоминавшегося выше стихотворения Н. М. Языкова «Песнь барда»: «сынами снегов» назывались в нем воины князя Святослава, подвиги которых на берегах Дуная воспевали струны Баянов, «народу русскому родные». Как видим, поэтика лермонтовского «Новгорода» в известной мере, прямо или опосредованно, связана с поэтикой «Слова о полку Игореве».

¹² Литературное наследство, т. 59. М., 1954, с. 380.

¹³ Бродский Н. Л. Станислав Раевский, друг Лермонтова, с. 304.

Не менее любопытным представляется нам также и первоисточник второй лермонтовской стилистической формулы — «сыны славян». Понятие это у Лермонтова отнюдь не этническое, точнее, оно не ограничивается этническим содержанием слова «славяне». Если в стихотворении «Новгород» «сыны славян» — это декабристы, то в поэме «Последний сын вольности» (конец 1830—начало 1831 г., впервые опубликовано в 1910 г.) «сыны славян» — это племя свободлюбивое («Сыны свободные славян»), но легковверное («Обманулись вы, сыны славян») и в конце концов отдавшее себя во власть норманнским князьям, хотя его лучшие сыны, погибая за «славянскую вольность», завещали потомкам продолжить их борьбу. «Сыны славян», согласно мнению автора, проиграли борьбу с князем Рюриком, оказались под властью Ивана Грозного, потерпели поражение и в 1825 г. И вместе с тем только их подвигами, их преданностью народному делу, их благородством могут вдохновляться новые поколения «славянских сынов». И как бы в унисон с приведенными выше словами Кюхельбекера юный Лермонтов в своем поэтическом обращении к увиденному им в 1832 г. Новгороду скажет:

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечноюй,
Который отзвонил ее уничтоженью
И столько гордых душ увлек в свое паденье!..

(II, 46)

Но несмотря на пессимистический тон двух заключительных строк («Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?..»), Лермонтов верил в новое (после событий 1825 г.) пробуждение свободлюбивого духа «воинственных славян». Впрочем, характеристика славян у поэта не исчерпывается эпитетом «воинственные». В «Последнем сыне вольности» Лермонтов не забудет упомянуть и о «глухой толпе», раболепно внимающей льстивым речам варяжского князя, и о том, как обращенная к новгородцам предсмертная речь Вадима

... все души потрясла,
Но пробудить их не могла!..

(III, 121)

Заметим, кстати, что Вадим в пушкинских набросках одноименной драмы, выступая от имени воинственно-свободлюбивой части угнетенных славян, также сомневается в прочности тираноборческих настроений всей массы новгородских граждан:

Теперь зовут меня — а завтра может вновь...
Неверна их вражда, неверна их любовь.¹⁴

В гражданской истории Киевской Руси ни Радищев, ни Пушкин, ни поэты-декабристы и писатели декабристской ориентации не находили, разумеется, тех событий, которые бы импонировали их сознанию в такой же степени, как гражданская история «республиканского» Новгорода. И если все прогрессивные писатели первой трети XIX в., без каких бы то ни было исключений, выражали свое восхищение «Словом о полку Игореве», то далеко не последней причиной этого восхищения явился вольнолюбивый пафос произведения и лежащее в его основе первобытно-демократическое мирозерцание. И в самом тексте, и в подспудных пластах древней поэмы нетрудно было обнаружить ряд особенностей, детерминированных прежней, дофеодальной эпохой. И описание битвы «русичей» с половцами, и изображение отношений князей с воинами, и наивность политического мышления автора создают в сознании читателя представление о своеобразной «военной демократии»,¹⁵ существовавшей в период еще не обозначившихся резко социальных противоречий. В поэме об Игоровом походе высшей похвалы удостоиваются «под трубами повитые» кмети, тогда как, например, в «Задонщине» великий князь воздает хвалу только князьям и боярам. Между князем-предводителем и простыми кметями, конечно, и в XII в. не было патриархальных отношений; автор древней поэмы прибегал здесь к известной идеализации, точнее, он находился под обаянием предшествующих ему поэтических традиций.

Пропагандируя народовластие древних Новгорода и Пскова, дворянские революционеры вместе с тем брали на свое вооружение и отнюдь не республиканские гражданские идеалы автора «Слова».

В песнопениях Бояна и в Игоровой песни декабристы видели зародыши современной им отечественной гражданской поэзии, традициями которой они не могли не гордиться. В 1822 г. в примечании к думе «Боян» К. Ф. Рылеев с гордостью писал о том, что герой его произведения «был певцом подвигов Великого Владимира и знаменитых его сподвижников».¹⁶ И в это же время Рылеев начинал свою работу над тираноборческой думой «Вадим» («До какого нас бесславия Довели вражды граждан — Насылает Скандинавия Властелинов для славян!»). А оплакивавший падение древнего Новгорода А. А. Бестужев следующими словами характеризовал в 1823 г. древнюю поэму об Игоровом походе: «Безыменный певец вдохнул русскую боевую душу

¹⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, с. 245.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 107.

¹⁶ Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 125.

в язык новый, но и самую странностию привлекательный. Он украсил его цветами мечты, вымыслом народной мифологии, разительными сравнениями и чувствами глубокими. Непреклонный, славлюбный дух народа дышит в каждой строке.¹⁷

А. С. Хомяков в своей вольнолюбивой поэме «Вадим» (начало 1820-х годов) в число защитников новгородской свободы вполне осознанно включает пришедшего с берегов Днепра певца и воина Улада, своеобразного Бояна, забывшего

...и хаты милой кров
И гуслей сладкий звук под вещими перстами.¹⁸

Так же как и у поэтов декабристской ориентации, разработка темы «славянской вольности» у Лермонтова переплетается с проблематикой «Слова».

В поэме «Последний сын вольности» мы найдем ряд непреодоленных рудиментов русской романтической поэмы, изображавшей исключительную личность, не оцененную и не понятую средой. Налетом «книжности» характеризуются и структурно-жанровые особенности поэмы (посвящение, эпитафия из Байрона, любовная интрига и проч.). Однако по замыслу своему (реализованному лишь частично) «Последний сын вольности» — произведение эпического склада. И второй по своему значению в поэме герой, певец Ингелот (имя которого заимствовано из летописи), — это образ чисто эпический, восходящий в конечном счете к образу Бояна. Однако у Ингелота в отличие от стандартного образа древнерусского барда или гуслира нет «струн», его оружие — слово, слово народного наставника и певца. И не случайно Песня Ингелота (именно песня, а не песнь) написана «народным» безрифменным стихом. В комментарии к четырехтомному академическому «Собранию сочинений» М. Ю. Лермонтова о Песне Ингелота сказано: «Написана так называемым „русским размером“, которым пользовался, между прочим, А. Н. Радищев в „Бове“».¹⁹ Утверждение ошибочное, поскольку Песня Ингелота в отличие от «Бовы» написана стихом с дактилическим окончанием. Заслуживает внимания, что Песня Ингелота не только размером, но отчасти и текстуально (начало: «Собралися люди мудрые Вкруг постели Гостомысловой») напоминает поэму А. Х. Востокова «Певислад и Зора» (начало: «Собирайтесь, люди киевски, Перед холм священный Боричев»). Заметим, кстати, что начало это у Востокова исполнял «хор баянов».

¹⁷ Марлинский А. А. Второе полн. собр. соч., т. IV, ч. XI. СПб., 1837, с. 137—138.

¹⁸ Хомяков А. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1969 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 493.

¹⁹ Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4-х т., т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, с. 664.

Ингелот — поэт-трибун, беззаветно преданный делу борьбы с самовластием, вдохновляющий самого Вадима на святую жертвенность:

«Пусть так! — старик ему в ответ, —
Но через много, много лет
Все будет славиться Вадим:
И грозным именем твоим
Народы устрашат князей,
Как тенью вольности своей.
И скажут: он за милый край,
Не размышляя, пролил кровь,
Он презрел счастье и любовь...
Дивись ему — и подражай!».

(III, 117)

Носитель преданий и заветов родной старины, Ингелот — духовный отец когорты, состоящей из шести воинов; он седьмой в ней. И это не случайность: семь — число эпическое. Эпичность лермонтовской поэмы еще и в том, что это своеобразный плач о Русской земле, изнемогающей не только от жестокостей и насилья иноземных пришельцев, но и от внутренних неурядиц, от равнодушия соотечественников. Сражаясь с Рюриком, Вадим погибает на глазах у толпы, втайне ему сочувствующей, но инертной и духовно усыпленной:

Забыв славянскую страну
Свободы витязь молодой.

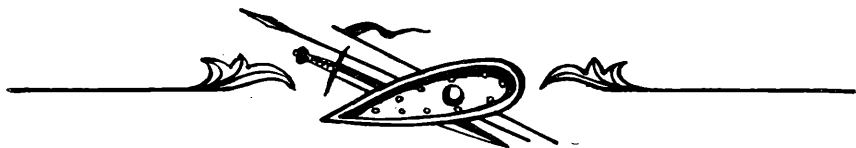
(III, 123)

Четкая по своей идеологической направленности, поэма «Последний сын вольности» в стилистическом отношении — произведение неоднородное и незавершенное: трафареты романтического стиля, атрибуты поэтики классицизма соседствуют в ней с попытками овладения мелодикой русской народной песни. И вместе с тем широкий эпический размах, обращенность к нестареющим заветам национальной старины, патриотический и демократический пафос лермонтовского произведения были во многом обусловлены пафосом и поэтикой «Слова о полку Игореве». К древней поэме, по всей вероятности, восходит и употребляемая в «Последнем сыне вольности» стилистическая формула «сыны славян» (она встречается также, как говорилось выше, и в стихотворении «Новгород»). Эта формула-обобщение обладает в поэме Лермонтова тем же зарядом эпичности, что и образ «русских сынов» в картине битвы на реке Немизе, изображенной автором «Слова».

По традиции, установившейся в русской художественной литературе начала прошлого века, древних новгородцев в целях противопоставления их россам-варягам принято было именовать не русскими, а славянами, и поэтому трансформация «русских

сынов» в «сынов славян» была для Лермонтова вполне закономерной. Употребление слова «сын» в метафорическом смысле (сын отчизны, сыны брани, сын роскоши, сын неба и т. д.) было довольно широко распространено в русской литературе начала прошлого века. И тем не менее формула «сыны славян» отнюдь не принадлежала к числу примелькавшихся. Так, например, в сочинениях Державина, Гнедича, Ф. Глинки, Рылеева, Хомякова и многих других поэтов первой трети прошлого века мы ее не находим. Правда, фразеологизм «сыны славян» один раз встречается у Жуковского (в стихотворении «Песнь барда над гробом славян-победителей») и дважды в сочинениях Пушкина (в стихотворении «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» и в «Борисе Годунове» — в сцене «Краков»). Однако в отличие от Жуковского и Пушкина у Лермонтова этот фразеологизм лишен торжественно-одической окраски. Выражение «сыны славян» употребляется в «Последнем сыне вольности», как и в стихотворении «Новгород», в контексте скорбных раздумий автора о драматизме русской истории и неразрешимых противоречиях современной русской жизни. Именно поэтому «сыны славян» Лермонтова ассоциируются в читательском сознании прежде всего с «русскими сынами» Игорева песни.

Разделяя декабристскую концепцию русского исторического процесса и опираясь на лучшие достижения литературы, посвященной отечественному прошлому, молодой Лермонтов корректировал свое видение событий русской истории народно-поэтическим творчеством и «Словом о полку Игорева». Опыт, накопленный в работе над стихотворениями и поэмами «новгородского цикла», не пропал для поэта даром. Во второй половине 1830-х годов созданием знаменитого «Бородина», поэмы «Боярин Орша» и «Песни про царя Ивана Васильевича...» Лермонтов поднимает поэтическую интерпретацию исторических сюжетов на высоту, которой достигла русская литература в «Борисе Годунове» и «Капитанской дочке» Пушкина.

Глава одиннадцатая

ОСВОЕНИЕ ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Вторая жизнь «Слова о полку Игореве» началась за несколько лет до 1800 г., времени первого его издания. Уже к середине 90-х годов XVIII в. существовало несколько списков знаменитой поэмы, было сделано несколько переводов ее на современный русский язык, были предприняты первые попытки прокомментировать ее сложное содержание, ее загадочные места.¹

В подготовке к изданию «Слова» кроме А. И. Мусина-Пушкина участвовали квалифицированные для того времени силы: Н. Н. Бантыш-Каменский, И. Н. Болтин, Я. И. Булгаков, Н. М. Карамзин, А. Ф. Малиновский, а возможно и ряд других лиц, о которых не сохранилось определенных данных. Нельзя, однако, сказать, что работа первых издателей была подчинена строгим эдичионным принципам и что она заслуживает высокой оценки. Так, например, не требующий пояснений фольклорный оборот в тексте: «орлы клеткомъ на кости звѣри зовуть» (*Слово*, с. 9) — сопровождался следующим псевдонаучным пояснением: «Птичий полет издавна был у многих народов предзнаменованием счастья или несчастья в предприятном намерении; и римляне гадали по птицам». Далее следовали еще две столь же необязательные и многословные фразы. На с. 41 не требующее никаких пояснений слово «гоголь» отягощалось таким комментарием: «Красивая утка с хохлом, питающаяся раковинами, за которыми она отменно пред прочими ныряет». Дословно заимствовав эту мудрость из «Словаря Академии Российской» (ч. II. СПб., 1790), издатели тем не менее не сосла-

¹ См.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960, с. 269—362.

лись на свой источник. В иных же случаях требующие комментария слова оставались без пояснения. Так, например, на с. 12 выражение «синий молнии» переводилось с пропуском слова «синие»; на с. 33 выражение «Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ полочаномъ (т. е. полочанам, жителям Полоцка, — Ф. П.)» переведено было как «Двина уже болотом течет к тем грозным половчанам». Мы не говорим уже о десятках других действительно трудно поддающихся объяснению мест произведения, которые издателями не были прокомментированы даже предположительно.

В настоящее время, когда история первого издания «Слова» раскрыта перед нами в обширных исследованиях, нам трудно освободиться от впечатления, что и Мусин-Пушкин, и Малиновский, и Бантыш-Каменский должны были испытывать чувство большой растерянности, выпуская в свет эту отнявшую у них столько времени и труда прославленную книгу. Было бы, разумеется, глубоко заблуждением вваливать всю ответственность за допущенные в ней промахи лишь на основных участников издания. Растерянность испытывала вся наша отечественная филологическая наука и историография, чувствуя свое бессилие объяснить целую бездну вопросов, которые поставило перед ними первое издание памятника. В подтверждение нашей мысли назовем лишь три наудачу взятых примера. Лишь в 1806 г., в «Письме о камне Тьмутараканском» А. Н. Оленина и А. И. Ермолаева, было предложено слитное написание двух слов поэмы — «Поморие» и «Посулие» (см. настоящее издание, с. 80); лишь в 1814 г. было установлено, что выражение *му жа имесь* в «златом слове» Святослава следует читать как *мужаймесь*;² лишь в 1817 г. было установлено, что написание *куряне храбрые къ мети* следует исправить на *куряне храбрые къмети* (см. настоящее издание, с. 88).

В первую треть XIX в. русская историография и филологическая наука довольно интенсивно изучали «Слово о полку Игореве». С другой стороны, изучение древней поэмы служило в свою очередь определенным стимулом в развитии этих наук.

Мы не считаем поэтому убедительным следующий вывод в целом содержательной статьи Л. А. Дмитриева: «Никакого ни прямого, ни косвенного участия в первоначальной работе над „Словом“ А. И. Мусина-Пушкина, А. Ф. Малиновского и Н. Н. Бантыша-Каменского Н. М. Карамзин не принимал. Об этом свидетельствуют замечания и поправки Карамзина по переводу и комментариям первых издателей. В примеч. 420 во II томе Карамзин пишет: „В *Слове о полку Игореве* (стр. 28) сказано: «была бы чага по ногате, а кощей по резани», т. е.

² См.: Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в оценке 1814 г. В. Г. Анастасевича. — В кн.: Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 297—298.

пленницы, жены варваров, продавались бы по ногае, а отроки их по резани. Издатели не разумели слова *чага*, ни *кощя*, приняв их за собственные имена».³

Исследователь не принял, однако, в расчет того, что указание на ошибку издателей Карамзин сделал в 1816 г., когда им была досконально изучена Ипатьевская летопись (ибо только в ней встречается слово *чага*). Но был ли в такой же мере изучен историком текст этой летописи в 1797—1800 гг.? По-видимому, не был, поскольку в работе над «Историей государства Российского» Карамзин пользовался собственным, Хлебниковским списком этой летописи, попавшим к нему лишь в 1807 г.⁴

Мы привели этот пример для подтверждения нашей мысли о том, что познания Н. М. Карамзина в области древнерусской истории нельзя представлять в качестве величины неизменной, застывшей, они развивались вместе с развитием отечественной науки.

Заслуги Карамзина в комментировании трудных мест древней поэмы и в характеристике упоминаемых в ней князей и событий, что способствовало более глубокому осмыслению ее содержания, действительно значительны. В изданной в 1801 г. первой части «Пантеона российских авторов» Карамзин писал: «Мы не знаем, когда жил Боян и что было содержанием его сладких гимнов; но желание сохранить имя и память древнейшего русского поэта заставило нас изобразить его в начале сего издания. Он слушает поющего соловья и старается подражать ему на лире.

Может быть, жил Боян во времена героя Олега; может быть, пел он славный поход сего аргонавта к Царь-Граду, или несчастную смерть храброго Святослава, который с горсткою своих погиб среди бесчисленных печенегов, или блестящую красоту Ольги, ее невинность в сельском уединении, ее славу на троне».⁵

Если бы Боян жил во времена Святослава, то он действительно мог бы воспевать его походы — такой вывод не противоречил бы духу древней поэмы. Что же касается второй части предположения (пел бы «блестящую красоту Ольги»), то она, разумеется, была подсказана Карамзину-сентименталисту его эстетическими симпатиями. Как справедливо отметил Д. С. Лихачев, «литературная среда конца XVIII—начала XIX века искала в „Слове“ по преимуществу соответствий своим собственным предромантическим вкусам».⁶

³ Дмитриев Л. А. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 45.

⁴ См. письмо Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу от 27 августа 1807 г. (ИРЛИ, 15976. ХСVIIIб. 15, л. 3).

⁵ Сочинения Карамзина, т. I. СПб., 1848, с. 653—654.

⁶ См. археографический комментарий, составленный Д. С. Лихачевым, в кн.: Слово о полку Игореве. Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (сер. «Лит. памятники»), с. 362.

Эстетика предромантизма и сентиментализма оказала сильнейшее воздействие на характер восприятия «Слова» художественной мыслью первой четверти XIX в. И этому в немалой мере способствовало то понимание древней поэмы, которое было сформулировано в «Пантеоне» Карамзиным. На отражении «Слова» в стихотворных и прозаических произведениях И. Серякова, Н. Язвицкого, И. Левитского, Н. Белюстина, В. Т. Нарезного, П. Ю. Львова и других авторов лежит отпечаток карамзинизма.⁷ От налета сентиментальности не свободны были даже такие значительные явления литературы того времени, как «Бахариана» (1803) М. М. Хераскова, роман «Всеволод и Велеслава» (1807) Н. Н. Муравьева, «Певислад и Зора» (1806) А. Х. Востокова, имеющие прямое отношение к освещаемой нами теме.

Попытку нейтрализовать сентименталистское истолкование древней поэмы, приглушавшее ее патриотическое и демократическое звучание, предпринял незадолго до своей смерти А. Н. Радищев. Уже к концу своей немцовской ссылки (1797—1801) Радищев мог получить отрывочные сведения об открытии и издании знаменитой поэмы. Однако радищевские «Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам» создаются несомненно во второй петербургский период его жизни (1801—1802), длившийся всего лишь полтора года. Оперативность, проявленная Радищевым, была поистине поразительной, свидетельствующей о том, какое огромное значение придавал писатель-революционер как самому открытию, так и интерпретации древней поэмы.

«Песни, петые на состязаниях» — произведение острополюмическое, направленное, возможно, и против Карамзина, как одного из первых интерпретаторов «Слова». Радищев стремится переосмыслить образ Бояна, а следовательно, и образ автора «Слова» и выявить присущие им свободолубивые черты.

Автор «Песен» обращается к Бояну с мольбой вдохновить его на поэтический подвиг: «Возложи, Боян, благозвонкие твои персты на одушевленные, на живые твои струны, ниспошли ко мне песнь твою».⁸ И если до сих пор Боян был известен лишь как певец любви и в лучшем случае как певец княжеских ратных побед, то теперь он выступает в новом качестве. Песнь, на которую вдохновляет Боян Всегласа, является своеобразным гимном новгородской свободе.

Зародыши этого гимна мы находим уже в «Путешествии из Петербурга в Москву», в словах, адресованных Ивану Грозному,

⁷ См.: Шамбинаго С. К. Художественные переложения «Слова». — В кн.: Слово о полку Игореве. Ред. и вступит. статья В. Невского. М.—Л., 1934, с. 199—228; Елеонский С. Ф. Поэтические образы «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. М., 1947, с. 93—123.

⁸ Радищев А. Н. Стихотворения. Л., 1975 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 162.

душителю новгородской свободы. «Уязвленный сопротивлением сея республики, — писал Радищев, — сей гордый, зверский, но умный властитель хотел ее разорить до основания. Мне зрится он с долбнею на мосту стоящ, так иные повествуют, принося на жертву ярости своей старейших и начальников новгородских. Но какое он имел право свирепствовать против них, какое он имел право присвоить Новгород?»⁹

Поучительная история с «Вадимом Новгородским» Княжнина была хорошо известна Радищеву, и поэтому в «Песнях, петых на состязаниях» авторские инвективы против самодержавия тщательно завуалированы; он заставляет новгородцев отстаивать свою свободу от иноземцев, и даже не от норманнов, а от мифических «кельтских племен».

Под эзоповским флером радищевских «Песен» мы видим их антимонархистскую сущность, и в частности их полемическую направленность против исторических взглядов Екатерины II. В своем «Историческом представлении из жизни Рюрика» (1786) императрица возводила родословную царствующего дома к варяжскому князю Рюрику, который в свою очередь был потомком Ингвара, сына самого Одина.¹⁰ Полемизируя с Екатериной II, Радищев в «Песнях» дает имя Ингвара предводителю «кельтских» завоевателей, носителю «лютости и зверства». Поработив землю «народа мирного», пользовавшегося благами республиканского вечевого устройства, Ингвар «не щадил славенской крови».

Новгородцы изгоняют захватчиков, но опасность нового вторжения «кельтов» не миновала, жены новгородцев пленены, благосостояние великого города разрушено. И тем не менее вдохновляемый Бояном радищевский Всеглас произносит восторженную здравицу в честь будущих побед славянского племени, русского народа:

О народ, народ преславный!
Твой поздние потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством пиящным,
Мужеством богоподобным

Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят — природу даже,
И пред их могущим взором,
Пред лицом их, озаренным
Славою побед огромных,
Ниц падут цари и царства.¹¹

⁹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790, с. 101—102.

¹⁰ Сочинения императрицы Екатерины II с объяснительными примечаниями А. Н. Пыпина, т. II. СПб., 1901, с. 224, 233.

¹¹ Радищев А. Н. Стихотворения, с. 180.

Высказавший ряд ценных суждений о «Песнях, петых на состязаниях», Ю. М. Лотман пришел в итоге к следующему, несколько неожиданному, на наш взгляд, заключению: «Таким образом, как мы видим, Радищев, широко используя „Слово о полку Игореве“, не считал его адекватным выражением своего понимания прошлого русского народа: политическое мышление автора „Слова“ ему оказалось чуждым. Для того чтобы приблизить новонайденный памятник к своему миропониманию, Радищев вынужден был решительно деформировать всю его идейно-сюжетную структуру».¹²

Мы полагаем, что «деформировать» идейно-сюжетную структуру древней поэмы Радищев мог бы только в том случае, если бы он писал либретто к ней, а не собственное произведение на тему, сюжетно достаточно удаленную от «Слова». Ведь Боян сюжетно не входит в поэму Радищева, он упоминается лишь во вступлении к ней. Нельзя признать удачной также и формулировку: «политическое мышление автора „Слова“ ему оказалось чуждым». Но кому же из писателей XIX в. оно было ближе, чем Радищеву? По-видимому, следовало бы вести речь о неадекватности двух различных типов мировоззрения и о степени их отчуждения. На наш взгляд, упрекать в данном случае Радищева (если оставить в стороне просчеты художественного характера) можно лишь в одном — в неправомерном сближении Бояна с Всегласом. Радищев сделал Бояна своеобразным песнопевцем новгородской свободы. Но и этот упрек оказывается не абсолютно бесспорным.

Известные основания для этого у Радищева были. Остатки новгородского вечевого государственного строя были уничтожены Иваном Грозным в XVI в. Но в IX в., который изображался Радищевым, элементы вечевого устройства были не только в Новгороде, но и в Киеве. И Радищев им сочувствовал и воображением художника их воссоздавал. И в том, что «певец времени Владимира» Боян выступал одновременно и как певец вечевых традиций, Радищев не видел большого противоречия. Вечевой строй Новгорода нередко уживался с княжеской властью. Таким образом, мы находим у писателя-революционера не попытку «деформировать» те или иные особенности древнерусской жизни, а стремление постигнуть их подлинную сущность.

Радищевские «Песни, петые на состязаниях» были опубликованы посмертно, в 1806 г., но в кругах, близких к писателю, они, по-видимому, были известны и до своей публикации. Есть основание полагать, что именно этим произведением была навеяна статья 1804 г. А. И. Тургенева «Критические примечания, ка-

¹² Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII—начала XIX века. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. Под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1962, с. 356.

сающиеся до древней славянорусской истории», в которой первый губитель новгородской свободы, князь Рюрик, был назван «корсаром».¹³

С «Песнями, петыми на состязаниях» Радищева перекликается «Речь о пользе вообще слова» Ивана Ивановича Чернявского, профессора Виленского университета, прочитанная в 1803 г. Связь этой речи с радищевскими мыслями мы видим в ее патристическом пафосе, в прославлении певцов новгородской свободы, а также в попытке установления сходства новгородских витий с автором «Слова о полку Игореве».

И. И. Чернявский приобретает для нас интерес и сотрудничеством своим в журнале «Северный вестник», пропагандировавшем литературное наследие А. Н. Радищева, и связями своими с прогрессивной частью виленского студенчества.¹⁴ «Язык россиян, — говорил Чернявский, — гораздо ранее многих европейских достиг известной степени обилия и правильности. Связь общежития, свойство и порядок правления, определенность чинопочитаний, благоустройство и великолепие городов, союз некоторых с Анзейскими, их промышленность, знание в построении судов, нужных для мореплавания, понятие о мореходстве, торговля с народами отдаленнейшими, войны и договоры с греками предполагают довольный круг потребностей, и ежели понятия распространяются по мере потребностей и язык по мере понятий, то кто бы мог отрицать, что язык российской еще прежде десятого столетия был уже довольно обилён. Но сила витий, воспламенивших новгородцев к буйному отвержению вводимого Владимиром христианства и к презрению угрожавшей им смерти, певцы, славившие геройские подвиги сего победителя и его рыцарей, изложение законов могут служить ясным доказательством, что он имел уже точность в знаменовании, богатство, силу, мужество в выражении и гибкость к приспособлению <...> Целые веки пролетели над печальными развалинами человеческого величия, усилие целых веков требовалось на исторжение из оных остатков произведения умственных человеческих способностей, на открытие следов направления времен претекших <...> Иоаким, пастырь Новгородский, и современник Владимира Нестор, ему в ревности последовавший, описывали происшествия России и знаменитые подвиги ее сынов на собственном языке и тем положили основание не только отечественному, но и смежных народов бытописанию.¹⁵ Весьма вероятно, что немно-

¹³ Северный вестник, 1804, ч. II, № 6, с. 268.

¹⁴ О влиянии, оказанном И. И. Чернявским на юного Адама Мицкевича, см.: Полевой П. Биография А. Мицкевича. — В кн.: Собр. соч. Адама Мицкевича в переводе русских писателей, т. I. Под ред. П. Н. Полевого. Изд. 2-е. СПб.—М., 1902, с. III.

¹⁵ Сходную мысль высказывал в начале прошлого века известный немецкий историк А. Я. Шлецер, писавший о польском историке XVI в. М. Стрыйковском: «Если вперед кому вздумается рассмотреть его крити-

гие европейские народы могут похвалиться столь древними памятниками их словесности, как россиане, и тем менее словесности, довольно уже разработанной.

Произведения писателей 12-го еще века по своему расположению, по щастливому соображению отдаленнейших понятий, по живости описания, точности изображения, утонченным чувствам вам смело могут быть поставлены наряду с лучшими чужеземными произведениями веков позднейших и служить доказательством видной уже обработанности их наречия.

Правда, что веки изменяют образ мыслей в некоторых отношениях; но красоты Омира, Оссиана, Певца Игорева, снятые с природы, во все времена и у всех народов останутся красотами, несмотря на изменение слов и их течения.¹⁶

Любому русскому писателю начала XIX в., предпринимавшему попытку передать свое восхищение «Словом о полку Игоре» языком художественных образов, приходилось сталкиваться с огромными трудностями. И происходило это потому, что древняя поэма воспринималась тогда как явление экзотическое, вне ее органических связей с древнерусской культурой, без ощущения исторической дистанции, отделяющей время ее возникновения от периода ее второй жизни.

Большинство писателей 1800-х, 1810-х и даже 1820-х годов, рассматривающих поэму об Игоре в походе с позиций сентиментализма, выделяли в ней лишь образ Бояна и, игнорируя радищевскую концепцию Бояна-гражданина, воспринимали его как певца любовных наслаждений. Об этом типе восприятия Бояна, а отчасти и древней поэмы в целом наглядное представление дает прозаическая программа стихотворения А. А. Дельвига «Рождение Леля» (стихотворение осталось ненаписанным): «Послушайте, молодые любовники, послушайте, что вам молодой Боян поет. Обманчиво время, а женщины обманчивее и времени. Наши деды, певал Святослав Боян, называли их колдуньями, которые устрашают вас в длинные вечера на посиделках».¹⁷

Односторонним сентименталистским восприятием образа Бояна характеризовалась отчасти и опера («драматическое представление с музыкою») «Добрыня» (1806) Г. Р. Державина. В трагедии «Евпраксия» (1808) писатель преодолевает этот односторонний подход к «Слову». Есть веские основания предполагать, что как выбор этого исторического и одновременно патристического сюжета, так и обусловленное им использование мо-

чески, то, верно, найдется, что вся истинная древняя история взята им, как и Длугошем (польским историком XV в., — *Ф. П.*), у русских» (Шлецер А. Л. *Нестор. Русские летописи на древлеславянском языке*, ч. I. СПб., 1809, Введение, отд. 5, с. *рлд.*

¹⁶ ГПБ, архив В. Г. Анастасевича, «Речь о пользе вообще слова и о свойствах российского языка», л. 7—8.

¹⁷ Дельвиг А. А. *Полн. собр. стихотворений*. Л., 1934 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 425.

Б О Я Н Ъ,

Русской Пѣснопѣвцѣ древнихъ временъ :

П Р О Л О Г Ъ

СЪ ХОРАМИ И БАЛЕТАМИ,

на случай открытія новаго

ИМПЕРАТОРСКАГО

Т Е А Т Р А

ВЪ

М О С К В Ъ,

1808 года Апрѣля 15.

Сочиненный Сергіемъ Глинкою.

Музыка Господина Кашина.

М О С К В А, 1808.

Въ вольной Типографіи

Федора Любля.

Титульный лист либретто оперы С. Н. Глинки «Боянъ», представленной в 1808 г. Петровским театром в Москве.

тивов «Слова о полку Игореве» были подсказаны Державину непрерывно возрастающими в это время экспансионистскими тенденциями диктатуры Наполеона Бонапарта. Его растущими успехами, по верному замечанию исследователя,¹⁸ было продиктовано также и начало переложения «Слова», появившегося в 1807 г. и принадлежавшего Александру Палицыну:

Любовь к отечеству зовет, о Россы, нас!
Воспеть брань Игоря на древний предков глас,
Каким их подвиги вещались знамениты:
Да будут бытия и наших лет открыты!¹⁹

Попытка отразить патриотические настроения русского общества заметна также и в написанном в 1808 г. тексте для театрального представления «Боян». Автором его являлся Сергей Николаевич Глинка (1775—1847). Этим представлением начал свою деятельность в апреле 1808 г. в Москве вновь открытый Петровский театр. Музыкальная часть постановки оформлялась известным композитором Д. Н. Капшиным.

При звуках торжественной музыки Гений России поднимал жезл, раздвигался занавес и перед взорами зрителей предстал лес с возвышающимся над ним Олимпом, на котором вместе с древнегреческими божествами восседал Боян:

Гремел Боян златою лирой,
Гремел сей древних дней певец:
Славян, одеянных порфирой,
Пел блеск и щастие сердец.
Пусть днесь так Россов воспевае
Дней древних соловей Боян:
Пусть в песнях он соединяет
Величье Россов и Славян.²⁰

В то время как хор, представляющий народное мнение, исполнял это вступление, Боян сходил с Олимпа с золотой лирой в руках и обращался к Родине, олицетворяемой Гением России, со словами сыновней преданности:

Восстаньте из гробов, Олеги, Святославы,
Державе Греческой дававшие уставы,
Владимиры, Донской, и вы, друзья Граждан,
Пожарский, Мивины! честь, слава Россиян,
Боян зывает к вам . . . но вы уж оживлены,
Сердца и души к вам в сем храме устремлены. . .²¹

Сергей Глинка не задавался целью сообщить образу Бояна реальные исторические черты и поэтому без всякого смущения

¹⁸ Шамбинаго С. К. Художественные переложения «Слова», с. 205.

¹⁹ Игорь, героическая песнь. С древней славянской песни, писанной в XII веке, переложил стихами Александр Палицын. Харьков, 1807, с. 1.

²⁰ Боян, русский песнопевец древних времен: пролог с хорами и балетами, сочиненный Сергеем Глинкою. 1808, с. 5.

²¹ Там же, с. 6.

заставлял его интерпретировать политические события начала XIX в. Обращаясь к древнегреческим богам и героям, Боян призывал их подружиться с Россией, чтобы сбросить «постыдное бремя» турецкого гнета с «Элладских стран» и «стереть рога Луны».

Отвечая полным сочувствием на этот призыв, древнегреческие музы сходили с Олимпа и окружали древнерусского певца. «Переносясь во дни прошедшие», Мельпомена выражала свой восторг перед храбрыми российскими героями и их незабвенными женами, в особенности перед Дмитрием Донским и супругой его Ксенией (так!); тут же Мельпомена призывала российских певцов воспеть отечественных героев и «блеск родной страны». Дидактизмом, адресованным русским писателям, была проникнута также речь музы комедии — Талии. Ее *credo* сводилось к утверждению общественно-служебной роли искусства. Наряду с неправосудием, ложью и клеветой комедия призвана искоренять также преклонение перед «иноплеменными модами».

Затем Боян обращался к музе лирической поэзии — Евтерпе, приглашая ее возвысить голос «в честь бога Световида» и «великого Новгорода»:

Воспой и древность ты священицу пробуди,
С Бояновой душой в протекши дни прежди.²²

Евтерпа и хор, чередуясь друг с другом, «вещали славу Славян», пели «древнюю песнь Солнцу», славили древний Новгород и священный Волхов. В своем пространном заключительном монологе Боян восхищался деяниями Ермака, Минина и Пожарского, Петра I, Суворова, находил в послепетровской России достойную преемницу славы древних славян и вручал свою лиру вновь пришедшему поколению «российских певцов».

При всем преклонении перед знаменитой поэмой об Игоровом походе С. Н. Глинке не удалось, как об этом свидетельствуют даже немногие приведенные выше цитаты, преодолеть инерцию литературного стиля начала XIX в. и передать слушателям и зрителям художественное и стилистическое своеобразие древнего памятника. Вместе с тем несомненным достижением автора являлось то, что он уловил ораторский пафос «Слова о полку Игореве», его патриотическую направленность, его лирическую напряженность. Прославляя в своем сценическом представлении Великий Новгород, Глинка в какой-то мере следовал передовым традициям русской литературы, и наличию в его «Бояне» двух-трех официальных реверансов в сторону «вождя россов» Александра I вряд ли следует придавать серьезное значение. Появление «Бояна» на сцене совпало с моментом, когда автор представления начинал издание журнала «Русский вестник» (1808—

²² Там же, с. 11.

1820 и 1824). К этому времени русской общественности были уже достаточно ясны наполеоновские планы порабощения России, и поэтому в государственной системе Александра I С. Н. Глинка вслед за многими другими писателями видел едва ли не единственный залог политического могущества родины.

Характеристика политического облика С. Н. Глинки как реакционера и монархиста, принятая в нашей учебной и справочной литературе, по-видимому, нуждается в существенных поправках. Не следует забывать, что в молодые годы писатель находился под сильным воздействием идей А. Н. Радищева. Во второй половине 1830-х годов, вспоминая события сорокалетней давности, Сергей Глинка писал: «Все тогдашнее мое сокровище состояло в „Вадиме“ Княжнина, в „Путешествии из Петербурга в Москву“, наделавшем тогда много шума, а теперь уснувшим сном непробудным, и в „Чувствительном путешествии“ Стерна, в котором сердце и мысль всегда что-нибудь отыщут».²³

Для многих образованных русских людей, ознакомившихся с поэмой об Игровом походе сразу же после того, как она была издана, патриотический пафос ее впервые обозначился с полной ясностью лишь в грозную годину Отечественной войны 1812 г. К ним принадлежал, в частности, и В. А. Жуковский. До нас дошел принадлежавший поэту экземпляр первого издания древней поэмы с драгоценной дарительной надписью на нем Андрея Ивановича Тургенева: «Песнь древнего барда новому трубадуру дарит Андрей Тургенев, в знак дружбы, на память любви. 1800, ноября 24»²⁴ (см. выше, с. 29).

Надпись обязывающая и призывающая... Однако, перелистывая ранние произведения Жуковского («Вадим Новгородский», «Марьяна роща» и др.), в которых логично было бы искать созвучия «Слову», мы их не находим. И как знать, может быть, они и появились бы, если бы Андрей Тургенев не ушел из жизни так рано (1803 г.). Но вот приходит 1812 год, и Жуковский в «Певце во стане русских воинов» заговорил языком «Слова»:

Хвала вам, чада прежних лет,
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам вослед
Бежим на пир кровавый.

Хвала, наш Вихорь-Атаман,
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан —
Гроза для супостатов.

²³ Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895, с. 132.

²⁴ См.: Ясинский Я. И. Из истории работы Пушкина над лексикой «Слова о полку Игореве». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 6. М.—Л., 1941, с. 345.

Орлом шумишь по облакам,
 По полю волком рыщешь,
 Летаешь страхом в тыл врагам,
 Ведой им в уши свищешь

 О радость древних лет, Боян!
 Ты, арфой ополченный,
 Летал пред строями славян,
 И гимн гремел священный.²⁵

А спустя два года, в стихотворении «К Воейкову», излагая замысел собственной поэмы из жизни Киевской Руси, Жуковский даст замечательное художественное переложение нескольких строк Плача Ярославны:

О, ветер, ветер! что ты вьешься?
 Ты не от милого несешься,
 Ты не принес веселья мне;
 Играй с касаткой в вышине,
 По поднебесью с облаками,
 По синю морю с кораблями —
 Стрелу пернатую отвей
 От друга — радости моей.²⁶

Реминисценции из древней поэмы в позднейших стихотворных произведениях Жуковского («Русская слава» и др.), пространные цитаты из нее в его очерке «Черты истории государства Российского» (1834) свидетельствуют о неизменно высокой оценке писателем идейно-художественных достоинств памятника.

В 1818—1819 гг. Жуковским был осуществлен стихотворный перевод «Слова о полку Игореве» на современный русский язык. Строго придерживаясь текста оригинала, писатель перевел «Слово» ритмической прозой, в равной мере свободной как от чрезмерной архаизации, так и от модных для того времени слащавых интонаций. И только скромность и излишняя требовательность к себе помешали Жуковскому опубликовать свой замечательный труд. Увидевший свет после смерти автора, в 1882 г., перевод этот не утратил своего значения и в нашу эпоху.

Откликом на Отечественную войну 1812 г. был анонимно напечатанный в «Русском вестнике» за 1814 г. (кн. 5) стихотворный «Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом, победителе половцев», автором которого, как нам в свое время удалось установить, был проживавший в Тамбове Н. Кугушев.²⁷ Как сюжет, так и способы поэтической его реализации, в частности способ использования образной системы «Слова», были подсказаны Кугушеву «Повестью о Мстиславе I Володимировиче, слав-

²⁵ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. в 3-х т., т. I. СПб., 1906, с. 107, 109, 112.

²⁶ Там же, с. 144.

²⁷ См.: Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в литературной жизни начала XIX века. — ТОДРЛ, т. X. Л., 1954, с. 239—243.

ном князе русском» П. Ю. Львова, изданной в 1808 г. (см. настоящее издание, с. 116).

Князь Мстислав изображался Кугушевым как неустрашимый враг половцев — «он гремел мечами острыми об шелома их железные», он «ковал победу», «стрелюю добывал славу», «он орлом летал и соколом и с размаху опрокидывал кровожадных черных коршунов». Но вот Киевская Русь лишилась князя Владимира, и половцы двинулись на Русь: «возросла беда всеместная», «пробудилось время тяжкое», «налетело стадо воронов», «дождь кровавый с Дона быстрого полился на землю Русскую», «поднялась беда со всех сторон», «застонала мать сыра земля». Молодой князь Мстислав обращается к своей дружине в духе и стиле известной из «Слова о полку Игореве» речи князя Игоря:

Сядем, братья и товарищи!
На коней своих с поспешностью
И на пир поскачем к половцам!

.....
Вы под звуком труб родилися,
Под шатрами возделены
И концом копья воскормлены!

В ответ князю русские воины восклицали:

Молви слово нам, отец родной!
Мы расплещем Волгу быстрою,
Дон шеломами исчерпаем.

Мстислав одержал победу, русским досталась богатая добыча. Жители Киева славят князя и его воинов, возвращающихся с поля битвы:

Там-то Русь неодолимая
Истребила остальных врагов,
Забрала руками полными
Аksamиты с поволоками,
Серебро, камень, золото,
На святой Руси награбленны.

Насыщая свое произведение поэтическими образами «Слова», автор «Отрывка» безбоязненно модернизировал дух и колорит изображаемой эпохи. Смутно сознавая родственность «Слова о полку Игореве» народной поэзии, он обильно вводил в свое произведение о далеком прошлом элементы поэтики русской народной песни XIX в. в свойственном представителям сентиментализма особом ее понимании.

Стихотворение Н. Кугушева, сосредоточенное на пропаганде верности княжеской власти и слабое в художественном плане, все же представляет для нас интерес как явление типологическое, сконцентрировавшее в себе преимущественно слабые стороны рецепции «Слова» литературой начала XIX в.

Обилием мотивов «Слова» характеризуется военно-патриотическая публицистика и лирика Ф. Н. Глинки (1786—1880) периода 1812—1816 гг. Вечно живыми страницами остаются в истории русской литературы написанные Ф. Н. Глинкой в бивуачной обстановке «Письма к другу», где дан стихотворный перевод Плача Ярославны и поставлен вопрос о нравственно-эстетической роли «Слова о полку Игореве». В «Письмах к другу» автор мечтал о создании цикла произведений с условным названием «историческое путешествие по России». «Пусть представит, — писал Глинка о воображаемом авторе такого путешествия, — *почетный пир* князя Владимира, Солнышка Святославича. Пусть <...> покажет нам *вещи боянов*, могучих богатырей, храбрых витязей».²⁸ Почетное место в «историческом путешествии» отводил Глинка описанию похода князя Игоря на половцев, переживаниям его дружины и смутным предчувствиям его супруги, которая на путивльской стене «с сильным трепетом сердца прилежно смотрит и слушает <...> не ведет ли бог с войны друга милого...».²⁹

«Ничто не ускользнет от глубоко проникающего взора путешественного историка, — писал Глинка, — и он опишет нам все *словами старых повестей*, не по замыслениям стихотворцев и басносплетателей, но *по былинам* тех времен. Подвиг трудный, но блистательный <...> Тогда увидим мы в сей любопытнейшей книге, как в очарованном зеркале, *гражданские законы, воинское искусство, нравы, обычаи, одежду людей и слог — одежду мыслей их*, — все в совершенном *приличии месту, случаю и времени*. Тогда, конечно, взиграет дух юного россиянина при воззрении на великие доблести и воинскую славу предков».³⁰

Задача, поставленная в этой программе перед «путешествующим историком», была явно невыполнима для одного писателя, да она и не могла быть решена в пределах одной книги. Глинка намечал здесь задачу для русской исторической беллетристики в целом.

Военно-патриотическая лирика Глинки неравноценна по своему художественному уровню. Она захватывала читателей своей злободневностью, искренностью и вместе с тем отличалась порой свойственным литературе периода предромантизма эклектизмом.

Первым в полном смысле слова декабристским художественным произведением Ф. Н. Глинки была его историческая повесть «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (1817—1819). В момент, когда в печати появился первый фрагмент этой повести, русская литература обладала уже

²⁸ Цит. по: Декабристы. Пoesия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. Составил В. Н. Орлов. М.—Л., 1951, с. 325.

²⁹ Там же, с. 326.

³⁰ Там же, с. 327.

целым рядом произведений на историческую тему — Карамзина, Жуковского, Н. Н. Муравьева, Н. С. Арцыбашева, П. Ю. Львова; однако, несмотря на стремление авторов дать почувствовать читателю колорит старины, в их произведениях «специальной заботы о верности историческому факту, о воссоздании той или иной исторической среды как особого, раскрывающегося в движении своем субъекта еще не было».³¹

На фоне художественной исторической прозы того времени повесть Глинки была явлением принципиально новым. Предприняв первую в русской художественной литературе попытку изображения борьбы широких масс за национальное освобождение, автор обильно использовал в своем сочинении исторические документы; кроме того, он «сбирал всякого рода предания, входил во все подробности и вслушивался даже в песни народа, которые нередко объясняют разные места истории его».³²

Все это избавило повесть от искусственной сюжетной усложненности и умозрительности. Глинка стремился облечь мысли своих героев в соответствующую им одежду — язык. Правда, задача эта оказалась выполненной лишь частично. Колоритной, индивидуализированной речью говорит в повести лишь главный герой — Богдан Хмельницкий. Автору не удалось преодолеть инерцию риторического стиля, и это заметно снизило художественные достоинства его новаторской по содержанию повести. Тем не менее «Богдан Хмельницкий» Глинки в развитии русской исторической беллетристики был значительным шагом вперед.

Характерно, что в стремлении придать своей повести колорит отечественной древности автор обращался к образности «Слова о полку Игореве», сравнивая своего героя со смелым орлом, который, «отважно пираясь на ветрах, парит под блеском молний и сражается с тучами».³³

Глинка изображает встречу юного Богдана с пустынным Вассианом, ратным другом его отца. От пустытника и узнает будущий герой впечатляющую историю своего рождения и крещения. «Среди железного леса копий и мечей, на поле ратном <...> пастырь церкви совершил крещение твое. Вода зачерпнута была из Днестра и налита в купель племени храбрых <...> Под звуком труб и веянием знамен ты был повит; хоругвь Отечества осенила колыбель, повешенную на ратовье копыя...».³⁴

Как видим, Ф. Н. Глинке, как и всем декабристам, импонировало прежде всего патриотическое звучание «Слова».

³¹ Сорокин Ю. Исторический жанр в прозе 30-х годов XIX в. — В кн.: Доклады и сообщения филологического факультета Московского гос. университета, вып. 2. М., 1947, с. 37.

³² Труды Вольного общества любителей российской словесности, 1819, ч. 5, с. 10.

³³ Глинка Ф. Н. Письма к другу, ч. III. СПб., 1817, с. 185.

³⁴ Труды Вольного общества любителей российской словесности, 1819, ч. 5, с. 158—159.

Сходным и одновременно иным, чем у Ф. Н. Глинки, был подход к Игорева песне у его соратника по Союзу спасения и Союзу благоденствия П. А. Катенина (1792—1853). Уже в стихотворении «Певец» (1814), стимулом к написанию которого послужило одноименное стихотворение Гете, в своеобразной архаизации и натурализации сюжета, особенно в словах катенинского певца Услава:

Не дари меня ты златом,
Цепью редкой не дари.
Пусть в народе сем богатом
В брань текут богатыри,³⁵ —

чувствуется отклик на волновавшую писательскую мысль того времени проблему Бояна, певца-гражданина.

В 1840-е годы тезис Гете «пою как птица на ветвях» подвергался, как известно, неоднократным нападениям Белинского,³⁶ требовавшего от поэзии мысли, притом мысли социальной. В 10-е же годы прошлого века тезис этот, особенно в истолковании, приданном ему Катениным, звучал как протест против официозных песнопений. По примеру Катенина Ф. Н. Глинка в своем романсе «Усладова лира» (1821) сообщил образу независимого певца сугубо декабристское звучание («Он не позорил чистой лиры И, лести враг, Пред вами, грозные кумиры, Не падал в прах!»). Непосредственным образцом для подражания явилось «Слово о полку Игорева» при написании Катениным историко-эпического стихотворения «Мстислав Мстиславич» (1818), посвященного первому сражению русских войск с монголами в 1223 г. В отличие от авторов, избирающих в эти годы исторические сюжеты героико-одического характера, Катенин, противник таких сюжетов, останавливает свой выбор на понесенном русскими поражении в битве при Калке. Отряд русских воинов во главе с князем Даниилом спасает тяжело раненного в битве князя Мстислава Мстиславича. Катенину удалось не только создать психологически верную картину переживаний Мстислава, никогда ранее не знавшего поражений, но и убедительно мотивировать публицистическую концовку — речь раненого князя:

Не останятся отныне
Успехом гордые враги,
Доколь Россию всю пустыне
Не уподобят их шаги.
Их орд на нас ползется море,
А сила русская мала.
О горе, вечное мне горе,
Что я виновник первый зла!³⁷

³⁵ Катенин П. А. Избр. произв. М.—Л., 1965 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 78.

³⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1955, с. 278, 742.

³⁷ Катенин П. А. Избр. произв., с. 112.

По словам самого автора, он намеревался «написать большую картину <...> русскими красками, мастерским размером».³⁸ Богатство размеров, сменяющих друг друга, призвано было передать многообразие и сложность происходящего. Переход от чисто народных безрифменных стихов:

Не белые лебеди
Испуганны мечутся...³⁹

к новаторским для того времени, прерывистым размерам:

Как ток реки,
Как холмов цепь,
Врагов полки
Просекли степь.
Их пращи — дождь,
Мечи — огонь.
Здесь мертвый вождь,
Тут бранный конь...⁴⁰

создавали непривычный для слуха, воспитанного на «Россиадах» и «Генриадах», полифонизм, достоверно отражавший динамику сражения. Высокохудожественно и нетрадиционно передан момент утраты сознания раненым:

И три раза, вспыхнув желанием славы,
С земли он, опершись на руки кровавы,
Вставал.
И, трижды истекши рудою обильной,
Тяжелые латы подвигнуть бессильный,
Упал.⁴¹

Ненавязчиво, проявляя большой такт, обращался автор к изобразительным средствам «Слова о полку Игореве»:

Издали внемлет он ратному шуму:
Лютой млатьбе, не колосьев, а глав...

или:

Или звери
Плотоядны
Кровь полижут
Честных ран? ⁴²

Это была не безвкусная контаминация стилистических формул «Слова» с отрывками из народных песен, характерная для

³⁸ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. СПб., 1911, с. 40.

³⁹ Катенин П. А. Избр. произв., с. 107.

⁴⁰ Там же, с. 108.

⁴¹ Там же, с. 109.

⁴² Там же, с. 109, 110.

названной выше повести П. Ю. Львова, и не механическое перенесение целых страниц древней поэмы для изображения события иного содержания и иной тональности, как это мы видели в стихотворной повести Н. Кугушева, — это органически сливающиеся с авторским текстом лексические и фразеологические микрообразы древнего творения, наилучшим образом способствующие фиксации пространственных, временных и этнических координат изображаемого.

«Слово о полку Игореве» занимало большое место в творческих замыслах самого крупного поэта, выдвинутого движением декабристов, — К. Ф. Рылеева (1795—1826). В целом ряде его дум встречаются имя Бояна и реминисценции из текста древней поэмы («Святослав», «Рогнеда» и др.). В думе «Боян» поэт изложил собственное понимание этого образа. К началу 1820-х годов относится рылеевский набросок переложения «Слова о полку Игореве»:

В душе пылая жаждой славы,
Князь Игорь из далеких стран
К коварным половцам спешит на пир кровавый
С дружиной малою отважных северян.
Но, презирая смерть и пламенея боем,
Последний ратник в ней является героем.⁴³

Как видно из приведенных строк, Рылеев несколько отступает от текста оригинала, чтобы возвеличить образ Игоря и его дружины. Известному переосмыслению подвергается и образ Бояна в одноименной думе Рылеева. Поэт изображает древнего певца, погруженного в скорбную думу о возможных бедствиях, ожидающих Русскую землю. В предисловии к думе автор по сути полемизировал с Карамзиным, высказавшим догадку, что Боян мог петь «блестящую красоту княгини Ольги». Рылеев предполагал иное: «Не менее правдоподобно, что Боян был певцом подвигов Великого Владимира и знаменитых его сподвижников». Это в предисловии к думе. А в самом тексте ее Боян выглядел не простым песнопевцем прославленного князя, а певцом-гражданином, обеспокоенным беспечностью пирующих и еще более — будущими судьбами страны. Следовательно, Боян — это певец-провидец. Таким образом, не исключена возможность, что в предисловии из соображений цензурного характера Рылеев несколько завуалировал свой противоречащий официальной идеологии замысел. Наша догадка тем более оправдана, что еще до выхода сборника «Думы» из печати поэт работал над думой о Вадиме Новгородском.

Несмотря на хлад убийственный
Сограждан к правам своим,
Их от бед спасти насильственно
Хочет пламенный Вадим.

⁴³ Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 314.

До какого нас беславия
Довела вражда граждан —
Властелинов Скандинавия
Насылает для славян!

Грозен князь самовластительный!
Но наступит мрак ночной,
И настанет час решительный,
Час для граждан роковой.⁴⁴

Тема Бояна и тема Вадима в сознании автора были тесно связаны друг с другом. Как мы видели выше, Радищев в «Песнях, пегых на состязаниях» предпринял попытку объединения темы Бояна с темой «новгородской свободы» (см. с. 214). Эту же задачу не без воздействия Радищева решали Рылеев и другие декабристы. Одним из них был А. И. Одоевский, в чем убеждает нас ряд его стихотворений, в особенности «Дева. 1610 года», написанное на каторге в 1830 г. Воспетая в былые времена Бояном, Дева, носительница идеи славянской свободы, всегда с восторгом откликалась «на вещей колокола звон». Ныне, взирая на бесчисленное множество законопослушных славянских сынов, она приходит в недоумение от их равнодушия:

Безумный взор возводят и молитву
Постыдную возносят к небесам.
Пора, пора начать святую битву, —
К мечам! за родину! к мечам!⁴⁵

Подобно Одоевскому, Рылеев ставил Бояна, певца подвигов князя Владимира, в один ряд с Вадимом, защитником республиканского «вечного строя». Каждый из них является гражданином в высоком смысле этого слова. Идеалу безукоризненного гражданина должен соответствовать и подлинный поэт современности, о котором идет речь в рылеевском стихотворении «Я ль буду в роковое время...». Между ним и рылеевской думой «Вадим» при внимательном их рассмотрении нетрудно найти в силу указанных причин сходные черты. В самом деле, о чем идет речь в первом из них? О племени переродившихся под игом самовластья славян, не готовых для будущей борьбы за угнетенную свободу человека. А во втором? Об убийственном равнодушии сограждан к своим правам, об их бесславной покорности властелинам Скандинавии. Само собою разумеется, что если образ Вадима Новгородского можно назвать вторым авторским «я», то этого нельзя сказать об образе Бояна. Он требовал переосмысления, осовременивания. И в думе «Боян» этот образ был уже, хотя и не до конца, переосмыслен. К переосмыслению образа Бояна прибегали не только Рылеев и А. И. Одоевский, но и В. К. Кюхельбекер, Никита

⁴⁴ Там же, с. 329—330.

⁴⁵ Одоевский А. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1958 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 66.

Муравьев и другие декабристы. О том, насколько подобное отступление от образа первоисточника было правомерным, в нашем литературоведении не существует единой точки зрения. Выше, в главе о Н. И. Гнедиче (см. с. 153), мы уже частично касались этого вопроса. Полагаем, что писатели-декабристы, как и предшествовавший им Радищев, имели право на подобное переосмысление образа Бояна, исходя не из буквы, а из духа «Слова о полку Игореве».

Разделяя общее для всех декабристов восторженное отношение к древней поэме об Игоровом походе, А. А. Бестужев (1797—1837) высказал о ней в 1822 г., в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России», несколько исключительно оригинальных суждений. Рассматривая поэму как произведение в своей основе фольклорное, Бестужев находил ее уникальность в том, что в ней запечатлены такие черты национального характера древнерусского человека, которые не смогла сохранить народная песня, под воздействием бурных событий истории меняющая с каждым столетием свое содержание и формы. «Русский, — писал Бестужев, — поет за трудом и на досуге, в печали и радости, и многие песни его отличаются свежестью чувств, сердечным теплотой, нежностью оборотов; но беды отечества и туманное его небо проливают на них какое-то уныние, и вообще в них редко встречаются пылкие страсти и обилие мыслей. Возвышенные песнопения старины русской исчезли, как звук разбитой лиры; одно имя соловья Бояна отгрянуло в потомстве, но его творения канули в бездну веков, и от всей поэзии древней сохранилась для нас только одна поэма о походе Игоря, князя Северского, на половцев. Там находим мы незаимствованные красоты, иную природу, отменный круг действия. Безыменный певец вдохнул русскую боевую душу в язык юный, но и самую странностию привлекательный; он украсил его цветами мечты, вымыслом народной мифологии, разительными сравнениями и чувствами глубокими. Непреклонный, славлюбивый дух народа дышит в каждой строке. Драгоценная поэма сия, принадлежащая к XII веку, писана мерною прозою и языком, вероятно, южнорусским. Кажется, время сохранило ее, чтобы сильнее дать чувствовать потерю остального! В песне о битве Донской (XV века) нет того огня, той силы в очертании лиц, той самородной прелести, которые отличают песнь о походе Игоря. Впрочем, рассказ оной плавлен и затейлив, и ее должно читать нарравне со всеми древностями нашего слова, дабы в них найти черты русского народа и тем дать настоящую физиогномию языку».⁴⁶

В последних словах приведенного текста Бестужев сформулировал одну из важнейших, с его точки зрения, задач отечественной словесности — задачу преобразования литературного языка. Искаженный различного рода варваризмами книжный язык сле-

⁴⁶ Полярная звезда на 1823 год, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. СПб., 1822, с. 5—7.

дует приблизить к его природным истокам, освободив его от чуждых ему наслоений. Взгляд этот был весьма близок языковой программе «младших архаистов», А. С. Грибоедова, П. А. Катенина и В. К. Кюхельбекера.⁴⁷ Сообщить современному литературному языку подобающую ему физиономию, как полагал Бестужев, помогут «древности нашего слова», и прежде всего «Слово о полку Игореве». В изданной в 1823 г. повести Бестужева «Роман и Ольга» можно обнаружить немало идейно-художественных и чисто лингвистических уподоблений Игоревой песни. «Сердце ее замирало, когда она внимала ужасам, висевшим над головою Романа во время плена, и опасностям во время бегства его на родину, от берегов Черного моря».⁴⁸ Фрагмент этот, вероятно, подсказан автору «Словом»: по возвращении из плена так Игорь мог рассказывать жадно внимающей Ярославне о перенесенных им страданиях и злоключениях бегства. И вообразив себе эту картину, Бестужев решил наградить впечатлениями Ярославны свою героиню Ольгу.

Подражанием Плачу Ярославны отзываются также и следующие слова героини бестужевской повести: «Если б можно было скинуться птичкою, с каким бы нетерпением полетела я по свету искать милого. . .».

К прямому заимствованию из древней поэмы прибегает автор, изображая осаду новгородцами Орлепкой крепости, в деревянные стены которой они вонзали свои «стрикусы» (ср.: «утрь же возни стрикусы, отвори врата Новуграду. . .» — *Слово*, с. 35).

Не приводя других примеров подобного же рода (их свыше десяти), заметим, что ими не ограничивается связь произведения Бестужева с древней поэмой. Автор повести стремится перенести в нее тот «непреклонный, славлюбивый дух народа», который он чувствовал в «Слове». Сителем народного духа является главный герой повести Роман, устами которого говорит порою и сам автор. Роман — бестрепетный защитник вечевого строя, не изменяющий заветам предков, традициям Великого Новгорода при самых сложных жизненных обстоятельствах. Образ этого героя создан в полном соответствии с эстетическими нормами декабристского романтизма.

Несмотря на декабристскую заданность сюжетного плана и мелодраматизм любовных ситуаций, повесть Бестужева отразила все же ряд реальных противоречий русской жизни XIV столетия.

Непреклонный, славлюбивый дух новгородцев Бестужев стремился показать не только в их делах, но и в их речах. Метафоризмом и афористичностью характеризуются и речи Романа на собраниях веча, и бытовая речь других новгородцев. Писатель был твердо убежден в том, что в языке сказывается духовная физиономия человека. Живописная речь героев бестужевской по-

⁴⁷ См.: Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929, с. 87—227.

⁴⁸ Бестужев А. А. Соч. в 2-х т., т. 1. М., 1958, с. 8.

вести («Витовт любит греться у чужого пожара», «Не купишь руки невесты, покуда слава не будет твоей свахою», «совесть отдана в приданое», «пустой мех стоять не может», «от судьбы на коне не ускачешь» и т. д.) действительно создает у читателя представление о языке народа деятельного и одаренного, народо-языкотворца.

Почти все, что сказано выше о повести «Роман и Ольга», можно отнести также и к незавершенной стихотворной повести «Андрей, князь Переяславский», написанной Бестужевым в 1826 г., когда он отбывал заключение в финляндской крепости «Форт Слава». Позднее о первоначальном отрывке этого произведения автор писал Н. А. Полевому: «...у меня не было ни одной книги; написан был жестяным обломком, на котором я зубами сделал расщеп, и на табачной обертке, по ночам. Чернилами служил толченый уголь. Можете судить об отделке и вдохновении!». Поражает обилие заимствований в «Андрее, князе Переяславском» из «Слова о полку Игореве». Да это и не удивительно: в любой обстановке писатель не расставался с текстом «Слова», он хранил его в своем сознании.

Во всех известных нам работах, посвященных воздействию «Слова о полку Игореве» на русскую литературу первой половины XIX в., нет имени В. К. Кюхельбекера (1797—1846), и этот факт оправдать какими-либо аргументами невозможно. Еще в 1818 г. в стихотворении «Царское Село», вспоминая о сложившемся в Лицее «тройственном союзе молодых певцов», в который он зачислял Пушкина, Дельвига и самого себя, Кюхельбекер так изливал свое душевное томление, вызванное невозможностью видеть рядом с собою автора «Руслана и Людмилы»:

Тебя, мой огненный, чувствительный певец
Любви и доброго Руслана, —

Тебя, на чьем челе предвижу я венец
Арьоста и Парни, Петрарки и Байана!⁴⁹

По-видимому, это было первое в русской литературе уподобление Пушкина полупоэтичному певцу Киевской Руси. Пройдет 18 лет, и оно будет повторено Кюхельбекером в одном из лучших произведений его музыки — в стихотворении «19 октября 1836 года».

Переносясь мысленно из Баргузина в места и времена своей юности и лишенный возможности представить себе всю глубину пушкинского конфликта с великосветской средой и правительственной кликой, таившего в себе неотвратимую и близкую трагическую развязку, Кюхельбекер писал:

Чьи резче всех рисуются черты
Пред взорами моими? Как перуны
Сибирских грез, его золотые струны

⁴⁹ В. К. Кюхельбекер. Избр. произв. в 2-х т., т. 1. М.—Л., 1967, с. 95.

Рокочут... Пушкин! Пушкин! это ты!
Твой образ — свет мне в море темноты...⁵⁰

Уподобление Пушкина Бояну в устах Кюхельбекера — отнюдь не риторическая фигура, оно вытекало из представлений автора о законах преемственности в развитии русской литературы. Одним из носителей этой преемственности для Кюхельбекера был язык. В парижской лекции 1821 г. о русском языке поэт писал: «Он богат, выразителен, свободен и гармоничен. Гений-хранитель, казалось, присутствовал при его рождении: он дал ему приют в его младенчестве в республике состоятельной, воинственной и непокоренной, в то время как остальная часть нашей несчастной родины стонала под игом Чингисхана и Тамерлана. На вечевой площади и на кораблях, в стенах и в летописях Великого Новгорода сохранился наш язык чистым, обогатился и смягчился употреблением в предприимчивом и просвещенном народе».⁵¹ Термин «язык» Кюхельбекер употребляет здесь в расширительном его смысле. Являясь средством коммуникации, язык включает в себя также и все лучшее, что создано народом на этом языке, — народно-поэтическое творчество. Отсюда у Кюхельбекера, как и у всех писателей-декабристов, самое высокое представление о древних народных певцах: они могут выступать и в качестве певцов княжеских подвигов — в тех случаях, когда последние совершаются во имя народного блага, но они же могут и противостоять княжескому своеволию и деспотизму, ибо народный певец — хранитель лучших традиций родного языка, духовных и нравственных ценностей народа, вне которых развитие книжной словесности бесплодно. «Вера праотцов, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные, — писал Кюхельбекер в 1824 г., — лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности».⁵²

Комментируя в 1825 г. сделанный одним немецким критиком «Разбор фон-дер-Берговых переводов русских стихотворений», Кюхельбекер писал, что он «от всего сердца» разделяет обращенную к переводчику просьбу критика «передать своим соотечественникам лучшие наши песни и сказки народные, особенно же „Слово о полку Игореве“».⁵³

В 1824 г. в «Полярной звезде» писатель печатает стихотворение «Святополк Окаянный. Сага». В этом обращении к теме князя-братоубийцы вслед за Рылеевым, опубликовавшим думу «Святополк» в 1821 г., была своя закономерность. Русская демократическая публицистика начала XIX в. задолго до писателей-декабристов в летописном предании о Святополке, в его преступлениях и позднейшем раскаянии, видела назидательный урок для

⁵⁰ Там же, с. 291.

⁵¹ Литературное наследство, т. 59. М., 1954, с. 380.

⁵² Мнемозина, ч. II. М., 1824, с. 42.

⁵³ Сын отечества, 1825, ч. 103, № 17, с. 83.

сильных мира сего.⁵⁴ В образной системе и лексическом строе саги Кюхельбекера нетрудно обнаружить не только текстуальную близость к «Повести временных лет» («Побежим <...> живого бога слуги несутся, — нас женут!» и др.), но и отзвуки «Слова о полку Игореве» («прах топота их ног до туч взлетает», «ты не упеешься на пиру кровавом», «в облаках зловеший вран кружится» и т. д.).

Перекликается в идейно-эстетическом отношении с Игоревой песней также и историческая «эстонская повесть» Кюхельбекера «Адо» (1823), посвященная борьбе чудских языческих племен с немецкими рыцарями-пришельцами, насаждавшими крестом и мечом феодальные порядки в землях Прибалтики. Автор всецело сочувствует сражающимся с меченосцами эстонцам-язычникам, хотя и заставляет их предводителя Нора признать преимущество перед язычеством христианской веры византийского образца. Нор отправляется в Великий Новгород за помощью к князю Ярославу Всеволодовичу. Князь в представлении автора лишь номинальный глава Новгородской республики, верховная власть в которой принадлежит народному вече. «Нор в глубоком унынии слушал веселую песню новгородских рыбаков: они возвращались на родину, в отечество сильное и вольное; он покидал отчизну порабощенную».⁵⁵ Автор не видит существенного различия в уровне духовного развития людей XIII в., независимо от их сословной и племенной принадлежности, и поэтому словесная «одежда мыслей» различных героев повести в общем-то однотипна. Песенка Маи (она дочь крестьянского старейшины Адо) о погибших в борьбе с меченосцами воинах («Государь ты светлый месяц, Что сверкаешь в облаках?» и т. д.) перекликается с Плачем Ярославны (ср.: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! <...> чему господине простре горячую свою лучю на ладѣ вои?» и т. д. — *Слово*, с. 39).

Образом вещего Бояна был подсказан автору повести тип юного странника-певца, пропевшего в замке наместника края Убальда перед сонмом рыцарей и их дам свою лебединую песню. «Юноша хотел им воспеть любовь и счастье, но его волновало смутное предчувствие: поэт всегда пророк».⁵⁶ Перед нами образ вещего певца. И недаром же развешанные по стенам лики предков Убальда словно оживились: «Они, казалось, хотели проведеться языком иного мира».⁵⁷

Песнопение вещего певца оказалось пророческим: на арфе лопается струна, и в замок врывается толпа восставших эстонских крестьян, ведомая воинами мордовского князя Пургаса, волею случая объявившего войну меченосцам.

В разработке древнерусской проблематики «Слово о полку Игореве» служило для Кюхельбекера источником самых разно-

⁵⁴ См.: Северный вестник, 1804, ч. II, с. 280.

⁵⁵ Мнемозина, ч. I. М., 1824, с. 130.

⁵⁶ Там же, с. 153.

⁵⁷ Там же, с. 154.

образных творческих импульсов и ассоциаций, даже в тех случаях, когда избранный писателем сюжет лишь опосредованно был связан с сюжетом древней поэмы. Для подтверждения этой мысли можно указать, например, на поэму Кюхельбекера «Юрий и Ксения» (1832—1836). Картина битвы («Лилася долго кровь славян, Вился над ними жадный вран, И клетк орла был слышен дикий, И звал он птиц на пир великий» и т. д.), картина соколиной охоты («Там он ширялся сын свободы, Как на ковре лицо природы Без крова видел из-под туч» и т. д.) и ряд других сцен восходят к живописной образности и стилистической манере древней поэмы.

Во второй половине 1834 г. пребывавший в заточении Кюхельбекер ознакомился с седьмой книжкой «Библиотеки для чтения» за этот год, в которой О. И. Сенковский излагал свои аргументы против подлинности поэмы об Игоровом походе. В связи с этим в «Дневнике» Кюхельбекера от 24 ноября 1834 г. появилась следующая запись: «Библиотечный рецензент, разбирая „Основания словесности“ Глаголева, почти утвердительно говорит, что „Слово о полку Игореве“ не древнее русское сочинение, а подлог вроде Макферсонова Оссиана. Трудно поверить, чтоб у нас на Руси, лет сорок тому назад, кто-нибудь был в состоянии сделать такой подлог: для этого нужны бы были знания и понятия такие, каких у нас в то время никто не имел; да и по дарованиям этот обманщик превосходил бы чуть ли не всех тогдашних русских поэтов и прозаиков, вкупе взятых».⁵⁸ Кюхельбекер, разумеется, не знал, что подобную мысль приблизительно в это же время и почти такими же словами выразил и Пушкин.

Известно, что декабристская концепция исторического развития России импонировала общественно-политическому сознанию А. С. Грибоедова (1795—1829). Подобно писателям-декабристам, автор «Горя от ума» в самых отдаленных периодах русской истории находил события и лица, заслуживающие воссоздания в произведениях художественного слова. Высокая оценка достоинств поэмы об Игоровом походе, характерная для Ф. Н. Глинки и П. А. Катенина, К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера и А. И. Одоевского, разделялась, по-видимому, и Грибоедовым.

Еще в 1911 г., публикуя в академическом «Полном собрании сочинений» писателя «Диалог половецких мужей», рукопись которого до нас не дошла, Н. К. Пиксанов сообщал в комментарии: «Печатается по тексту „Черновой тетради“ в „Русском Слове“, 1859, № 5, с. 78. Заглавия в оригинале не было. Время написания определить трудно. Можно догадываться, что диалог написан не ранее осени 1825 года; описание южнорусской степи, например вихрей, могло быть навеяно пребыванием Грибоедова на юге

⁵⁸ Русская старина, 1884, т. 41, № 1—3, с. 340—341.

в этом году. В некоторых выражениях диалога можно усмотреть влияние „Слова о полку Игореве“». ⁵⁹

В тексте грибоедовского «Диалога», представляющего собою отрывок из драматического произведения в стихах, посвященного борьбе Киевской Руси с половцами, не было, однако, ни упоминаний о «Слове», ни реминисценций из него. Надо полагать, что основанием для вывода, сделанного Н. К. Пиксановым, послужили следующие три фразы из грибоедовских же заметок по русской истории («Desiderata»): «Къметь, къмети (сподвижники, слуги, дружина). Не то ли, что Comte, в первоначальном значении? „А мой Куряни сведоми къмети“ (см. Слов. о пол. Игореве)». ⁶⁰

Со времени первой публикации «Черновой тетради» А. С. Грибоедова прошло немало времени. И слова писателя о кметях-курянях исследователями-специалистами цитировались и пересказывались многократно. Но убедительного ответа на вопрос, а в чем же состоит их научная весомость и как же соотносятся они с «Диалогом половецких мужей», насколько нам известно, еще не было.

Мы не видим, подобно Ф. М. Головенченко, особой пронительности Грибоедова в том, что он слово *кмети* пишет слитно, а не раздельно (*къ мети*), как это сделали по неведению своему первые издатели древнего памятника. ⁶¹ Дело, однако, в том, что к 1825—1826 гг., когда писались грибоедовские заметки по русской истории, и А. И. Ермолаев, и Н. М. Карамзин, и К. Ф. Калайдович, и Н. Ф. Грамматин уверенно перешли к слитному начертанию этого слова (см. настоящее издание, с. 88). В повторно изданном в 1818 г. третьем томе «Истории государства Российского» Карамзина Грибоедов мог прочесть: «Кметями назывались слуги и дружина». ⁶² Можно уверенно заявлять, что писатель не только прочитал Карамзина, но и повторил его комментарий, дополнив его при этом одним только словом: «сподвижники». Дополнение вполне объяснимое; оно вытекало из предложенного Грибоедовым комментария: *къметь* — это «Comte, в первоначальном значении». Каком же? Целый ряд авторитетных пособий по истории французского языка дает следующее истолкование интересующего нас слова: *Comte s. m., du lat. comes, comitis* — *compagnon, et plus tard comte, т. е. граф*.

Среди современных Грибоедову комментаторов древней поэмы попыток возвестить происхождение старославянского слова *къметь* к латинскому *comes* не было. Комментаторская попытка Грибоедова, которой нельзя отказать ни в оригинальности, ни в смелости

⁵⁹ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Под ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина. Т. I. СПб., 1911, с. 300.

⁶⁰ Там же, т. III, с. 100.

⁶¹ См.: Головенченко Ф. М. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955, с. 63—64.

⁶² Карамзин Н. М. История государства Российского, т. III. Изд. 2-е. СПб., 1818, с. 164, примеч. 263.

сти, не получила ни распространения, ни оценки по достоинству. Тем любопытнее, что догадка писателя независимо от него спустя столетие возникла снова в среде авторитетных медиевистов нашей эпохи. Так, например, в известном этимологическом словаре М. Фасмера о происхождении слова *кметь* читаем: «Скорее всего, заимствовано из лат. comes, -itis- спутник, товарищ, через народнолат. cometia, „comitatus“, — „округ, область“».⁶³

Таким образом, процитированные выше три фразы из «Desiderata» Грибоедова дают наглядное представление о нем как об основательно эрудированном и проницательном комментаторе «Слова о полку Игореве».

«Диалог половецких мужей», Серчака и Итляра, как уже сказано, — это фрагмент незавершенной драматизированной поэмы, содержание которой посвящено событиям 700-летней давности. Диалог дает полное основание утверждать, что автор его успешно преодолевал инерцию изображения врагов Русской земли в виде трафаретных одноликих чудовищ. Серчак и Итляр — это не маски и не карикатурные образы двух неприятельских вождей, а живые лица. С одной стороны, одержимый жаждой отмщения русичам за нанесенные ими обиды Итляр:

О, плачься, Русь богатая! Бывало,
Ее полки и в наших рубежах
Корысть делят, теперь не то настало!
Огни ночной порою в камышах
Не так разлитым заревом пугают,
Как пламя русских сел, еще пылают
По берегам Трубежа и Десны.
Там бранные пожары засветают
В честь нам, отцам, любезные сыны.⁶⁴

Итляр жесток и тверд в своих поступках, а сознание того, что сыновья его пошли по стопам отца, лишь умножает его силы. Нынешние счастливые времена Итляр противопоставляет позорному прошлому, скорее всего — периоду княжения Владимира Мономаха, когда тот, в конце XI — начале XII столетия, по словам летописи, «приемшю землю их (половцев, — *Ф. П.*) всю», «пил золотым шеломом Дон».⁶⁵

Иное дело Серчак. Его не прельщают хищнические нападения соотечественников на русские села. Не злой по натуре, он сомневается во многом. С опасением глядит он на будущее, так как с приближающимся уходом дочери в чужой дом он будет обречен на полное одиночество.

⁶³ Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, с. 261. Следует отметить, что грибоедовскую гипотезу о происхождении слова *кметь*, уже после того как она была опубликована (1859), пытался обосновать А. Ф. Вельтман во втором издании своей книги «Слово об ополчении Игоря Святославича» (М., 1866, с. 41).

⁶⁴ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.; т. I, с. 255.

⁶⁵ Полное собрание русских летописей, т. II. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб., 1908, с. 716.

Заметим мимоходом, что Д. А. Смирнов, впервые опубликовавший в 1859 г. «Диалог половецких мужей», по-видимому неточно прочитал имя этого героя. Можно высказать догадку, что у Грибоедова участниками диалога были Итляр и Серчан (Сырчан), поскольку половецкие князья с такими именами действительно существовали в княжение Владимира Мономаха. Это, конечно, не значит, что именно они служили Грибоедову прототипами, но писатель не имел никакой нужды искусственно создавать половецкие имена, в то время как из III тома «Истории государства Российского» Карамзина он мог позаимствовать целый перечень половецких имен, в том числе и имена Сырчана и Итляра.

Следует полагать, что внимание Грибоедова было привлечено не только к летописным именам Итляра и Сырчана, но и к породившей их эпохе, которая если и не совпадала с эпохой «Слова», то непосредственно предшествовала ей. Автор начал реализацию своего оригинального замысла с наиболее трудоемких «половецких сцен». Но вопреки устаревшему требованию единства места Грибоедов безусловно намеревался изобразить оба враждующих стана. Игорева песнь и в этом отношении могла служить ему примером. И задуманная поэма не обязательно должна была открываться «Диалогом половецких мужей».

Подробная характеристика интересующего нас произведения Грибоедова заслуживает особого исследования, и поэтому она не входит в задачу настоящей книги. Высказанные выше суждения и предположения имели одну лишь цель — показать, что грандиозный замысел Грибоедова возникал и совершенствовался согреваемый пафосом и озаряемый светом немеркнущих образов «Слова о полку Игореве».

Характер освоения идейно-эстетических ценностей древней поэмы об Игоровом походе, как уже показано выше, был обусловлен не только степенью ее изученности филологической наукой, но и поворотными событиями в гражданской истории России. В преддверии и в годы Отечественной войны 1812 г. резко возрос интерес читателей к патристическому пафосу произведения. И если консервативная часть писателей тщилась найти в поэме черты верноподданнической идеологии, то декабристская мысль, опираясь на пример Радищева, увидела в «Слове» выражение идей свободомыслия и демократизма. Во фразе «в княжихъ крамолахъ веци чловѣкомъ скратишась», в обращении Ярославны к солнцу («чему простре горячую свою лучю на ладе вои»), как и в других фрагментах и словах древнего памятника, декабристы не без основания улавливали сочувственное отношение автора к социальным низам Киевской Руси.

По своим эстетическим воззрениям писатели-декабристы были романтиками. Признание преемственных связей настоящего с прошедшим, а через него и с давно прошедшим являлось одним из основных положений романтического миропонимания и эстетики.

В древней письменности, как, впрочем, и в народной поэзии, романтики открывали еще не тронутый источник обогащения современной им литературы. Борясь с насаждаемыми классицизмом жесткой рубрикацией жанров, нормативностью и рационалистичностью творческого процесса, романтики провозглашали свободу писательской индивидуальности. В древней поэме об Игоровом походе им imponировало ничем не стесняемое «самовыражение» автора, органическое соединение эпоса с лирикой, публицистичности с психологизмом, реального с фантастическим, обличения с поэтизацией.

Наряду с доминирующим романтическим типом восприятия «Слова» в литературе 1820-х, а отчасти и 1830-х годов давало себя знать также и традиционное приспособление образности древней поэмы к требованиям уже отживающих эстетических систем. Драматическое песнопение в стихах В. Н. Олина «Возвращение славянской царицы Доброславы», в котором персонажи из псевдославянской мифологии вместе с хором «славянских» девушек исполняли звучавшие анахронизмом слащавые стихи («Ей (царице, — Ф. Я.) народ звучит в тимпаны, Сладко ей поют Бояны; Ей дивится целый свет, Ей нигде подобной нет!», и т. д.), вышло из печати в 1826 г., а М. Д. Деларю переводил «Слово» гекзаметром в самом конце 1830-х годов.

Далеко не сразу русская литература уясняет существенное отличие стилистически выспренних и элегически монотонных поэм Оссиана от эмоционально многогранной и при всей напряженности своей буднично непритязательной поэмы об Игоровом походе. Достижение к началу 1820-х годов кульминационной точки удобления автора «Слова» Оссиану постепенно сокращаются и к началу 1830-х годов сходят на нет.

В своей статье «Художественные переложения „Слова“» С. К. Шамбинаго, как правило, вполне обоснованно указал на целый ряд переводов и переложений древней поэмы, характеризующихся непониманием эстетической природы первоисточника. К ним, отметим мимоходом, отнес он и стихотворение «Ярославна» Михаила Павловича Загорского, опубликованное в 1825 г.:

Не в роще горлица воркует,
Своим покинута дружкой,
Княгиня юная горюет
О князе Игоре своем.
О где ты, где ты, друг мой милый?
Где Ярославнин ясный свет?
Кто даст мне, грустной, быстры крылы
И легкий ласточки полет?
Ах! я вспорхну — и вдоль Дуная
Стрелой пернатой полечу,
Рукав бобровый свой, вздыхая,
В струях Каялы омочу.⁶⁶

⁶⁶ Новости литературы. Прибавление к «Русскому инвалиду» на 1825 г., кн. 14, с. 69.

Называя автора ошибочно В. Загорским (ошибка эта перекочевала и в работы других исследователей), С. К. Шамбинаго отнес это переложение к числу неудачных ввиду присущего ему «широкого простора фантазии».⁶⁷ Незначительный налет сентиментальности действительно свойствен переложению М. П. Загорского, и он не случайно дал ему подзаголовок «Романс». Однако напечатанный в той же книге «Новостей литературы» за 1825 г. отрывок из поэмы «Илья Муромец» Загорского был чужд какой бы то ни было слезоточивости, хотя он также был овеян духом «Слова о полку Игореве» («Цепом булатным их молотит И душу вывеваает вон... Зазвенели латы медные Под мечами харалужными»).

Любопытно, что Пушкин, ознакомившись с присланной ему 14-й книгой «Новостей литературы» за 1825 г. с напечатанными в ней произведениями преждевременно скончавшегося молодого автора (1804—1824), писал из Михайловского П. А. Плетневу: «Неужто Илья Муромец Загорского? если нет, кто ж псевдоним, если да: как жаль, что он умер!».⁶⁸

Высокая оценка великим поэтом произведения, отмеченного воздействием «Слова» и тем не менее обойденного вниманием исследователей, глубоко поучительна. Поэтические отклики Загорского, а возможно и других авторов на древнюю поэму, по-видимому, заслуживают более внимательной и доброжелательной критики, несмотря на присущие им слабости.

Критически и одновременно вдумчиво должен подходить исследователь и к многочисленным в литературе первой трети XIX в. реминисценциям из «Слова о полку Игореве». Нет спора, что иные из них проникали в произведения нового времени случайно и не обладают сколько-нибудь значительной весомостью. Но бывают и другие случаи, когда наличие подобной реминисценции свидетельствует о преемственной связи произведения, в котором она «акклиматизировалась», со своим первоисточником — «Словом». Таким примером является фразеологизм «жемчужная душа» в «Тарасе Бульбе» Гоголя (см. настоящее издание, с. 189). Писатель заимствовал его из «Слова» как символ чести и доблести русича-рыцаря эпохи русско-половецких войн, используя для характеристики «лыцарей» XVI в.

Выражение «вещий Боян» и даже простое имя Боян — это тоже реминисценция, стершаяся от частого употребления, ставшая, по определению Белинского, «реторической фразой».⁶⁹ Пользование ею не требовало даже элементарного знакомства с древним памятником. К ней прибегали порой писатели, относившиеся к «Слову» с полным безразличием, например В. Л. Пушкин. Но

⁶⁷ Шамбинаго С. К. Художественные переложения «Слова», с. 208.

⁶⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XIII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937, с. 249.

⁶⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 366.

в отдельных (редких) случаях даже эта реминисценция может сигнализировать о существенных фактах литературного воздействия «Слова». И если упоминание имени Бояна в сочинениях В. Н. Олина выполняло функции сугубо декоративные, то в стихотворениях А. И. Полежаева оно наполнялось серьезным смыслом.

Мы не говорим уже о том, что художественная энергия древней поэмы могла вызвать к жизни такие произведения, где нет никаких зримых следов ее влияния, но о нем можно судить на основании косвенных данных. Так, например, ни в творчестве, ни в переписке Ф. И. Тютчева Игоревая песнь не упоминается. Вместе с тем известно, что 12 ноября 1820 г. Тютчев побуждал Погодина перевести на латинский язык «Слово о полку Игореве». ⁷⁰ Нет сомнений в том, что в формировании эстетических воззрений выдающегося поэта древняя поэма занимала определенное место.

Не следует забывать, что воздействие «Слова» не ограничивалось ареной литературной жизни; оно сыграло немаловажную роль в развитии русского национального самосознания и общественной мысли России. Таким образом, изучению подлежит не только преломление образной системы древнего памятника в художественных произведениях XIX—XX столетий, но и отражение в них идей и понятий, к нему в конечном счете восходящих.

Исходя из правильных предпосылок — установления отличий подлинного произведения древности, «Слова о полку Игореве», от литературных мистификаций Макферсона и Вацлава Ганки, Ю. М. Лотман в своей статье приходит к весьма странному выводу. И поэмы Оссиана, и Краледворская рукопись, рассуждает исследователь, оказали на литературное движение своей эпохи колоссальное воздействие. «Со „Словом“, — развивает далее свою мысль исследователь, — произошло нечто противоположное. „Слово“ оказало бесспорное влияние на литературу начала XIX века, и влияние это хорошо изучено. Однако границы этого воздействия кажутся скромными при сравнении с неувядающей красотой самого памятника». ⁷¹ Вывод умозрительный. Заявление о хорошей изученности влияния «Слова» находится в вопиющем несоответствии с действительностью. Поэме об Игоревом походе посвящено великое множество работ, подавляющее большинство которых ограничено, однако, рассмотрением вопросов историко-литературного (в прямом смысле этого слова), текстологического, палеографического и лингвистического характера. Поэма изучалась по преимуществу как «вещь в себе». Влиянию же ее на последующую литературу посвящены считанные работы. Много ли

⁷⁰ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. I. СПб., 1888, с. 91.

⁷¹ Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII—начала XIX века, с. 405.

страниц уделила наша филологическая наука в целом рассмотрению воздействия «Слова о полку Игореве» на повествовательную прозу начала XIX в.? Увы, немного, девять страниц в статье В. В. Сиповского.⁷² Написанная полвека тому назад, эта статья не отличается, однако, ни полнотой, ни безупречностью обобщений. Воздействие древней поэмы, особенно в первую половину XIX в., по мнению Сиповского, «имело несомненно очень большое значение: под влиянием „Слова“ чуть было не создалась у нас целая литературная школа. Этому помешал Вальтер Скотт, с середины первой половины XIX века вообще вытеснивший все виды „исторического романа“ и утвердивший у нас свой тип».⁷³

Мог ли, однако, В. Скотт воспрепятствовать русским писателям, писавшим на исторические темы, обращаться к национальным источникам? В набросках предисловия к «Борису Годунову» (1830) Пушкин, как известно, писал: «Не смущаемый никаким светским (?) влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествия, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени».⁷⁴

В рассмотренных выше и написанных под влиянием «Слова» исторических повестях Ф. Н. Глинка, В. К. Кюхельбекера и А. А. Бестужева еще нет соприкосновений с В. Скоттом, популярность которого в России начинается с середины 1820-х годов. Но историческая беллетристика Н. А. Полевого создавалась уже с учетом художественного опыта знаменитого шотландского романиста, что, впрочем, нисколько не мешало Полевому ориентироваться в своей исторической прозе также и на «Слово о полку Игореве». Основная идея повести писателя «Симеон Кирдяпа» (1828) оказалась предвосхищенной Игоревой песней, словами о накликаемых княжескими усобицами стонах и страданиях Русской земли. Этот отрывок из древней поэмы Полевой внес в текст своего повествования.

«В „Симеоне Кирдяпе“, — писал Белинский, — этой живой картине прошедшего, начертанной могучею и широкою кистью, поэзия русской древней жизни еще в первый раз была постигнута во всей ее истине, и в этом создании историк-философ слился с поэтом».⁷⁵

Более тесно, чем «Симеон Кирдяпа», примыкал к «Слову» замысел оставшейся незавершенной повести Полевого — «Пир Святослава» (1835). Опубликованная часть этой повести любопытна

⁷² Сиповский В. В. Следы влияния «Слова о полку Игореве» на русскую повествовательную литературу первой половины XIX столетия. — Известия по русскому языку и словесности АН СССР, Л., 1930, т. III, с. 239—257 (добрая половина этой статьи посвящена вопросам поэзии).

⁷³ Там же, с. 240.

⁷⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XI, с. 140.

⁷⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 278.

тем, что в ней удачно намечено сочетание двух структурных планов — песенности и документализма.

На связь со «Словом» своей напумевшей исторической повести «Клятва при гробе господнем» (1833) сам автор не забыл указать в эпилоге, назвав ее «повестью времен старых, былинной прежнего времени».

Ориентация на патриотический пафос и поэтику «Слова о полку Игореве» была свойственна также и исторической беллетристике А. Ф. Вельтмана («Кощей бессмертный», 1832, и другие повести) и М. Н. Загоскина («Аскольдова могила», 1833). Блистательным подтверждением того, что эта ориентация русской исторической прозы 1830-х годов была не поветрием, а историко-литературной закономерностью, явился «Тарас Бульба» (1835) Гоголя.

Мы не считаем рискованной мыслью о том, что лучшее произведение исторической прозы той поры, «Капитанская дочка» (1836) Пушкина, также не свободно от преемственных связей со «Словом о полку Игореве», как бы ни были различны эти два произведения в идеологическом, тематическом и сюжетном отношениях.

«Капитанская дочка» создавалась Пушкиным в период его настойчивой борьбы за утверждение «собственных начал»⁷⁶ в русской литературе, в период его самозабвенного увлечения древней поэмой об Игореvem походе. И стараясь угадать «образ мыслей и язык тогдашнего времени»,⁷⁷ XVIII в., поэт видел в его общем облике не только черты относительно недавнего прошлого, но и приметы далекого прошлого. И, на первый взгляд, случайно залетевший из «Слова» в первую главу «Капитанской дочки» фразеологизм «свычай и обычай»⁷⁸ был отнюдь не случайным: он по-своему отражал «образ мыслей и язык» патриархально-национальной старины.

Настоящая книга — не монографическое исследование избранной темы. И высказанные выше замечания по такому важному вопросу, как значение «Слова» в развитии исторической прозы начала XIX в., как и содержание книги в целом, носят рекогносцировочный характер. Автор исходит из убеждения, что место Игоровой песни в русском историко-литературном процессе XIX в. — тема, на редкость слабо изученная. Монографическое исследование ее возможно лишь на основе целой серии подготовительных работ — статей и книг многих авторов, корректирующих друг друга. Только наличие разных подходов к предмету изучения позволит создать в будущем целостную и свободную от исследовательского субъективизма картину второй жизни величайшего памятника русского художественного слова.

⁷⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XI, с. 495.

⁷⁷ Там же, с. 140.

⁷⁸ Там же, т. VIII, с. 281.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Аввакум Петров, протопоп** 56
Адрианова-Перетц В. П. 4, 9, 12, 47, 51, 52, 69, 76, 85, 126, 158, 180, 212, 213
Азадовский М. К. 161
Айналов Д. В. 189
Аксаков К. С. 191
Аксаков С. Т. 191
Александр I 111, 112, 221, 222
Алексеев М. П. 4, 195
Алексей Михайлович, царь 18
Амвросий, казанский архиепископ 38
Амфилохий Леонтович, архимандрит Межигорского монастыря 18
Анастасевич В. Г. 63, 81, 83, 89, 126, 128, 212, 218
Андрей Юрьевич Боголюбский, великий князь суздальский 77
Анненков П. В. 178
Ариосто Л. 41, 161, 233
Арсений Верещагин, ростовский и ярославский архиепископ 17—19, 21—23, 31, 37
Арцыбашев Н. С. 226

Бабкин Д. С. 14, 15, 76, 85
Байер Ф.-З. 65, 66
Байрон Д.-Г. 208
Бантыш-Каменский Д. Н. 81
Бантыш-Каменский Н. Н. 28, 30, 40, 46, 78, 79, 81, 211, 212
Бардин А. И. 86, 87
Бароний Ц. 76
Барсов Е. В. 13, 17, 18, 27, 28, 61, 87, 90, 120, 124, 125
Барсов Н. П. 120, 124
Барсуков Н. П. 242
Бартнев П. И. 168
Басов-Верхоянцев С. А. 153
Батый, монголо-татарский хан 139
Батюшков К. Н. 80, 81, 94, 198
Бахтин Н. И. 228

Бегичев С. Н. 81
Безродный Ф. 183
Беликов И. 67, 99, 100, 176
Белин (Крижанич) Ю. 88
Белинский В. Г. 130, 132, 156, 192, 227, 241, 243
Бельский М. 76
Белюстин Н. 214
Беляев И. Д. 120, 122, 123, 126
Берков П. Н. 17, 26, 40
Бессонов П. А. 114, 281
Бестужев-Марлинский А. А. 190, 207, 208, 231—233, 236, 243
Богородский Б. Л. 13
Болоньи 41, 43, 44
Болтин И. Н. 37, 40, 41, 61, 107, 211
Болховитинов Евгений 30, 62, 63, 75, 81, 88, 89, 125, 126, 128, 131, 133
Бонди С. М. 165
Боплан Г. 295
Борис Годунов 159, 160, 162, 164, 210, 243
Бороздин К. М. 63, 73—76, 78, 79, 97, 105
Бороздин М. К. 73
Бродский Н. Л. 198, 205
Брюсов В. Я. 192
Булгаков А. Я. 41, 43
Булгаков Я. И. 41—44, 62, 211
Булич С. К. 74
Бычков А. Ф. 78, 83, 84

Вадим Новгородский 157, 204—206, 208, 209, 215, 222, 229, 230
Василько Константинович, ростовский князь 87
Василько Ростиславич, теребовльский князь 142, 143, 145, 146, 148, 149, 153—155
Вельтман А. Ф. 10, 104, 177, 180, 190, 238, 244
Веревкин М. И. 26
Виноградова В. Л. 13

¹ Составлен Ю. К. Бегуновым.

- Владимир Всеволодович Мономах, великий князь киевский 7, 56, 62, 69, 85, 88, 98, 99, 122, 238, 239
 Владимир Глебович, переяславский князь 122
 Владимир Святославич, великий князь киевский 55, 93, 117, 138, 147, 164, 197, 207, 216, 217, 225, 229, 230
 Власьевский, священник 22
 Водозовов Н. В. 195
 Воейков А. Ф. 113, 197, 223
 Волконский, князь 22
 Вольтер Ф.-А.-М. 93
 Вольф М. О. 151
 Воскресенский И. Г. 23, 24
 Востоков А. Х. 63, 68, 73, 78, 80, 81, 83, 90—109, 157, 169, 170, 178, 179, 208, 214
 Всеволод Святославич, курский князь 6, 80, 84, 85, 88, 96, 166, 171
 Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, великий князь владимирский 56, 86, 96
 Всеволод Ярославич, великий князь киевский 77
 Всеволод Ярославич, луцкий князь 9
 Всесвятский Н. 22
 Всеслав Брючславич, полоцкий князь 6, 68, 107, 124, 144, 162
 Вяземский П. А. 127, 178, 180
 Гавриил Петров, новгородский митрополит 20
 Гагарин Г. П. 22
 Галактион, галицкий митрополит 27
 Ганка В. 242
 Гваньини А. 76
 Гейм И. 116
 Генслер Д.-Г. 164
 Георгий Амартол 189
 Гесснер С. 176
 Гете И.-В. 227
 Глаголев А. 78, 104, 169, 170, 236
 Глазунов И. 30
 Глеб Святославич, тмутараканский князь 65
 Глебовна, Ольга Глебовна, дочь переяславского князя Глеба Юрьевича, жена князя Всеволода Святославича 6, 96, 105, 166
 Глинка Г. А. 202
 Глинка С. Н. 4, 220, 222
 Глинка Ф. Н. 4, 210, 225, 226, 236, 243
 Гнедич Н. И. 14, 76, 80—82, 124, 137, 141—155, 157, 161, 190, 192, 198, 210, 231
 Гоголь Н. В. 4, 14, 110, 114, 115, 128, 178—195, 241, 244
 Голиков И. 39
 Головенченко Ф. М. 15, 197, 237
 Голохвастов П. Д. 100
 Гомер 218
 Гораций П. К. 152
 Горский А. В. 47
 Гостомысл 208
 Грамматин Н. Ф. 89, 154
 Греч Н. И. 89
 Грибоедов А. С. 81, 155, 232, 236—239
 Григорий, галицкий митрополит 77
 Гринченко Б. Д. 166
 Грот Я. 133
 Гудзий Н. К. 10, 36, 37, 172, 173
 Давид Игоревич, волынский князь 143, 145, 146
 Давыдов И. И. 100, 176
 Д'Андре-Бардон М. Ф. 41
 Даниил, игумен 62, 75
 Даниил Романович, галицкий князь 227
 Делапорт Ж. 41
 Деларю М. Д. 105, 106, 153, 240
 Дельвиг А. А. 218, 233
 Державин Г. Р. 14, 22, 63, 130—141, 156, 159, 160, 171, 198, 210, 218, 220
 Державина О. А. 32, 39
 Дидро Д. 93
 Димитрий Ростовский 21
 Дномид, писец 47, 48
 Длугош Я. 76
 Дмитревский И. А. 22
 Дмитриев Л. А. 14, 33—37, 52, 60, 63, 174, 211, 212
 Дмитрий Иванович Донской, великий князь московский 8, 58, 220, 221
 Добровский И. 98, 104
 Доленга-Ходаковский З. 3, 91, 109—129, 156, 159, 160, 171, 198, 210, 218, 220
 Доне А. 11, 12
 Дорошкевич О. 38
 Дубенский Д. Н. 154, 197
 Дурих Ф. 43
 Дылевский Н. М. 11
 Евпраксия, жена рязанского князя Федора 139—141, 218
 Еголин А. М. 172
 Екатерина II 32, 37, 65, 66, 215
 Елеонский С. Ф. 26, 42, 214
 Еремин И. П. 14, 69
 Ермак Тимофеевич 221
 Ермолаев А. И. 62, 63, 73—91, 97, 102, 104, 105, 109, 148, 157, 169, 170, 212, 237
 Жегулин С. С. 65
 Желанский П. 100

- Жихарев С. П. 63
 Жуковский В. А. 14, 29, 41, 60, 94, 104, 132, 153, 155, 158—160, 178, 179, 185—187, 198, 202, 210, 222, 223, 226
- Загорский М. П. 240, 241
 Загоскин М. Н. 190, 244
 Залесский В. 114, 186
 Зимин А. А. 3, 31, 32, 34, 46—72
- Иван IV Грозный 196, 205, 206, 210, 214, 216
 Игорь Рюрикович, новгородский и киевский князь 55, 140, 162
 Игорь Святославич, новгород-северский князь 5, 6, 9, 30, 44, 56, 69, 76, 79, 80, 84, 85, 88, 98, 101, 117, 118, 151, 160, 164, 171—174, 197, 202, 220, 224, 229, 231, 232, 240
 Иеремия, константинопольский патриарх 77
 Изяслав Василькович, князь 189
 Изяслав Ярославич, великий князь киевский 53, 87
 Ингварь Ярославич, луцкий князь 9
 Иннокентий, вологодский архимандрит 19
 Иоаким, новгородский епископ 217
 Иоанн, игумен Толгского монастыря 19, 20
 Иоанн, священник церкви св. Духа 20
 Иоанн Иоаннович, великий князь московский 119
 Иоиль (Иван) Быковский, архимандрит Спасо-Ярославского монастыря 16—36, 38, 39, 46, 47, 53
 Иона, новгородский архиепископ 76
 Ирина, дочь хазарского кагана, жена византийского императора 107
 Иринея, архимандрит Борисоглебского монастыря 17, 19
 Итляр, половецкий хан 238, 239
- К. З. 130
 Кайсаров А. С. 43, 202
 Калайдович К. Ф. 16, 28, 30, 47, 66, 67, 71, 78, 88—90, 113, 125, 153, 237
 Калайдович П. Ф. 67
 Каменский М. Ф. 137
 Капнист В. В. 76, 85, 132, 171, 179
 Караджич В. 11, 12, 174
 Карамзин Н. М. 9, 10, 14, 27, 30, 40, 42, 59—61, 63, 76, 81—83, 87—89, 91, 109—112, 119, 120, 122—125, 132, 147—150, 152, 154, 159, 170, 171, 211—214, 226, 229, 237, 239, 243
 Катенин П. А. 141, 227, 228, 232, 236
 Каченовский М. Т. 122, 168, 176
 Кашин Д. Н. 220
- Кеппен П. И. 82, 83, 114, 178
 Киприан, киевский и московский митрополит 77
 Киреевский П. В. 114
 Кирша Данилов 133, 156, 157
 Клабуновский И. Г. 27, 42
 Класовский В. 100
 Ключарев Ф. П. 135
 Ключевский В. О. 156
 Княжнин Я. Б. 204, 215, 222
 Кобяк, половецкий хан 202
 Колоколов А. Н. 21
 Константин Копроним, византийский император 107
 Константин Порфирородный, византийский император 80
 Кончак, половецкий хан 6, 151
 Короленко В. Г. 137
 Котопан 107
 Кочин Г. Е. 54
 Краснопольский Н. С. 164
 Красовский А. И. 106
 Красовский Ф. С. 38
 Крекшин П. Н. 61
 Крестова Л. В. 32—35
 Крижанич Ю. см. Белин Ю.
 Кромер М. 76
 Круг Ф. 77
 Крылов И. А. 80, 81, 138, 156, 157
 Кугушев Н. М. 4, 223, 224, 229
 Кудряшов К. В. 123, 124
 Кузьмина В. Д. 27, 32—35, 42
 Кулиш П. А. 184
 Куник А. А. 77
 Куницын А. И. 83
 Куприянов И. К. 61
 Кюхельбекер В. К. 198, 205, 206, 230, 232—236, 243
- Лажечников И. И. 178
 Лапицкий И. П. 158
 Латышев В. В. 68
 Лафонтен Ж. 156
 Лев Данилович, галицкий князь 77
 Левитский Н. 214
 Лелевель Й. 112
 Лепехин И. И. 63, 70, 71
 Лермонтов М. Ю. 14, 196—210
 Лернер Н. О. 127, 166, 185, 186
 Лжедмитрий I 159, 162
 Линде С. Б. 116, 121
 Лихачев Д. С. 12, 13, 34, 52, 53, 213, 216
 Лобанов М. Е. 106
 Ломоносов М. В. 66, 67, 130, 137, 170, 204
 Лотман Ю. М. 216, 242
 Лукьянов В. В. 12, 38, 39
 Львов Н. А. 133
 Львов П. Ю. 116—118, 135, 136, 190,

214, 224, 226, 229
Ляскоронский В. Г. 122, 123

Мабли Г.-Б., де 93
Мазон А. 31, 32, 34, 46—49
Майков Л. Н. 157
Максимович М. А. 104, 110, 113—
115, 127, 128, 169, 180—186, 191, 195
Макферсон Д. 198, 236, 242
Малиновский А. Ф. 28, 30, 40, 81—
83, 86, 87
Мальшкин 21
Мандельштам И. 187—189
Манкиев А. И. 147
Маркс К. 7, 20
Маргин, римский папа 107
Машинский С. О. 186
Медведев И. Н. 150
Мельгунов А. П. 18, 20
Мерзляков А. Ф. 137, 197
Миллер В. 167
Миллер Г.-Ф. 147
Минин К. 221
Михаил Ярославич, новгородский
князь 47
Мицкевич А. 217
Мнишек Ю. 163
Моисеева Г. Н. 14, 25, 39
Монтескье Ш.-Л., де 93
Мстислав Владимирович, великий
князь киевский 75
Мстислав Владимирович, тмутара-
канский князь 93, 94, 116, 118,
119, 135, 136, 223, 224
Мстислав Мстиславич, князь 227
Мстиславичи, сыновья волынского
князя Мстислава Изяславича 9
Муравьев Н. М. 150, 152, 153, 230,
231
Муравьев Н. Н. 214, 226
Мусин-Пушкин А. И., 8, 14, 16, 17,
19—23, 25—28, 30, 31, 33, 35—37,
39, 40, 42, 46—52, 54—56, 59—66,
68—71, 74, 78—80, 86, 90, 97, 104,
106, 132, 211, 212
Мышецкий С. И. 195
Надеждин Н. И. 100, 113
Наполеон Бонапарт 220
Нарезный В. Т. 95, 214
Неволин К. А. 125
Невоструев К. И. 47
Невский В. И. 214
Неедлы Ян, лексикограф 116
Некрасов Н. А. 14, 137
Неселовский, граф 110
Нестерович И. И.: 86
Нестор, летописец 55, 61, 75, 99,
102, 147, 169, 171, 176, 217, 218
Никитенко А. В. 73

Николай I 198
Новиков И. А. 158, 159, 164, 187, 188
Обнорский С. П. 47
Овлур (Лавер) 6, 56
Одоевский А. И. 150, 190, 200, 202,
230, 236
Олеарий А. 81
Олег Вещий, князь 161, 162, 202—
204, 213
Олег Святославич («Гориславлич»),
князь черниговский и тмутара-
канский 50—53, 55, 56, 64, 68, 85
Олег Святославич, сын князя Свя-
тослава Игоревича 140
Оленин А. Н. 4, 61, 63, 73—80, 83—
85, 87, 97, 104, 131, 134, 148, 155,
157, 212
Олин В. Н. 240, 242
Ольга, княгиня 126, 213, 229
Ораевский И. 25
Орлов А. С. 47, 122, 123, 189
Орлов В. Н. 225
Орлов Г. Г. 158
Оссан 27, 133, 134, 171, 198, 218,
236, 240, 242
Остен-Сакен Х. И. 92
Островский А. Н. 14
Павел, иеромонах 20
Палицын А. 131, 220
Паллас П. С. 74
Пальмин М. 21
Памва Берында 76
Панаев И. И. 137
Парни Э. Д. 233
Перевошиков В. М. 106
Петр I 20, 39, 63, 76, 175, 221
Петрарка Ф. 233
Пиксанов Н. К. 236, 237
Пиндар 130, 132
Плавильщиков П. А. 26, 27, 40
Платон, митрополит 37
Плетнев П. А. 241
Погодин М. П. 110, 113, 120—127
Подвысоцкий А. С. 168
Пожарский Д. М. 220, 221
Пожарский Я. 40, 89, 174
Позднеев А. В. 84
Полевой Н. А. 110, 113, 114, 190,
233, 243
Полевой П. Н. 217
Полежаев А. И. 242
Поликарпов Ф. П. 116
Попов М. И. 135, 202
Потебня А. А. 48, 49, 56
Предтеченский С. 24, 25
Прийма Ф. Я. 39, 212, 223
Прозрителев Г. 65
Пустошкин П. В. 64, 65

- Пушкин А. С. 14, 90, 91, 100, 102—104, 109, 110, 112, 124, 127—129, 137, 141, 150, 156—178, 185—187, 190, 198, 200, 202, 205, 207, 210, 222, 233, 234, 236, 241, 243, 244
- Пушкин В. Л. 132, 241
- Пыпин А. Н. 115, 134, 215
- Радищев А. Н. 14, 93, 133, 156, 205, 207, 208, 214—217, 222, 230, 231, 239
- Раевский В. Ф. 157, 205
- Раевский С. А. 197, 198, 205
- Расин Ж.-Б. 132
- Резанов В. И. 94
- Ржига В. Ф. 174
- Роман Данилович, галицкий князь 77
- Роман Мстиславич, галицкий князь 77
- Роман Святославич, тмутараканский князь 116
- Румянцев Н. П. 30, 63, 77—79, 81, 83, 86, 87, 112
- Румянцев П. А. 158
- Рыбаков Б. А. 13
- Рылеев К. Ф. 14, 137, 141, 151, 190, 205, 207, 210, 229—231, 236
- Рюрик, новгородский князь 204, 206, 209, 215, 217
- Рюрик, перемышльский князь 146
- Савва, тверской и капинский архиепископ 19
- Савваитов П. И. 168, 178
- Самоквасов Д. Я. 114
- Самуил, ростовский архиепископ 37
- Сахаров И. П. 167, 176, 178, 191
- Свиньин П. П. 67
- Святополк Изяславич, великий князь киевский 53, 54, 75, 143, 145, 146
- Святополк Окаянный, князь 234
- Святослав Всеволодович, великий князь киевский 6, 9, 86, 202, 205, 212
- Святослав Игоревич, киевский князь 140, 162, 213
- Святослав Ярославич, князь 97
- Селивановский С. А. 40
- Семеновский, священник 22
- Сенковский О. И. 236
- Сергий, ректор Ярославской духовной семинарии 22
- Серяков И. 214
- Сигизмунд III, польский король 77
- Сиповский В. В. 14, 190, 243
- Скотт В. 243
- Смирнов Д. А. 239
- Снегирев И. М. 82, 83
- Соболевский А. И. 68
- Соловьев А. В. 39
- Соловьев С. М. 122, 123
- Сопинов В. С. 63
- Сорокин Ю. С. 226
- Софокл 9
- Спасский Г. И. 66, 67, 106—108
- Сперанский М. Н. 86
- Спицын А. А. 66, 68, 114
- Срезневский В. И. 104
- Срезневский И. И. 10, 54, 58, 78, 82, 83, 114, 159, 181
- Стерн Л. 222
- Стефан Вишинский 20
- Стефан Стратимирович 43
- Стефан Сурожский 107
- Стриттер И. 76
- Строганов А. С. 136
- Строев П. М. 83, 86
- Стрыйковский М. 76, 217
- Стулли И. 43
- Суворов А. В. 158, 221
- Сулакадзев А. И. 63, 86, 134
- Сухомлинов М. И. 71, 105
- Сырчан (Серчак), половецкий хан 238, 239
- Тамерлан 234
- Татищев В. Н. 65, 76, 97
- Тауберт И.-К. 66
- Творогов О. В. 13
- Тимковский Р. Ф. 4, 30, 90
- Титов А. А. 22, 25, 31
- Тиханов П. Н. 147, 152
- Тихомиров М. Н. 53, 174
- Тредиаковский В. К. 132
- Трок М. А. 116, 121
- Туманский Ф. О. 20
- Тургенев Ал. И. 41, 43, 44, 60, 87, 176, 178, 213, 217
- Тургенев Анд. И. 29, 222
- Тургенев Н. И. 176
- Тынянов Ю. Н. 232
- Тютчев Ф. И. 242
- Уваров С. С. 73, 155
- Урусов И. Ю. 21
- Фасмер М. 238
- Федор, ростовский князь 77
- Федор, рязанский князь 139, 140
- Федор Иванович, царь 76
- Федоров Б. М. 106
- Феоктист Мочульский, севский епископ 18
- Фет А. А. 137
- Филатьев 21
- Фонвизин Д. И. 41

- Фофанов К. М. 137
Фролов П. К. 81
- Хвостов Д. И. 89
Хемницер И. И. 65
Херасков М. М. 24, 26, 27, 41, 42,
130, 154, 174, 214
Хмельницкий Б.-З. 182, 190, 225, 226
Хованский В. А. 61
Ходаковский см. Доленга-Ходаков-
ский З.
Хомяков А. С. 208, 210
- Цявловский М. А. 104, 157, 168, 172,
185, 186
- Чарноцкий А. см. Доленга-Ходаков-
ский З.
Чарторыйский А. 112
Чернышевский Н. Г. 9, 12
Чернявский И. И. 217
Чешихин В. Е. 100
Чингисхан 234
Чулков М. Д. 135
- Шамбинаго С. К. 14, 131, 214, 220,
240, 241
Шарлемань Н. В. 10
Шафарик П.-Й. 191
Шевченко Т. Г. 166
Шевырев С. П. 157, 163, 178, 191
Шекспир В. 163, 243
Шишков А. С. 40, 41, 88, 89, 97, 131,
173, 176
Шлецер А.-Л. 79, 104, 170, 202, 217,
218
Шляпкин И. А. 237
Штокмар М. П. 100
- Шторм Г. П. 153
Шуйский В. И. 162
- Щеголев П. Е. 176
Щекатов А. 18
Щербатов М. М. 147—149
- Эйхенбаум Б. М. 63
Энгельс Ф. 7, 207
- Ювеналий, архимандрит ростовско-
го Богоявленского монастыря 20
Юрий, рязанский князь 139, 140
Юрий Данилович, московский князь
47
- Язвицкий Н. И. 117, 118, 214
Языков Д. И. 106, 171
Языков Н. М. 199, 200, 205
Якубинский Л. П. 52
Якубович Л. А. 176
Янин В. Л. 57
Ярополк Святославич, князь 140
Ярослав Владимирович Мудрый,
великий князь киевский 26, 40,
67, 76, 98, 116, 117, 144
Ярослав Всеволодович, новгород-
ский князь 235
Ярослав Осмомысл, галицкий князь 6
Ярославичи, потомки Ярослава Муд-
рого 124
Ярославна (Евфросиния), дочь кня-
зя Ярослава Осмомысла, жена
князя Игоря Святославича 6, 14,
96, 120, 140, 160, 167, 180, 185, 198,
202, 204, 223, 225, 232, 235, 239, 240
Ясинский Я. И. 175, 186, 222
Ястребцов Е. 89
Mazon A. см. Мазон А.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	3
Введение	5
<i>Глава первая.</i> Из истории открытия «Слова о полку Игореве» . . .	16
<i>Глава вторая.</i> К спорам о подлинности древней поэмы (о гипотезе А. А. Зимина)	46
<i>Глава третья.</i> А. И. Ермолаев — самовидец и комментатор «Слова о полку Игореве»	73
<i>Глава четвертая.</i> «Слово о полку Игореве» в оценках А. Х. Востокова	92
<i>Глава пятая.</i> Зорян Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Игоридой»	109
<i>Глава шестая.</i> Г. Р. Державин и «Слово о полку Игореве»	130
<i>Глава седьмая.</i> Песнь Игоревы в неосуществленном замысле Н. И. Гнедича	142
<i>Глава восьмая.</i> Пушкин и «Слово о полку Игореве»	156
<i>Глава девятая.</i> Поэма об Игоре в творчестве Гоголя	179
<i>Глава десятая.</i> Отзвуки «Слова о полку Игореве» в поэзии Лермонтова	196
<i>Глава одиннадцатая.</i> Освоение идейно-эстетических ценностей «Слова о полку Игореве»	211
Именной указатель	245

Федор Яковлевич Прийма
«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
В РУССКОМ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ
ПРОЦЕССЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
АН СССР

Редактор издательства *Н. А. Храмцова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *Э. Г. Рабинович* и *Т. А. Румянцева*

ИБ № 9131

Сдано в набор 06.05.80. Подписано к печати 24.10.80.
М-39024. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 15³/₄ =
=15.75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 17.35. Тираж 18800.
Изд. № 7608. Тип. зак. 1405. Цена 1 р. 40 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12